

Митрополит Лимасольский Афанасий

Брак
ад или рай?

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2018

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

А94

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-813-0479

Афанасий (Николау), митрополит Лимасольский.

А94 Брак — ад или рай? / пер. с болг. и новогреч. С. Косовой,
Д. Лампадиста. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2018. —
304 с. : ил.

ISBN 978-5-7533-1473-4

В сборнике бесед известного кипрского митрополита Афанасия (Николау) — автора, уже полюбившегося русским читателям, — речь идет о правильном, христианском понимании смысла брака. Книга адресована тем, кто только задумывается о вступлении в брак, и тем, кто уже встретил свою вторую половину и хочет, чтобы в доме воцарились подлинная любовь и взаимопонимание.

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

© Афанасий (Николау), митр., 2018

© Косова С., Лампадист Д., перевод
на русский язык, 2018

ISBN 978-5-7533-1473-4

© Сретенский монастырь, 2018

Счастье — не главная цель брака

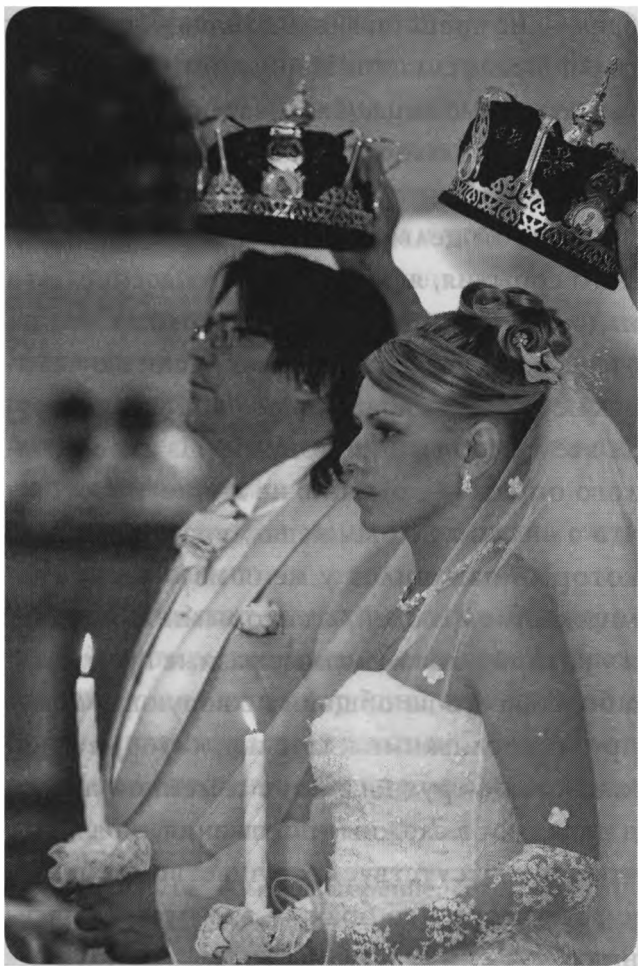
Брак — это путь к спасению человека. Если мы посмотрим на него в духе Церкви, тогда надо признать, что главной целью брака не может быть ничего, кроме спасения человека. То есть целью брака нельзя назвать ни счастье, ни рождение детей, ни, например, обретение друга по жизни, потому что всё это второстепенно.

Брак — очень важное событие в нашей жизни, и сама Церковь его благословляет и защищает. Знаете, в первые годы существования Церкви были такие христиане (естественно, еретики), которые учили, что брак — это

что-то гнусное, он ниже девства и человеку нехорошо жениться. Но святой апостол Павел говорит: «Среди вас есть люди, увещающие вас не жениться и гнушаться брака, тогда как брак у всех честен и брачное ложе чисто» (ср. Евр. 13, 4).

Церковь очень рано в правилах Апостольских и Вселенских Соборов отвергла подобные идеи о браке. На одном Соборе даже обсуждалась проблема: позволительно ли священникам быть женатыми. Римокатолики до наших дней так и не разрешают своим клирикам вступать в брак — там нет брака, а есть celibat. И вот на этом Соборе обсуждалось, может ли священник быть женатым, потому что некоторые христиане считали, что брак ниже девства, он не соотнобразуется с духовной жизнью, тем более со священством.

Разумеется, православные отцы не приняли этот еретический и неправильный взгляд, и один подвижник, святой Пафнутий, священномученик, даже встал на защиту семейных священников и сказал, что честный

брак — не препятствие для священства. С тех пор в Православной Церкви имеются женатые духовные лица. Следовательно, Церковь принимает, благословляет брак и считает его путем к спасению.

Главной целью брака, этого столь важного события, является наше спасение. Это надо очень хорошо понять, потому что на этом и следует строить брак; если же человек не положит правильного основания, тогда всё у него выйдет кривым. Из своего малого опыта — конечно, не личного, потому что я никогда не был женат, а из того опыта, который накопился у меня из общения со множеством людей, с которыми я беседую и у которых бывают самые разные проблемы, а более всего из общения с верующими супругами, близкими к Церкви, которые сталкиваются с трудностями в семейной жизни и попадают в сложные положения, — я вижу, что у них отсутствует это чувство, а именно чувство того, что брак — это путь к спасению.

Кто-нибудь, однако, скажет:

— Я женился, потому что хочу быть счастливым. Я хочу, чтобы у меня был такой человек, который будет меня любить, хочу, чтобы у нас в семье царило согласие. Хочу, чтобы семья была для меня пристанищем и чтобы я отдыхал, придя домой.

Да, это всё естественно, это человеческое. Но так ли оно должно быть? Приведу пример из монашеской жизни, чтобы мы поняли, что этот эвдемонический* дух проник и в наше христианское мышление.

Сегодня молодой человек, желающий стать монахом, говорит:

— Я хочу стать монахом, хочу найти хороший монастырь, чтобы там было хорошее братство, хорошие отцы, хороший старец. Чтобы он был святым, рассудительным, не гневался, не был зол, не относился ко мне плохо, чтобы

* *Эвдемонизм* — мировоззрение, согласно которому счастье, блаженство являются высшей целью человека.

вникал в мои нужды. Чтобы монастырь располагался в хорошем месте, чтобы всё там было хорошо!

И вот человек с такими установками вступает в монашескую жизнь. Так начинал и я, становясь монахом, однако впоследствии, конечно, понял, что это ошибка. А в «Патерике» мы видим совершенно другое воззрение.

Так, некий юноша пошел к авве и спросил его:

— Авва, куда мне пойти, чтобы спастись?

То есть «куда мне пойти, чтобы стать монахом». И он сказал ему:

— Чадо, туда, где есть труд, вот туда иди. Не ходи туда, где легко, если хочешь спастись. Если ты желаешь жить в удовольствии, хорошо и красиво, тогда ладно, иди туда, где легко. А если на самом деле стремишься обрести спасение, иди туда, где трудности, где нужен труд*.

Некогда один юноша спросил авву Захарию:

* См. Древний патерик. Гл. 14, 3 (2). М., 1899.

— Авва, как мне вести себя в общежитийном монастыре, чтобы спастись?

И авва взял свою камилавку, бросил ее на землю, истоптал и сказал:

— Если станешь вот таким, можешь спастись. Если станешь, как эта камилавка, и другие будут топтать тебя, можешь спастись*.

Он не сказал ему: «Если хочешь спастись, твой старец должен быть кротким, не гневаться, не пресекать твоих желаний, печься о тебе», — и т. д. Нет, у отцов не было такого понимания.

Помню, когда я был на Святой Горе, как-то прибыл из Афин один архимандрит и хотел найти себе келью, где можно было бы посвятить себя безмолвию. Пришел он к отцу Ефрему в Катунанию и сказал:

— Геронда, у вас здесь есть кельи, где я мог бы предаться безмолвию и подвижнической жизни?

* См. Достопамятные сказания. Об авве Захарии, 3. М., 1999; Древний патерик. Гл. 15, 17 (17).

Старец отвечает:

— Келий много.

Кто из вас был в Катунакии, Карулии, те знают, что там много келий.

Тот говорит ему:

— Я хочу такую келью, где есть вода.

— Ну, есть и такие.

— И чтобы не было сырости! И чтобы было не очень высоко и не в пещере, не под скалами...

Тогда отец Ефрем сказал:

— Отче, возвращайся-ка ты назад, в Афины, ты не для Катунакии! Здесь нужен труд, а не комфорт.

Это справедливо не только с точки зрения монашества. Когда христианин заключает брак, целью его жизни тоже должно быть спасение. Когда мы говорим «спасение», то имеем в виду, что нужно возлюбить Христа превыше всего, быть соединенным с Ним, обратить на пользу и духовно усовершенствовать свою жизнь в Иисусе Христе. Приступая к браку, христианин думает так: «Если я женюсь, значит, мой

брак должен стать тем средством, которое приведет меня ко спасению...»

Помню, молодые люди приходили к старцу Паисию и говорили ему:

— Отче, помолитесь, чтобы нам найти хорошую девушку и жениться!

Старец отвечал:

— Да ладно вам, дети! А с плохими девушками что будет? Все вы хотите хороших девушек, а что делать с плохими? Нам что их, засолить и позакрывать в консервные банки, как сардины? Законсервировать? Кто-то ведь должен взять и плохих!

А потом говорил им:

— Дети, это ошибка, и вы строите свой брак на неверном основании.

Вы хотите взять хорошую девушку — хорошо. Как бы естественно это ни выглядело и как бы горько ни было, когда выходит не так, — да, это логично, но это неправильное основание, потому что это эвдемонический взгляд на брак. То есть я вступаю в брак, чтобы жить в удовольствии, а не чтобы спастись. Моя главная

цель — не мое спасение, брак со Христом, а чтобы жизнь моя была приятной. Поэтому если я вступлю в брак и увижу, что эта хорошая, скромная, смиренная девушка-христианка — не такая уж смиренная и скромная и обладает не только всяческими добродетелями, но и пороками, которые есть у любого человека, и начнутся трудности в браке, то я скажу: «Но я не хотел такого брака, чтобы я мучился, терзался, а она без конца пилила бы меня!»

Да, все это человеческое, но только в конечном счете оказывается, что наше спасение и требует того, чтобы мы находились в этом не очень комфортном пространстве. А если посмотреть на неудачи в браке более духовно, то бывает ли что-нибудь без Промысла Божия? Тем более наш брак!

Когда я окончил университет, мы с некоторыми однокурсниками остались большими друзьями. И вот спустя несколько лет, когда я уже был в Новом Скиту, залез я однажды на лимонное дерево, чтобы собирать лимоны, и тут приходит монах и говорит:

— Слушай, тут человек ищет тебя!

Я сказал ему:

— Ну что же мне теперь, слезать, что ли?

Пусти его, пусть идет сюда!

Он пришел, я глянул на него сверху: вижу молодого человека с поседевшей бородой, бледного, худого, измученного.

Спрашиваю его:

— Ты кто?

Он говорит:

— Ты что, не узнал меня? Мой голос тебе ни о чем не говорит?

— Да ни о чем он мне не говорит!

— Да я же Панайот, твой однокурсник!

— Ой, Панайот, да как же ты стал таким, сын мой? Ты что, заболел?

— Да нет, я женился!

А я-то думал, что он заболел. Чтобы утешить его, я сказал ему:

— Не огорчайся, ты стал прямо как святые мощи!

Он выглядел как полуживой: иссох, волосы поседели.

БРАК — АД ИЛИ РАЙ?

— Отче, ну что тебе сказать? Ты помнишь такую-то?

— Да, она же была нашей однокурсницей. Помню ее.

— Она мне всю душу съела!

Оказалось, что он женился на нашей однокурснице.

Да... Но отцы там скоро наставили его на путь истинный. Объяснили ему, что непременно должны быть трудности в браке. Мол, смотри: ты нашел такого человека, который непрост, — ты со своими трудностями, а она со своими, вот вы оба и терзаетесь (она, вероятно, тоже), но только если ты посмотришь на это с духовной точки зрения, то извлечешь пользу из этого своего затруднения. И это затруднение, и вообще все затруднения, связанные с браком, пойдут тебе на великую пользу, если ты отнесешься к ним правильно.

Перевела с болгарского Станка Косова

Брак — это крестовоскресный путь

Не пытайся кого-нибудь исправить. Это огромная ошибка в браке. Как и в монашестве. Когда приходишь в монастырь, тебе не дано исправлять монастырь, это непозволительно, тебе нельзя исправлять старца или братию. В монастыре исправляешься ты, а не ты исправляешь кого-нибудь или весь монастырь. С той самой минуты, как ты подумаешь: «Надо бы этому старцу и братьям стать более вежливыми, добрыми, учтивыми!» — ты уже потерял всё и однажды оттуда уйдешь. И с того самого момента, когда ты попытаешься в браке сделать другого таким, каким

хочется тебе, произойдет одно из двух: или ты его «съешь» — если он слишком добрый, слабохарактерный и просто мягкий человек, он будет подавлен тобой; или, если он не такой, у вас каждый день будут конфликты.

В браке исправляют себя и только себя. Здесь происходит то, о чем говорят отцы: ты правильно настроишься к другому, и если другой не меняется, изменишься ты. Ты сам найдешь, как относиться к другому, если он никак не может понять, что должен измениться. Как учил наш старец, когда я говорил ему:

— Родители меня не понимают! Я не нахожу общего языка с ними.

Он говорил:

— Ничего страшного, дитя, а ты возьми и пойми их! Если они тебя не понимают, тогда пойми их ты, и вопрос будет решен.

И действительно, если ты сам поймешь другого человека, тогда ты уже не будешь так добиваться того, чтобы он понял тебя.

Мы читаем жития древних и современных святых, например житие старца Ефрема Кату-

накского, а он сорок два года жил с таким старцем, который был сущим тираном, — другие отцы больше 15–20 минут не могли его вынести. Наш старец говорил: «Я терпел его 30 минут, а потом мы уходили». С ним никто не мог ужиться. А он даже не был первоначальным старцем отца Ефрема: отец Ефрем начинал со своим старцем, но через год тот умер, и после него остался старцем этот отец Никифор, и был он деспотом, душевно больным, энергией обладал просто демонической. Отцу Ефрему было двадцать лет, когда почил его старец, и вот сорок два года он оказывал послушание этому очень тяжелому человеку, я даже не могу сказать вам, насколько тяжелому, чтобы не шокировать вас.

Много раз отец Ефрем не выдерживал и пытался уйти от отца Никифора, но как только решался уйти, благодать Божия тут же покидала его. А ведь отец Ефрем был богоносцем — он имел такое дерзновение пред Богом, что говорил с Ним, как другой говорит со своим другом, но всё равно Бог был неумолим и попустил ему мучиться целых сорок два года.

Под конец отец Никифор совсем лишился рассудка. Так прошло года три-четыре, и это было огромное мучение. И вот когда отец Никифор почил и его хоронили, то, прежде чем опустить его тело в могилу (не знаю, целуют ли в миру тело покойника, но на Святой Горе, когда старец скончается, прежде чем опустить его в могилу, все послушники подходят, чтобы взять у него последнее благословение и попросить прощения), подошел и отец Ефрем и поклонился тленными останкам. И в тот самый миг, когда он кланялся почившему, Бог известил его внутренне, что на то, что он сделал (остался при старце), была Божия воля.

И отец Ефрем ответил Богу:

— Сорок три года я молился и спрашивал у Тебя, какова Твоя воля, но Ты мне не сказал! И говоришь это сейчас, спустя сорок три года? Что же мне теперь делать, когда старец почил? А если бы я его оставил и ушел раньше?

— Если бы ты это сделал, ты погубил бы себя! — услышал он ответ в душе.

Видите, освящение и спасение пришло к этому человеку не посреди счастливого существования, а через тяжелую жизнь, через огромный труд, ибо, к сожалению, дела обстоят именно так. Только через Крест приходит Воскресение. Только Крестом может спастись человек, эта наша падшая и больная природа, заквашенная на падении. Чтобы смочь отринуть болезнь этого падения, она должна взойти на крест. Человек должен идти по стопам Христа. В противном случае, если мы не хотим идти этим путем — разумеется, мы свободны сделать это, — тогда не надо ждать, что мы станем учениками распятого Христа. Потому что если Христос добровольно взошел на Крест и Крестом пришла радость всему миру, то это значит, что каждый человек, который хочет спастись, должен добровольно взойти на свой крест и через крест он обретет великую радость.

Но не надо смотреть на свою супругу как на Диоклетиана или Нерона и говорить: «Какое счастье, моя жена — мой палач, и она меня освятит!» Не так, но с благим помыслом и на

правильном основании: мы вступаем в брак, чтобы подвизаться, отсечь свои страсти, превозмочь себя, «чтобы я умер для того, чтобы жил другой».

Как-то пришла ко мне одна мать, хотевшая развестись, потому что больше не любила своего мужа и он ее не любил. И она мне сказала:

— Не могу я жить с человеком, которого не люблю!

— Хорошо, но что будет с твоими детьми?

— Да ладно, с детьми! Со мной вот что будет? Как я буду жить в таком браке?

Я ей ответил:

— Но кто тебе сказал, что ты должна жить в браке?

В брак ты вступаешь не для того, чтобы жить, а чтобы умереть. Брак — это твоя могила, в браке надо умереть, чтобы жить. Как когда становишься монахом, ты уходишь в монастырь не чтобы жить, а чтобы умереть. И когда мы крещаемся, то поем все: «Крестившиеся во Христа, мы в смерть Его крестились»: *Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа*

Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни (Рим. 6, 3–4).

Христианская жизнь означает крест и смерть. Следовательно, весь наш путь как христиан лежит через смерть ветхого человека, чтобы ожил новый человек, и когда это произойдет, тогда мы увидим, что всё хорошо весьма.

И ни один человек перед нами не виноват, даже бесы. Видите ли, святые не хотели обижать даже бесов. Помню, когда мы называли дьявола дьяволом, Старец Паисий говорил нам:

— Не называй его так, это же оскорбление ему! Не называй его так, жалко ведь его!

— А как же нам его называть?

— Давайте называть его тангалашкой. Как медвежонка какого-нибудь...

— Он живьем нас съедает, а мы должны называть его тангалашкой?!

Старец, однако, не хотел называть его диволом, дабы не оскорблять его, и спрашивал:

— А тебе понравится, если я скажу тебе, что ты диавол?

Ну хорошо, но он же диавол и есть! Но старец никогда этого не говорил и не считал злым ни одного человека.

Когда человек очистит себя, улучшится и станет совершенным во Христе, тогда всё вокруг него меняется, и его брак, каким бы трудным он ни был, реально становится местом, где Бог являет Свое Царство. Поэтому в чинопоследовании венчания мы поем тропари мученикам: «Святити мученицы...» и т. д., возлагаем «мученические» венцы на головы молодоженам, и все это показывает, что речь идет о мученическом пути через смерть (ветхого человека) в браке, ведущем к Царству Божию.

В браке спасаются многие. Хорошо, может, и нет записанного жития таких святых, но в действительности есть женатые люди, даже превосходящие современных монахов. И все мы знаем подобные примеры.

Можно говорить, что отец Ефрем жил со старцем-тираном, но у отца Ефрема была и Божия благодать, он молился, да и старец Иосиф Исихаст обитал поблизости. А женщина, которая не сорок два года, а шестьдесят лет живет с мужем-тираном, который хуже отца Никифора? День и ночь живет с человеком, который причиняет ей муки, может избить и даже убить ее? Эта женщина, претерпевающая всё ради любви ко Христу, разве она не пришла в меру отца Ефрема, а возможно, и выше?

Без сомнения, у людей в миру столько скорбей и крестов! У скольких родителей растут дети с тяжелыми заболеваниями, скольких жен обижают мужья! В миру очень много такого. Эти люди неизвестны, потому что не нашлось того, кто написал бы о них. Монахам другие монахи составляют жития, а кто напишет о простом человеке?

Но я не считаю, что спасается больше монахов, чем женатых. Во-первых, монахов численно меньше. Сколько сейчас монахов на Кипре, человек сто? А мирян семьсот тысяч. Что это

значит? Что спасутся только сто монахов? Спасутся не одни они. Других спасающихся людей так много!

Действительно, брак как таковой — это преодоление себя, даже самый счастливый брак. Если он сохраняется, значит, ты преодолеваешь себя. Когда отец каждый день буквально из кожи лезет, надрывается на солнцепеке (если он, к примеру, строитель или кузнец) и зарабатывает 50 лир в день, а дети приходят и просят у него: один 10 лир, другой 20, а третий 30 и отнимают у него все деньги, ради которых он убивался и стал весь черный как смола, — разве этот человек не преодолевает себя, не отдает свою кровь*, отдавая деньги, которые добыл своей кровью, чтобы дети могли пойти и купить себе игрушки? Это самопожертвование.

Некоторые люди задаются вопросом: почему жизнь нехристиан кажется благополучной, представляется в розовом свете, а у христиан

* Здесь имеется в виду святоотеческое изречение: «Дай кровь — прими Дух».

она должна быть мучением? А почему жизнь церковных людей кажется вам более тяжелой?! Наоборот, она легче, ведь они в своих трудностях могут опереться на Христа, а человеку, не имеющему надежды, на что опереться? На что обопрется в трудную минуту тот, кто не умеет молиться, кто не знает, что существует другая жизнь, тот, в чьей жизни нет Христова присутствия? Как он выдержит несправедливость, удар, когда нет противовеса — Христа? Поэтому смотришь на такого человека: начнут его ругать — и он ругает, или бросается, чтобы убить другого, или сам себя лишает жизни и губит всё. Человек ведь не выдерживает один.

Приведу вам пример. Когда хоронят молодых и скорбящие родители — верующие, там реально проявляется вера. Два года тому назад хоронили мы в Лимасоле одного молодого человека, который едва женился, поехал с супругой в медовый месяц и там через двадцать пять дней погиб. И принесли его в тот же самый храм, где он венчался, и похоронили в свадебном костюме. Молодожен, едва успевший стать

мужем. Родители его были церковными людьми. И все присутствующие смотрели на этих отца и мать — страдающих, убитых горем, но имеющих надежду, твердый противовес в душе.

Потом были у нас другие похороны, и снова молодой человек, но его несчастные родители не имели такой связи с Церковью, и о том, что там происходило, лучше вам не рассказывать. Нас чуть не избили, мать пришлось удерживать, чтобы она на нас не набросилась, потому что она считала, что только мы виноваты в гибели ее ребенка. Она, конечно, была не в себе, бедняжка, от своей боли, но очевидно, что человек, у которого нет надежды, не знает, что ему делать, тогда как христианин тоже бывает уязвлен, но он куда-то шагает, у него есть надежда.

Как если, например, кто-нибудь сейчас придет и скажет:

— Ты знаешь, у тебя, к сожалению, рак, и ты через три месяца умрешь!

Ну ладно, я как человек буду шокирован, расстроюсь на минуту, но потом встану на ноги и скажу: «Христос существует, Царство Божие

существует, я przygotowуюсь, я помолюсь!»
А если бы у меня не было надежды, то что бы я делал? Я бился бы головой об стенку и говорил: «Что будет с моей жизнью? Что будет со всем тем, что я хотел сделать и не сделал, ведь у меня же были такие мечты?!»

Поэтому не думаю, чтобы церковные люди казались более несчастными, просто у церковного человека имеется благородство — смело встречать свои трудности, смотреть им прямо в глаза и правильно поступать с ними. Если кто-нибудь закрывает глаза, это не значит, что проблем больше не существует. И у тех, и у других трудности одни и те же, если у неверующих не хуже.

Перевела с болгарского Станка Косова

Гармония — главное в семейной жизни

Все свое внимание Церковь сосредотачивает на том, чтобы познать, в чем состоит глубинная, основная проблема человека.

Почему распадаются семьи? После тщательного исследования приходишь к выводу, что корень проблемы — в серьезном заблуждении, очень распространенном в нашем обществе.

К сожалению, в современном обществе нас не учат правильным отношениям с ближним. Я в этом убедился, наблюдая за детьми разного возраста, когда имел тесный контакт с учебными заведениями. Неправильное воспитание начинается с довольно раннего возраста и очень

быстро приносит свои печальные плоды. С детства нам говорят о важности регулярного посещения школы, нам внушают, что необходимо приобретать различные знания, стараются, чтобы мы выросли добрыми, порядочными людьми, нас учат хорошим манерам. Так же наставляли нас и наши бабушки: «Будь вежливым, веди себя достойно, приучись говорить только хорошие слова». И в школе от нас требуют быть вежливыми, обращаться к тем, кто старше нас, на «Вы», правильно изъясняться и т. д. Все это необходимо, конечно.

Однако мы упустили кое-что очень важное. Общение — это не только вежливое поведение и красивая речь. Общение — это еще умение слушать другого человека. Вот этому нас практически никто не учит. В то время как в православии и в нашей культуре этому придается важное значение. Если обратиться к аскетическим творениям древних и современных отцов Церкви и даже древних греческих философов, то можно заметить, что они уделяют немало внимания этой теме. К примеру, святой Нико-

дим Святोगорец, монах, аскет, подвизавшийся в пустыни Афона в XVIII столетии, в беседах с духовником советовал ему, как он должен выслушивать приходящих к нему. Как ему сидеть на стуле, как смотреть на исповедующегося, как встречать человека, пришедшего на исповедь. Святой Никодим говорил духовнику о том, чтобы он следил за своей мимикой и за своими движениями, чтобы случайно каким-нибудь образом не смутить человека. Даже говорил о том, как дышать в то время, когда духовник слушает исповедь. Какая чудесная мудрость опыта отношений между людьми, истекающая из традиции нашей Церкви, к сожалению, в наш век уже практически утерянная. Мы приучены только говорить. Искусство слушать нам неведомо.

Движимые добрым побуждением, мужья или жены приводят к нам на беседы своих детей или супругов, с которыми у них сложные отношения. Но, пребывая во вражде, как же мучают они себя и других. Как только они начинают диалог, сразу же становится очевидной

их проблема: они не слушают другого человека. Они начинают говорить синхронно, воспроизводя, подобно двум магнитофонам, заранее записанную запись, в которой изложены все «за» и «против» относительно их самих. И так поступают обе стороны. Но ведь два магнитофона никогда не смогут найти общий язык между собой. Они будут только лишь воспроизводить записанную на кассете информацию. Так же и люди: каждый стремится высказать свою точку зрения и не в состоянии выслушать другого.

Кто-нибудь может возразить: «Да, к сожалению, это печальная действительность, но что поделать?!» А я сошлюсь на свой личный опыт общения с семейными парами: так вот, девятью процентами браков распадается вовсе не по причине внебрачных отношений одного из супругов. Измена одного из супругов оказывается уже следствием. Первая же трещина появляется из-за того, что муж или жена — оправданно или нет — замыкается в себе.

В этом нас убедил многолетний опыт общения с супружескими парами. Муж с головой

уходит в зарабатывание денег, самоотверженно и с достоинством трудясь с утра до вечера, порой на двух работах, чтобы соответствовать требованиям современной жизни. Точно так же поступает и жена. И каков результат? Оба приходят домой вечером настолько усталыми и опустошенными, что даже не могут общаться друг с другом, и, к сожалению, сваливают всю эту психосоматическую усталость друг на друга. А если у супругов растут дети, то они полагают, что достаточно быть просто «хорошим отцом» или «хорошей матерью»: «Я делаю для своих детей и для своего дома все необходимое. Стараюсь, чтобы они ни в чем не нуждались. Чтобы они не чувствовали себя чем-то обделенными». Но опыт показывает, что самое главное, в чем нуждаются наши дети, — это гармония в семье, и очень часто она-то и отсутствует.

Вы, как родители, прекрасно знаете, что дети обладают очень тонкими чувствами, которые весьма сложно обмануть. Мы можем не ругаться при них и ничего им не говорить о наших напряженных отношениях между собой, однако

дети неведомым нам способом понимают, что происходит. Даже младенцы. И потому я советую матерям, приходящим на исповедь с младенцами, оставлять их с кем-нибудь из родных, так как я заметил, что, когда матери исповедуются, их младенцы соучаствуют в этом. Дитя может быть совсем грудным малюткой и ничего не понимать, но когда мать, держащая его на руках, рассказывает что-нибудь печальное, или плачет, или очень переживает, то малыш, видя ее взволнованной, начинает волноваться сам. Поэтому я говорю матерям: «Не приходите с ребенком на исповедь!» — «Да он же еще совсем младенец, он еще ничего не понимает», — возражают мне. Понимает! Еще задолго до рождения уже все понимает. Сегодня это доказала наука, и уже существует «психология зародыша». То есть даже зародыш воспринимает раздражители и различные негативные эмоции, образующиеся вокруг него. Так что не будем наивными, полагая, что наши дети ничего не понимают. Понимают! Они очень чувствительны. И нам сложно от них спрятаться.

Повторю: самое необходимое, в чем нуждаются наши дети и мы сами, — это гармония в отношениях. Это нечто само собой разумеющееся. Но как ее обрести?

Брак — это непрестанный труд по совершенствованию самого себя. Здесь не так все просто. А еще брак — это наука из наук.

Я довольно-таки часто посещаю городские и областные школы и лицеи. После наших собеседований некоторые из учащихся остаются и задают вопросы:

— Владыка, а почему Церковь не допускает внебрачных отношений? Неужели это настолько неприемлемо? Почему Церковь так строга?

— Да, Церковь строго подходит к этому вопросу. Не потому, что хочет не допустить отношений между двумя людьми, а потому, что хочет, чтобы эти отношения были созданы на правильном основании.

Если с малого возраста ты не научишься видеть в другом человеке не представителя противоположного пола, а личность — Марию,

Константина, Георгия, то, когда ты вступишь в брак, ты можешь столкнуться с очень серьезной трудностью. В браке ты не будешь воспринимать другого человека именно как человека, но лишь как мужчину и женщину.

Надеюсь, вы хорошо понимаете, что если человек не превзойдет в себе различие полов, то он не сможет создать правильные отношения в браке.

К примеру, некоторые говорят: «Не могу понять, почему моя жена на меня жалуется! Чего ей не хватает? Я хороший муж, забочусь о доме, приношу деньги, всем ее обеспечиваю. Что ей еще надо?» И жена рассуждает подобным образом: «Я ему готовлю, стираю, убираю дом, я перед ним чиста, весь мой интерес только о семье. Почему он недоволен?»

Конечно, все это очень важно в браке, но они не могут понять, что все это не касается другого человека, что душевное и сочувственное общение имеет в браке первостепенное значение, а материальное обеспечение семьи и домашние хлопоты — второстепенное. Как

я уже сказал, в браке другого человека нужно воспринимать прежде всего как личность.

Смотрите, Христос, чтобы спасти человека, Сам стал человеком. Бог не спас мир только тем, что оставил миру Свои заповеди или послал на проповедь пророков, творящих чудеса. Нет! Он Сам принял на Себя человеческую плоть. Так и в браке: чтобы он был прочным и не распался, муж и жена должны постараться понять душевный мир друг друга, чтобы предчувствовать, какие потребности и трудности возникают у второй половины. Таким образом укрепляется брак. И, действуя так, муж и жена становятся «плотью единой», то есть единым человеком. Не раздельно муж и жена, но супружеская чета, нечто целое. Два человека в абсолютно новой для них реальности и человеческой ипостаси.

Муж и жена становятся новым человеком, которого благословляет Христос в таинстве брака и соединяет нераздельно. С этого момента этот новый человек не может действовать одной лишь частью себя. И муж уже не может представить свою жену как часть чего-то

другого, но только как часть себя, и оба становятся «плотью единой», несмотря на то, что сущность и психология мужчины и женщины совершенно различны. Вот это-то и прекрасно в браке — то, что один дополняет другого.

Но, становясь в браке «единой плотью», один член семьи вовсе не обладает всецело другим и не «поглощает» его личность. Нет! Мужчина доносит до женщины свои мужские практические познания, а женщина, в свою очередь, доносит до мужчины свой женский опыт и свое видение жизни, и они вместе становятся новым, благословенным в браке человеком, который в супружеском союзе приносит в мир плод своего брака — детей. Видите, насколько удивительна Премудрость Божия: ребенок не рождается только лишь от матери, но и при участии отца, то есть от двух абсолютно разных людей, когда-то не знавших друг друга.

Дети очень часто походят на родителей не только внешними чертами, но также и моделью поведения и душевными свойствами. Поэтому часто родители видят в своих детях продолже-

ние самих себя. И самый дорогой подарок, который мы можем преподнести нашим детям, — это наше внимание.

Гармония, о которой мы говорили, достигается только усилием, работой над собой и жертвенностью. Надо знать, что душевный мир, мир в семье и между супругами намного важнее всего материального и его невозможно приобрести ни за какие средства.

К созданию брака надо относиться очень ответственно, применяя к нему правильные критерии. Давайте будем смотреть на другого человека как на человека, стараясь принять его таким, какой он есть. Постараемся понять, какие нужды и потребности возникают у нашей второй половины. Постараемся понять, что наша задача в браке — отдавать себя другому, а не требовать от другого, чтобы он отдал нам всего себя. Большая ошибка — требовать от своей второй половины любви, говоря: «Я требую от тебя только одного: чтобы ты меня любила». Такие требования очень часто можно услышать от только что вступивших в брак

молодоженов. Когда я слышу подобные высказывания, то поправляю их, говоря: «Чада мои, вы заложили неправильный фундамент для семейной жизни. Когда ты требуешь чего-то от кого-то, то твои требования часто будут становиться предлогом для спора и ссоры. Если ты требуешь любви от другого, говоря: “Единственное, чего я от тебя требую, — это чтобы ты меня любила. Я хочу, чтобы ты меня уважала. Чтобы ты была хорошей женой”, — всё! С этого момента начинается непрекращающаяся ссора, потому что затем ты скажешь: “Ты не та, о которой я мечтал”. Сначала надо отдать человеку всего себя, а затем уже брать. А требовать чего-то с самого начала — это большая ошибка. Скажи лучше своей жене: “То, чего я по-настоящему желаю, — это любить тебя, и я буду стараться всегда первым делать шаг навстречу тебе в моменты разногласий”».

По учению Церкви, настоящая любовь *не ищет своего*, как пишет апостол Павел. *Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 5, 7). Господь Иисус Христос

совершенно возлюбил человека — так, как никто другой не смог его полюбить. Свою любовь Он доказал Своей Великой Жертвой за него. В браке мужчине очень содействует образ Христа, любящего Свою Церковь. И муж должен любить свою жену по этому подобию. В браке у тебя есть возможность воплотить свою любовь, отдать всего себя без претензий, без взаимных обменов, без требований чего-то для себя. Тогда твоя вторая половина, видя твое великодушие, будет крайне растрогана и охотно поделится с тобой всем своим внутренним богатством, насколько это возможно.

Я постарался объяснить вам, где появляется первая трещина, постепенно увеличивающаяся и влекущая за собой все прочие проблемы.

Давайте будем стремиться отдавать свою любовь, всего себя другому без ограничений. Давайте предпримем труд слушать и услышать другого человека. А чтобы услышать другого, нужно сначала замолчать и превратиться самому в слух. Женщина да будет слушать мужа, а муж жену. И так супруги, скрепленные проч-

ным союзом, дадут своим детям самое лучшее, что у них есть, ведь своим детям любящие родители с такой охотой преподносят свою любовь, свое участие и внимание.

Я вам желаю всего доброго, чтобы вы всегда радовали свои семьи. Учите ваших детей всему доброму. Учите своих детей быть активными и добиваться благих целей, чтобы они стали благословенными от Бога.

Перевел с новогреческого Димитрий Лампадист

*Мы не учили детей
самому важному*

В Православной Церкви слово «воспитание» означает руководство. Руководство людьми не к каким-нибудь конкретным идеям, ценностям, идеалам, но приведение человека к любви ко Господу нашему Иисусу Христу. Обмирщенное восприятие религии, Церкви полагает, что Церковь учит верить в Бога, и только. В то время как основная задача Церкви — это научить человека тому, как правильно любить Бога. Эта любовь ко Творцу останется в вечности, а вера и надежда упразднятся в последний день. Верить в Бога для человека — все равно что восходить по

лестнице: с первой ступени на вторую, со второй на третью и т. д. Но человек не может постоянно оставаться на этом этапе, ему очень сложно посвящать всю свою жизнь чему-то такому, во что он просто верит. Впрочем, если он уж очень увлечен идеологией, возможно, что и сможет, как мы часто видим в окружающей нас повседневности.

Только любовь к Богу может дать человеку абсолютную гармонию и душевный мир. Смысл жизни для человека — это обретение Бога. Христос для нас является также и Учителем. Видите, как прекрасно говорит нам Господь в Евангелии: «Научитесь от Мене...» То есть человек учится от Самого Христа, учится из Его слов, Его учения, Его жизни, но более всего из опыта личностного общения с Ним, основанного на любви. Поэтому этот опыт производит в человеке такое действие, что он побеждает любовь ко всему существующему в этом мире.

Братия, недостаточно учить наших детей лишь евангельским идеям, говоря, что Евангелие

и Церковь — это самое лучшее, что им могут дать родители, недостаточно говорить им, как прекрасны любовь, свобода, праведность. Само по себе все это, конечно, прекрасно, но главное, в чем сегодня нуждается молодежь, — это научиться любить Бога. Молодежь должна знать, что самое бесценное, что им может преподнести Церковь и что им не может дать мир, — это Христос. В любом обществе человек способен научиться любить и уважать других людей, быть честным, искренним, демократичным, свободлюбивым в хорошем смысле этого слова. Не было бы нужды Церкви учить всему этому, ведь и в самом естестве человека все это заложено от начала. Мы часто спотыкаемся на том, что полагаем, что Церковь является некоей идеологической системой и нам достаточно быть просто хорошими людьми, выполнять только свои христианские обязанности. Мы считаем, что можно довольствоваться тем, чтобы наши дети были, как говорится, «в рамках приличий», не совершали преступлений и аморальных поступков. Часто приходится слышать распространенные

заблуждения относительно роли Церкви в обществе, и, слыша подобные высказывания, можно лишь снисходительно улыбнуться, но на самом деле это говорит о непонимании ее истинного предназначения.

Вот говорят, например: «Пусть он лучше будет в Церкви, чем в тюрьме или где-нибудь с ребятами будет употреблять наркотики». То есть эти люди полагают, что Церковь является противоположностью преступности и наркомании! Здесь кто-нибудь может возразить, подобно навьюченному верблюду, которого ведут по пустыне окольным путем: «Что, неужели нет краткой, прямой дороги»? Получается, что у человека всего два пути: Церковь и наркотики? Значит, тот, кто не ходит в храм, обязательно будет употреблять наркотики? Конечно нет! Человек может вовсе не быть христианином и быть честным, правильным, искренним, порядочным, добрым супругом и отцом, прилежным учеником и т. д.

Мы часто не можем понять, почему наши дети имеют совершенно другие отношения

с Богом. И когда у ребенка проявляется ревность по Богу и он много времени посвящает Церкви, мы часто не понимаем этого, говоря: «Разве тебе недостаточно быть просто хорошим человеком или хорошим ученым, заниматься своей работой и приносить пользу обществу? Ну что тебе еще нужно?» Мы считаем стремление наших детей к Богу излишеством, фанатизмом. Как вы думаете, почему мы высказываем такие мнения? Дело в том, что основанием нашей духовной жизни является не любовь к Богу, а одно лишь внешнее исполнение наших обязанностей. «Бог не требует от тебя многого, исполняй свои обязанности, и этого довольно с тебя». Но любовь, братия мои, не имеет пределов. Когда ты любишь Бога, любовь к Нему не имеет границ. Так же, когда ты любишь какого-либо человека, тебе постоянно хочется быть рядом с ним, тебе хочется связать свою жизнь с этим человеком. Возможно ли ограничить такую любовь рамками, постигнуть ее логикой? Любовь — это огонь, пламенеющий в сердце человека, действующий

свободно, именно она руководит сердцем человека, а не холодный рассудок. Церковь учит человека любить Бога и направляет его к такой любви.

Замечено, что в последнее время в Церковь стало ходить много молодежи. Люди старшего поколения, наверное, обратили внимание на то, что до определенного возраста почти все дети ходили в храм, собирались на духовные беседы, молились Богу, но, подрастая, постепенно теряли интерес к духовной жизни. Я говорю о возрасте с четырнадцати до восемнадцати лет. Потом приходит время воинской повинности, учебы в институте, и выясняется, что труд по катехизации детей, духовные беседы, собрания — все это было напрасным. Как вы думаете почему? В чем же наша ошибка? Конечно, в юные годы играют большую роль человеческие слабости, наклонности, увлечение умножающимися соблазнами. Но «ошибка», по моему мнению, не в этом, а в самой Церкви, но не в Церкви как в Божественном установлении, а в нас, в людях Церкви. К сожалению, для нас

не было очевидным, что наши дети в первую очередь нуждаются в том, чтобы мы научили их любить Бога. Мы учили их всему: и евангельским идеям, и быть милостивыми, и любить других людей, мы очень старались, чтобы они выросли честными, хорошими людьми. Но самому важному мы их так и не научили — любви ко Христу. Потому что для нас богословие стало некоей отвлеченной философской идеологией, неким человеческим измышлением. Мы находимся в полном неведении о том, в чем состоит любовь к Богу. По этой причине еще недавно многие современные православные христиане не придавали особенного значения посту, бдениям, исповеди, причастию, чтению житий святых. Нет. Им достаточно было читать другие книги. Человек, призванный к личному опыту общения с Богом, ограничивался узкими рамками, его внимание было направлено в совершенно другое русло. Поэтому совсем не удивительно, что в период наступления совершеннолетия мы постоянно, одного за другим, «теряем» своих детей.

Что говорить, конечно, грех силен, особенно когда его познают на опыте. Зачастую грех привлекает к себе и держит человека в плену. С другой стороны, что может удержать человека, чтобы он не отпал от Церкви? Теория? Идеи? Но все это лишь мертвые тени вещей. Идея не в состоянии удерживать человека постоянно, каким бы идеологом он ни был.

К счастью, сегодня мы живем в совершенно другую эпоху. Сегодня мы видим, что мы вновь встаем на ноги, что мы вернулись к церковной традиции, к нашим корням, мы, если так можно выразиться, заново открыли самих себя. Смотрите, сегодня мы видим в Церкви молодые лица, мы видим людей, любящих Бога, людей с абсолютно новыми данными и предпосылками. Как и у всех нас, у них случаются падения, у них есть свои проблемы, трудности. Однако они внимательно слушают о любви к Богу. Вот именно об этом им нужно говорить сегодня. Пусть они учатся любить Бога. Когда они любят Его, они открывают внутри себя личный опыт Его ответного действия. Они постепен-

но приобретают духовный иммунитет, который становится противовесом греху. Даже если грех и уязвит такого человека, то присутствие любви Божией и знание о ней утешат и поддержат его сердце, он стяжает познание, что невозможно спастись собственными силами, собственным старанием.

Христианин надеется только на Божию милость, на Его благоутробие, на Его безграничную любовь, выраженную в Его Крестных страданиях за все человечество. Если мы затрагиваем тему воспитания в Церкви сегодня, то мы обязательно должны говорить о таком мистическом опыте, о таком руководстве, которое приводит человека к любви к Богу.

Перевел с новогреческого Димитрий Лампадист

Воспитание детей по святому Паисию Святогорцу*

Все мы знаем, что сегодня дети, как никогда раньше, подвержены всевозможным опасностям и всяческим вызовам. И эти вызовы уже не поджидают их за порогом дома, а в огромной степени проникли внутрь, в самые комнаты и портфели наших детей, ведь сейчас достаточно одного обычного выхода в интернет или просмотра телевизора, чтобы каждый мог увидеть и узнать всё. Эта наша

* Слово, сказанное в святой митрополии Этолоакарнании в мае 2009 года. (Этолоакарнания — регион в Западной Греции.)

действительность, к сожалению, беспощадна и неумолима. Хотим мы того или нет, наши дети вырастают в такой среде, и, как бы мы их ни оберегали, опасность каждый момент находится рядом с ними. Пока они маленькие и слушаются нас — хорошо, но что начнется, когда они вступят в переходный возраст или достигнут совершеннолетия? Это большой вопрос для большинства неравнодушных и ответственных родителей.

Тема, на которой я остановлюсь, — это воспитание детей по старцу Паисию.

По благоволению Всеблагого Бога нам дано было благословение близко знать преподобного старца Паисия, видеть его, слушать и, рука к руке, прикасаться к обитавшей в нем благодати Пресвятого Духа. А теперь, основываясь на его богодухновенных словах и писаниях, попытаюсь в немногих словах рассказать вам, каким был взгляд преподобного старца на воспитание детей.

Как все святые, старец Паисий полагал, что воспитание детей начинается до их рождения,

с беременности матери. Если женщина, носящая плод, нервничает и расстроена, эмбрион в ее утробе волнуется. Если же мать молится и живет духовной жизнью, дитя в ее утробе освящается. Поэтому беременной следует молиться, изучать понемногу Евангелие, петь, держаться в стороне от стрессов, а окружающие должны стараться не волновать и не обременять ее. Тогда ребенок, который родится, будет освящен, и у родителей не возникнут с ним проблемы ни в детском возрасте, ни когда он вырастет*.

Наша Церковь всегда верила — и наука сегодня, исследуя генетический код человека (ДНК), торжественно признает ее правоту — в то, что с самого зачатия в матери уже есть совершенный человек. Следовательно, воспитание должно начинаться с первого момента вступления нового человека в мир сей. Преподобный старец потому так категорично говорит о периоде беременности, что уже все-

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. О семейной жизни. Суроти, Салоники, 2008. С. 84 (на греч. яз.).

ми научно признано, что на эмбрион влияет и психологическое состояние матери, и даже окружающая среда. Сегодня существует такая наука, как психология эмбриона, которая показывает, насколько важен период жизни, когда человек начинает получать первые положительные и отрицательные семена влияния, еще будучи эмбрионом. Однако напрямую на воспитание человека, находящегося на эмбриональной стадии развития, воздействуют родители, особенно беременная мать.

Сколько таких матерей, которые проводили святую жизнь и растили освященных детей! Вот, например, мать старца Хаджи-Георгия. Даже молоко у этой благословенной женщины, которое сосал Гавриил (мирское имя старца Хаджи-Георгия), было аскетичным*.

Отец и мать несут ответственность за воспитание начиная с эмбрионального периода жизни своего ребенка. Если родители молятся, живут духовно, когда дитя еще находится

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 90.

во чреве матери, говорил преподобный старец Паисий, то дитя будет освящено. И если впоследствии этому ребенку духовно помогут, он станет освященным человеком и принесет обществу пользу*.

Если воспитание ребенка начинается с эмбрионального возраста, то куда бóльшим становится воздействие отца и матери, когда их ребенок появится на свет и будет опекаем ими. Поэтому супруги должны осознавать огромное благословение, привилегию, но и невероятную ответственность быть родителями нового человека, образа Божия в мире сем. Бог, говорит старец Паисий, дал первозданным Адаму и Еве великое благословение стать Его сотворцами. После них прародители, родители тоже являются сотворцами Богу, поскольку дают детям свое тело**.

Как только мать и отец вкусят радость от того, что взяли ребенка на руки, на них тут

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 93.

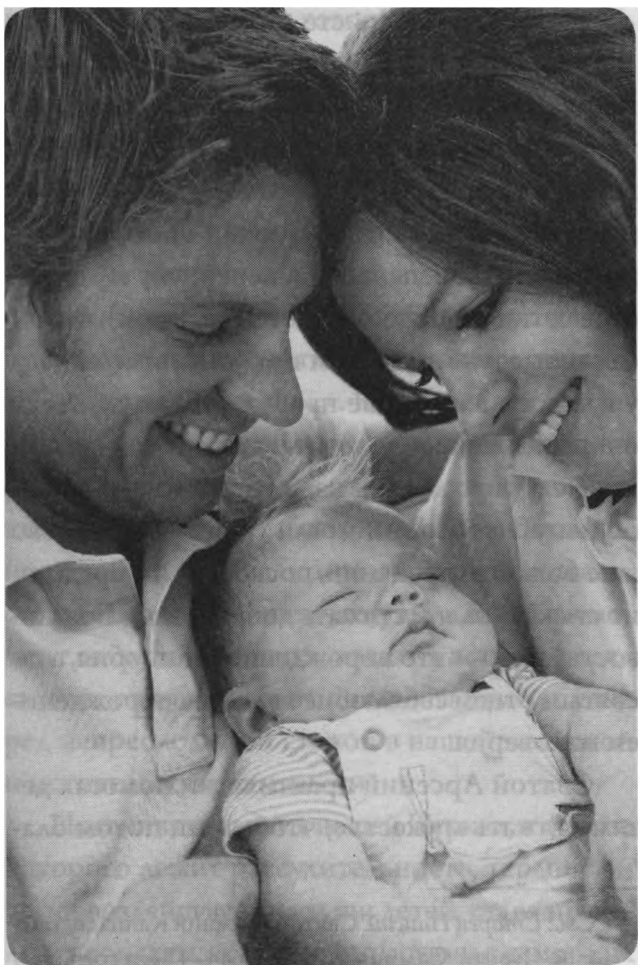
** Там же. С. 91.

же ложится бремя ответственности за воспитание нового человека, первейшая цель жизни которого — стать подобным Отцу своему Небесному, Богу, свободно и всецело любя Христа, питаюсь благодатью Святого Духа в таинствах Православной Церкви. Родители должны знать, что их ребенок, каким бы ангелочком он ни казался, наследственно несет в себе последствия грехопадения человека, искажение образа Божия, и все его существо влечется к лукавым вещам уже с самых юных лет. Преподобный Паисий, как добрый педагог, говорит: родители должны духовно помогать детям, когда они малы, потому что тогда и слабости их малы и их с легкостью можно отсечь. Они подобны молодому картофелю, который, если его потереть, очищается от кожицы. Когда же подрастет, уже надо брать нож и очищать его, если же на нем окажется что-нибудь черненькое, то придется проникать еще глубже*.

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 91–92.

Воспитание детей надо вести с малого возраста, потому что тогда душа с легкостью впитывает хорошие начала и благие семена, которые дадут впоследствии добрые плоды. Все мы по опыту знаем, как сильно влияет детский возраст на нашу последующую жизнь, поэтому, когда психологи исследуют многочисленные проблемы современного человека, они всегда обращаются к его детству, чтобы найти там причины и травмы, оказавшие влияние на всю его оставшуюся жизнь. Родитель должен знать, что воспитание подобно медицинскому искусству, которое, с одной стороны, должно бороться с микробами, а с другой — укреплять организм с помощью лечебной терапии, чтобы он функционировал нормально.

Старец Паисий описывает, как святой Арсений Каппадокийский (житие которого он составил) применял подобные упражнения с детьми. Кроме того, что святой Арсений обучал их грамоте, будучи сельским учителем, он еще и смирял их страсти, развивал в них мужество. Преподавал он детям и умную молитву:

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя», — или: «Во имя Христа и Богородицы», — а когда они порой грешили или совершали какую-нибудь пакость, учил их обращаться к Богу со словами: «Согреших Ти, Господи». Говорил он им, и чтобы нарезали кусочки виноградных прутиков, нанизывали на веревочку и делали себе четки (наподобие плетеных четок), чтобы отсчитывать молитвы и поклоны, имевшиеся у каждого в качестве правила, и так ум детей очищался непрестанной молитвой*.

В случае с детьми надо отметить важность подвига, чтобы они могли обрести мужество и не боялись страданий, поскольку им предстоит стяжать благо, стяжать добродетель. Боязливость души — это порождение себялюбия, а по святым отцам себялюбие является порождением маловерия.

Святой Арсений практически помогал детям стяжать мужество, чтобы они потом бла-

* См.: *Старец Паисий*. Святой Арсений Каппадокийский. Суроти, Салоники, 2008. С. 44–47 (на греч. яз.).

годаря мужеству, как говорил старец Паисий, могли смирить свои страсти и очистить ум непрерывным призыванием имени Христа, а также поклонами единственно истинному Богу и Спасителю нашему.

Еще очень важно, что преподобный Арсений учил детей возлагать надежду и черпать силу в имени Христа и Богородицы, а также признавать и исправлять свои ошибки, говоря: «Согреших, Боже мой». Как плохо, к сожалению, бывает сегодня, когда родители постоянно стараются оправдать своих детей, думая, что таким образом оказывают им любовь. Воспитание происходит в иллюзорном мире самохвальства и самооправдания, что, увы, в какой-то момент сокрушит ребенка, когда он встанет перед своими ошибками и их последствиями как перед непреодолимой стеной в нашей жестокой и мстительной реальности.

Подвиг воспитания нашей Церкви, в основе которого лежит рассудительность, терапевтически воздействует на души детей, ставя пределы их поискам, воюя с их страстями с самого их

появления и очищая души и тела любовью Христа. Разумеется, в подвиге воспитания детей главное — это рассудительность, воспитание должно совершаться со многой деликатностью, знанием возможностей ребенка и не приводить к плачевным результатам.

Однажды старца спросили:

— Геронда, некоторые матери хотят узнать, какую молитву совершать детям трех-четырёх лет?

Мудрый и рассудительный старец ответил:

— Говорите им: «Ты же мать, посмотри, сколько выдерживает твой ребенок». Не надо им действовать по предписанному.

— Геронда, а дети, которых сюда водят на всенощные бдения, не устают?

— Во время утрени надо дать им немного отдохнуть, а на Божественной литургии пусть берут их в храм. Чтобы дети не озорничали, матерям необходимо научить их молиться с малых лет. Родители должны рассудительно помогать детям, чтобы они приблизились ко Христу с самого нежного возраста и переживали радости

более возвышенные. А когда дети станут ходить в школу, с ними надо мало-помалу изучать какую-нибудь духовную книгу, помогая переживать ее духовно. Тогда они станут ангелочками и своей молитвой обретут великое дерзновение пред Богом. Такие дети — духовный капитал семей*.

Добродетель рассудительности, согласно святым отцам нашей Церкви, рождается из смирения. Только смиренный человек может быть рассудительным, поскольку своим смирением привлекает благодать Святого Духа, и она просветляет его в поступках. А с другой стороны, у смиренного нет предвзятости или приверженности к своей позиции, к своему образу действий, и поэтому он доверчиво принимает волю Божию, всецело уважая свободу личности другого, даже если этим другим является малое дитя.

Эгоист и гордый человек не имеет просветления от Бога, он полон навязчивых идей

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 159–161.

и предубеждений, желая, чтобы другие стали такими, как нужно ему. Он стремится действовать по своей воле, а не так, чтобы происходило действительно угодное Богу и полезное детям. Поэтому эгоист и совершает ошибки, травмирует душу ребенка, и тот начинает проявлять отрицательные стороны своего характера, бунтарство. Эгоист не хочет слышать ни о свободе личности ребенка, ни об ограниченности его сил.

Родителю-педагогу самому надо пройти через терапевтическое воспитание, чтобы научиться правильно руководить своими детьми.

Как-то мудрого преподобного старца спросили:

— Геронда, одна мать дает своему ребенку святую воду, а он ее выплевывает. Что ей делать?

Он ответил:

— Молиться о ребенке. Может, то, как она дает ребенку святую воду, вызывает у него реакцию отторжения. Чтобы дети стояли на Божием пути, надо, чтобы и родители жили духовно правильно. Некоторые родители, будучи рели-

гиозными, стараются помочь детям стать хорошими не потому, что заботятся о спасении их души, а потому, что хотят сделать их хорошими в глазах окружающих. Таких родителей больше волнует мнение людей, чем то, что дети попадут в ад. Как же тогда Бог поможет им?

И духовно свободный, рассудительный старец продолжил:

— Цель не в том, чтобы дети непременно ходили в церковь, а чтобы полюбили церковь. И не в том, чтобы они непременно делали добро, а чтобы почувствовали его как необходимость. Так они вырастают благочестивыми и с двойным здоровьем*, без психических травм. Если родители заставляют ребенка из страха Божия, тогда Бог помогает, и ребенку бывает легче. Если же родители делают это из эгоизма, тогда Бог не помогает. Часто детям бывает трудно из-за гордости родителей**.

* Вероятно, старец имеет в виду здесь духовное и телесное здоровье.

** См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 159.

Некритичная, чрезмерная любовь родителей содержит в себе эгоизм и отсутствие доверия к Богу и поэтому, подменяя собой правильное воспитание, причиняет детям зло, вместо того чтобы приносить им пользу. Когда старца однажды спросили, может ли своей некритичной любовью нанести вред ребенку даже мать, он ответил:

— Конечно, может. Когда, например, мать видит, что ребенку еще трудно ходить самому, и со словами: «Как его жаль! Бедняжечка, он же не может ходить», — берет его на руки вместо того, чтобы немного поводить за ручку. Как же дитя научится ходить самостоятельно? Она, конечно, делает это из любви, но вредит ребенку излишним вниманием.

Любовь нуждается в некоторых тормозах, в рассудительности. Настоящую любовь отличает бескорыстность, в ней нет эгоизма, а есть благоразумие. Многие думают, что любят детей, но своим отношением приводят их к катастрофе. Когда мать, предположим, из чрезмерной любви целует сына и говорит: «На всем свете

нет такого ребенка, как мой», — она только культивирует в нем гордость и нездоровую самооценку. Потом ребенок перестает слушать своих родителей, потому что думает, что знает всё*.

Как вредит безрассудная любовь, так вредит и безрассудное давление, поскольку и то и другое проистекает из нашего нездорового эгоизма. Старец Паисий отмечал это, говоря: «Некоторые родители сильно давят на своих детей, даже при посторонних. Как будто у них есть какой-нибудь ослик, и они его палкой направляют, чтобы двигался вперед, держат уздечку в руках, а от него требуют, чтобы шел себе свободно! Потом доходят до того, что детей бьют. Своим давлением родители не помогают детям, а душат их. Постоянно: “Не так, не так...” Поводья надо держать, но не допускать, чтобы они лопнули.

Пусть внимательно контролируют детей, чтобы направить их на путь истинный, но не

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 159–161.

создают пропасть между собой и ими. Пусть делают то же, что хороший садовник, когда сажает деревце: он его нежно привязывает к колышку, чтобы оно росло ровным и не поранилось, когда ветер станет клонить то налево, то направо. Он даже огораживает саженец плетнем и поливает своевременно, смотрит, чтобы, пока не отрастут ветки, их не обглодали козы. Ведь если деревце оставят без ветвей козы, ему уже конец, оно уничтожено — ни плодов дать не может, ни тени тебе предоставить. А когда ветки у него отрастут, тогда садовник убирает плетень, и дерево начинает приносить плоды, а под его кроной могут найти себе приют и козы, и овцы, и люди.

В своей чрезмерной заботе родители, однако, в большинстве случаев хотят обмотать своего ребенка проволокой, тогда как его надо привязывать нежно, чтобы не поранить. Пускай стараются помочь детям таким образом, который культивирует в их душах достоинство, чтобы они ощутили добро как необходимость. Пускай объясняют им, что такое до-

бро, насколько могут по-доброму, с любовью и болью»*.

Незабвенный старец всегда подчеркивал и для малых, и для больших, что все надо делать с усердием, благородством, любовью и болью. Он советовал родителям возвращать в детях достоинство, чтобы они могли сами смело и радостно делать добро в жизни, любить Христа и своего ближнего и чтобы их жизнь была исполнена духовного смысла.

Когда родители замечают безобразное поведение и негативную реакцию своих детей, им нужно хладнокровно выяснить, в чем причина. Очень часто пример родителей играет главную роль в формировании характера и душевного мира детей. Старец говорил: «Если ребенок нас слушает, а ведет себя безобразно, здесь что-то не так. Может, он видит безобразные сцены или слышит безобразные слова дома или на улице. В любом случае мы помогаем детям в первую очередь своим примером, а не нажимом.

* *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 109–111.

Многие родители ссорятся при детях и тем самым дают им плохой урок. Бедные дети расстраиваются. Потом, чтобы их утешить, родители начинают исполнять любые их желания. Отец пытается ободрить ребенка, балуя его: “Что ты хочешь, чтобы я тебе купил, золотко мое?” Мать тоже старается потакать всем прихотям малыша. А в результате дети вырастают капризными и притворщиками. Если же родители впоследствии не смогут дать им желаемого, дети начинают пугать их тем, что покончат с собой.

Я вижу, как помогает добрый пример родителей. Когда дети видят, что мать и отец любят друг друга, относятся друг к другу благоразумно, молятся и т. д., тогда они запечатлевают это в своих душах»*.

Очень часто родители в начале семейной жизни бывают далеки от Бога и допускают много ошибок в воспитании детей. А потом познают Божию любовь и очень удручаются из-за того,

* *Старец Паусий. Слова. Т. 4. С. 95–96.*

что неправильно вели себя по отношению к детям, и главное — не научили их любить Бога. Такая боль достаточно сильна для чувствительных душ родителей, ставших впоследствии благочестивыми, и диавол может воспользоваться этим, выше меры опечалив их, чтобы утопить их в чувстве вины и ввергнуть в отчаяние из-за ошибок в спасении детей. В этих случаях мудрый и человеколюбивый старец Паисий говорил нам, что если у родителей будет искреннее покаяние и они будут молить Бога помочь их детям, Бог что-нибудь для них сделает. Бросит какой-нибудь спасательный круг, чтобы они спаслись от бури, в которую попали. И даже если не появятся люди, которые поддержали бы их, возможно, они увидят что-нибудь, что им поможет, и положение дел изменится к лучшему. Вы должны знать, что у этих родителей имелось благое расположение, но только, когда они были маленькими, им не помогли в семье, и они имеют право на Божию помощь*.

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 100.

Одним из главных поучений святого старца было то, что преблагод и справедливый Бог никогда не поступает несправедливо с человеком, и всякий человек, с которым обошлись несправедливо, навсегда будет оправдан в Его вечном Царстве. Но и на этом свете Господь подает ему все возможности, чтобы он не пострадал духовно. «Когда мы онеправдованы* людьми, нас оправдывает справедливый Бог», — очень часто говорил нам старец Паисий в своих поучениях. То же самое и в случае с трогательным феноменом детей, которые живут духовно и любят Бога, но сталкиваются со многими трудностями и препятствиями со стороны родителей, а также с сиротами. Старец говорил, что Бог больше печется о сиротах, чем о тех, у кого есть родители, живущие духовно**. Он всегда повторял нам, чтобы мы имели веру, доверялись Богу, и считал, что чем меньше у че-

* *Онеправдованы* — претерпели несправедливость, обиду.

** См.: *Старец Паисий. Слова*. Т. 4. С. 101.

ловека помощи от людей, тем больше он имеет прав на Божию помощь.

Об осиротевших детях старец Паисий говорил характерным образом: «Я завидую детям, лишенным большой любви родителей, потому что они многое сделали для своего Отца — Бога уже в этой жизни, а параллельно с этим сделали вложение в сберегательную кассу Бога, лишившись родительской любви, которая приносит проценты.

Но и в этой жизни добрый Бог поможет им, потому что с того момента, когда Он так или иначе забирает у них родителей, Он обязан защищать их. Бог естественным образом любит их больше и больше о них заботится. Таким детям Бог дает больше прав в этой жизни, чем другим»*.

Блаженный старец приводил в пример преподобного Арсения Каппадокийского, который рос круглым сиротой, без матери и отца. Если бы он духовно не воспринял перед фактом своего

* *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 126.

сиротства, если бы он не воспрял с храбростью, то был бы измучен, имел бы психологические проблемы. Однако каким бесстрашием он обладал! Какую борьбу вел! Как он был болен, но как много пеших переходов совершал! Шел, будто летал. Здесь явственна сверхъестественная сила, которую подавал ему Бог. Разве у Христа могут быть трудности с воспитанием сирот?*

Какое утешение подает нам старец этими словами! Но только ли детей, родители которых физически умерли, можно считать сиротами? Не является ли видом духовного и телесного сиротства детей духовная омертвелость и погибель душ их родителей, постоянное отсутствие отца и матери дома и жизнь, далекая от Бога?

Господь жив, уверяет нас преподобный старец. Когда кажется, что вокруг сплошной негатив и вот-вот наступит хаос, тогда Бог развеивает это Своей любовью, и в Боге человек

* См.: *Старец Паисий*. Слова. Т. 4. С. 128.

очень часто из терний собирает благоуханные и драгоценные розы.

Поэтому давайте не будем отчаиваться как родители, когда заметим, что дети испытывают духовные трудности, даже если это происходит из-за наших недостатков. Через самоукорение, которое рождается из смирения и вводит благодать Божию в душу, встанем против трудностей наших детей, принимая на себя их боль, и обратим эту боль в боль молитвы к Богу, чтобы Он покрыл Своей Божественной силой и присутствием наши недостатки и упущения в воспитании детей.

Никогда не забуду, как старец с великой болью и любовью соучаствовал в трудностях людей и с самообвинением молился об их слабостях и болезнях.

Как-то раз в его каливу пришел один отец, ведя с собой ребенка лет десяти. Мы в это время были там, у старца, и в непосредственной близости наблюдали всю сцену. Видно было, что отец и сопровождавшие его сказали мальчику, что старец имеет силу излечить его от

болезни (думаю, у него была лейкемия), и ребенок ждал, что свершится чудо — он мгновенно исцелится.

Старец, как обычно, принял их со многой любовью и говорил им духовные слова, увещая иметь надежду и веру во Христа и Богородицу, а потом предложил им продолжить паломничество по другим монастырям Святой Горы Афон. И когда они встали, чтобы уйти, и ребенок понял, что долгожданного чуда не произошло, он бросился к старцу, обнял его и воскликнул:

— Отче, прошу тебя: исцели меня!

Неизгладимым остается в моей памяти то выражение сострадания и любви, которое изобразилось на лице старца. Он обнял ребенка и так, стоя, устремил свои заплаканные глаза к небу, словно никого из нас там не было, а один только преблагый Бог, и, изливая боль сердца, сказал Ему:

— Боже мой, чем виноват этот ребеночек, что даже я, недостойный и потерянный, не могу помочь ему?

Он закрыл глаза и погрузился в безмолвную молитву об этом маленьком ангелочке, а мы все молча переживали, как этот святой человек молится.

Что было потом, мы так и не узнали, но увидели, как старец берет боль людей на себя, обращая боль молитвы в крайнее смирение, которое отверзает потоки милости и благодати Божией.

С тех пор я говорю себе, что если бы и мне было так же больно и я брал бы ошибки и раны братьев моих на себя, претворяя боль в молитву, тогда я был бы совсем другим и иначе смотрел бы на братьев своих. А если бы родители поступали так же по отношению к детям, то иначе смотрели бы на них. И действительно, как сильно мы помогли бы тогда своим детям духовно и телесно, да и себе самим, потерянными и недостойными!

И наконец, не гордость ли и эгоизм обычно вредят нам и нашим детям, а мы этого не понимаем, в то время как противоположностью от наших общих трудностей является смирение?

Не буду вас больше утомлять. Закончу чтением одного письма, которое почтенный старец написал отцу, страдавшему из-за своего ребенка, хотя и на нем самом лежала доля вины. Письмо свидетельствует о рассудительности старца, проистекавшей из его смирения и свободы в благодати Божией, и говорит о великой необходимости доверяться Отческому Промыслу любви Божией, который в конечном счете и должен направлять наше существование, чтобы мы на корабле нашего семейства могли должным образом встретить надвигающиеся бури.

Итак, преподобный старец пишет:

«Уважаемый братец мой О., приветствие вам в Господе.

Что касается вашего ребенка, о котором мне пишете, то мнение мое таково, что строгая позиция навредила бы ему еще больше. Говорите ему о добре по-доброму и не давите на него потом, но покажите, что беспокоитесь о том пути, каким он пошел. Это видно будет само собой, потому что нельзя скрыть ни радости, ни

беспокойства. Вы исполняйте свой долг, давая советы, а потом надо доверить своего ребенка Богу.

Я думаю, что боль принесет больше результатов, если будет обращена в молитву. Когда вам больно из-за непослушания ребенка и вы настаиваете на своем, вы не достигнете результатов, потому что ребенка ввели в неистовство плоть и влияние лукавого, которому он дал власть.

Это буря, и она пройдет. Не убивайтесь, он придет в себя позднее. И не принимайте близко к сердцу то, что он утратит чистоту или что будет потом.

У людей нашей эпохи другие правила, они превратили грех в моду. Бог да помилует вас.

Смотрите, сколько можете, не ожесточайте ребенка, как я уже говорил, чтобы он не разорвал цепей и не ушел из дома, потому что потом он придет в себя, но не захочет подойти к вам из самолюбия, и так будет полностью для вас потерян.

Что касается врача, о котором вы мне пишете в связи с тем состоянием, в котором он

находится, то даже если ребенок и демонстрирует что-нибудь, ему навредит, если вы его туда отправите, потому что, с одной стороны, будет задето его огромное самолюбие, а с другой — появится помысл, что с ним что-нибудь случится из-за плотских желаний, которые не будут удовлетворены, он впадет в страх, и будет еще хуже. У ребенка нет ничего, кроме плотского детского безумия его возраста, которое возросло до большой степени и разожгло пожар из-за его невнимательной жизни.

Если вы думаете, что у него есть что-то, и врач скажет, чтобы вы давали ему лекарства, я не возражаю. Но проявите терпение на малый период времени и не обращайтесь внимания на его непослушание, пока он не сблизится с вами больше. А при первой возможности, которую он даст вам сам, когда почувствует недомогание или когда вы найдете повод, ведите его к врачу.

В любом случае не беспокойтесь, Бог не оставит ребенка так. И грехов детей нынешней эпохи Он тоже не будет судить так, как будет судить грехи детей нашей эпохи.

БРАК — АД ИЛИ РАЙ?

Молитесь, и я буду молиться, а благой Бог поможет вашему ребенку, как и всем детям на свете.

С любовью во Христе,
монах Паисий».

Перевела с болгарского Станка Косова

Разрушение семьи

Брак можно уподобить нежному цветку. Для того чтобы этот цветок вырастить, о нем нужно заботиться. Необходимо, чтобы он был посажен в добрую (подходящую) почву, надо удобрять землю, в которой он растет, своевременно поливать его. Если же за ним не ухаживать, то, возможно, сначала он будет прекрасен и будет испускать благоухание, однако вскоре засохнет и погибнет.

Так и в браке от человека требуется большое умение, чтобы поддерживать первоначальную любовь, утвердив ее на прочном основании так, чтобы она смогла выстоять. Вполне естественно,

что в какой-то момент можно пресытиться плотскими отношениями и внешней красотой, и тогда на первый план выступают твои основные, твои главные отношения с другим человеком. С этого момента тот человек, с которым ты заключил брак, будет являться твоей супругой или супругом, это будет тот человек, с которым вы вместе держите путь от этой временной жизни к жизни вечной в Царствии Божиим. Следовательно, брак — это очень серьезное предприятие.

Также необходимо знать, что деторождение является не основной целью брака, а лишь второстепенной. Главная же цель брака состоит в том, чтобы люди, заключающие его, после ухода из этой земной жизни заключили великий брак с Владыкой Христом. И через возвращение взаимных отношений, основанных на любви к Богу, совместно преодолевая трудности, встречающиеся в семейной жизни, сумели сочетаться в вечности со Христом.

Однако бывают случаи, когда отношения в браке выходят за пределы любви и изменя-

ются. Зачастую люди, состоящие в браке, сталкиваются с серьезными проблемами, многие браки распадаются. Оказавшись в подобной ситуации, супруги обязательно должны, как говорится, «посидеть, подумать» о сложностях, возникших во взаимоотношениях со своей второй половиной, и о том, правильно ли каждый из них ведет себя по отношению к другому. Делать это надо обязательно, даже если человеку кажется, что он поступает правильно. Потому что вот это «правильно» должно рассматривать с той позиции, удовлетворяют ли твои действия другого человека, сохраняют ли они мир в семье, а не думать, что раз это кажется правильным, значит, так оно и есть. Когда у каждого из супругов есть желание изменить ситуацию к лучшему, начиная с самого себя, тогда Сам Бог помогает им, внутрисемейные проблемы постепенно решаются, человек опытно приобретает снисходительность и уже не судит другого так строго. Его мышление перестраивается: он приучается терпеть другого человека, размышляя над тем, что Господь терпит

всех нас. Если человек начинает работать над самим собой, то он старается избегать причин, приводящих к ссорам.

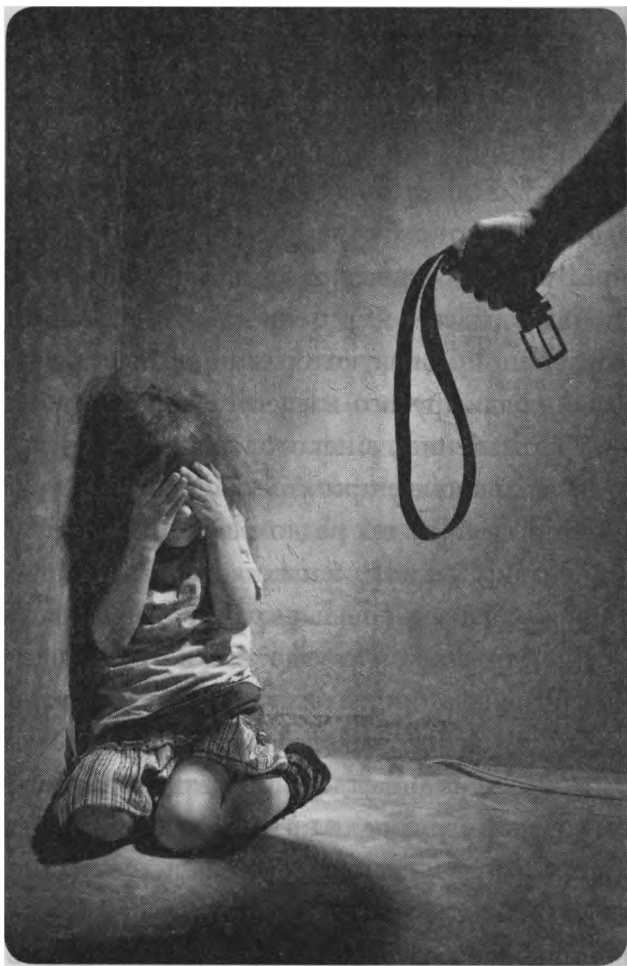
Когда в семье супруги сталкиваются с трудными обстоятельствами, необходимо действовать с большой любовью и смирением, один член семьи должен поддерживать другого, более немощного, он должен в такие моменты, образно говоря, носить его на руках. Предположим, человек, устраивающий сцены и создающий проблемы в семье, — не супруг или супруга, а кто-либо из детей. Что делали бы родители в этом случае? Выгнали бы его из дома, чтобы он им больше на глаза не попадался? Конечно нет. Но если мы своих родных детей терпим и многое им прощаем, почему же мы не можем выносить своего мужа или жену? Если мы на все будем смотреть с добрым помыслом, это поможет нам быть более терпимыми до тех пор, пока мы, уже по доброму навыку, не научимся избегать легких путей, приводящих к разводу. Потому что к разводу ведет легкий путь. А трудным путем мы идем тогда, когда пытаемся во что бы то ни

стало удерживать другого человека, когда мы его терпим, когда стараемся ему помочь.

Подлинная любовь, которая «не ищет своего», которая жертвует собой ради ближнего, не ищет легких решений. Поскольку брак является таинством любви между двумя людьми противоположного пола, значит, любовь — это прежде всего жертвенность. Именно этой жертвенной любви, которая терпит и переносит все ради другого, нас учит Церковь.

К сожалению, в некоторых семьях случаются чудовищные происшествия, инциденты, о которых мы не так редко слышим. Я говорю о случаях ужасного насилия по отношению к детям. Это настоящая трагедия! Как надо поступать в таком случае? Если существует опасность со стороны такого «отца» или такой «матери», то этот человек непременно должен быть удален из дома, где живут дети, потому что он создает угрозу для них. Другого решения здесь быть не может.

Я уверен, что такие люди психически больны. Не способен нормальный человек сделать

нечто подобное. Даже если в доме, где находятся дети, у такого человека хранится имущество, сосуществование с ним невозможно. Должна быть исключена любая возможность продолжения этой трагедии. Ведь психика детей, подвергшихся насилию в семье, остается травмированной практически на всю жизнь.

Однако здесь мы должны быть очень внимательны. Прежде чем утверждать, что что-то произошло, нужно сначала удостовериться, действительно ли это так, надо убедиться, не ошибка ли это, не недоразумение ли. Я постараюсь объяснить, что имею в виду: есть категория людей, внутри которых столько одиночества, горя и развращенности, что они на самом деле совершают преступления и аморальные поступки. Но есть больные другого рода, которые безосновательно подозревают своего супруга или супругу в подобных действиях. К примеру, к нам в митрополию не однажды обращались некоторые женщины и сообщали, что их муж, их брат или кто-то еще занимается подобными вещами. Потом выяснялось, что на самом деле

ничего подобного не было и это просто плод больного воображения матери, которая уверена, что к ее детям пристают. Если человек, которому сообщили об этом, будь он духовником, врачом, полицейским или кем-нибудь другим, по неопытности не в состоянии разобраться в ситуации, то с легкостью может поверить такой матери, которая предпринимает целые операции по спасению своего чада, рассказывая в подробностях о якобы происходящих случаях насилия в семье, в действительности же оказывающихся ее фантазиями, в которые она верит с такой живостью. И такое случалось не один раз. Я повторюсь, что мы должны быть очень внимательными, прежде чем обвинить человека в насильственных действиях по отношению к детям.

Если говорить о тех психических травмах, которые переживает конкретный человек (или все мы), когда испытывает различные жизненные потрясения в какие-то моменты своей жизни, можно предположить, что собственным человеческим усилием ему и удастся

справиться с этой душевной раной. Однако из многовекового опыта нашей Матери-Церкви мы знаем, что, когда человек обращается к Богу и предоставляет свободу действовать благодати Святого Духа через участие в таинствах, с этим человеком происходит нечто преславное: он не только исцеляется от своих душевных травм, но со временем, при содействии благодати, сам становится причиной множества исцелений. Об этом мы читаем в одной молитве, в которой говорится, что Бог соделал источник горьких, непригодных для питья вод источником исцеления множества недугов. И наш старец Паисий Святгорец говорил, что Благой Господь и смертельные яды претворяет в целебные снадобья. Опытнo переживая различные действия благодати, посредством молитвы и личных отношений с Богом, человек исцеляется от чрезмерной чувствительности, которая присутствует в его душевном мире по причине перенесенных психических травм. Постепенно эта его чувствительность преобразуется из травмирующей в позитивную,

и впоследствии он становится способен помогать другим людям.

Мы это часто можем наблюдать на личном примере или на примере окружающих нас людей. Когда какой-то человек страдает или очень остро воспринимает разные события, случающиеся в его жизни, то он очень легко находит подход к тому, кто переживает подобное. Видите, как премудро Господь устроил Церковь? В ней не существует безвыходных ситуаций, которые с помощью благодати Божией не смог бы преодолеть человек, чтобы ему не пришлось потом оправдываться: «Господи, если бы в моей жизни не случилась эта трагедия, я был бы совершенно другим человеком, несравненно лучшим». Нет, я абсолютно с этим не согласен. Если только человек захочет, он может с помощью Божией достигнуть совершенства. Благодать действует превыше уставов естества. Потому и Господь воспринял человеческую плоть и терпел искушения, «чтобы и искушаемым помочь». А именно: быв безгрешным Богочеловеком, Он смирился до

того, что пришел в этот мир в подобии странника, был отвержен родом Иудейским, испил чашу Крестных страданий и вкусил смерть, которая не имела над Ним власти, показав этим пример нам, следующим вслед за Ним. Разве не мог бы Господь помогать Своему созданию, не пройдя через Крестные страдания? Конечно, мог бы. Но Спаситель добровольно, ради человека прошел этот Крестный путь, чтобы показать нам, по какому пути следовать, чтобы быть Его учениками. Так же и человек, лично пройдя через страдания, глубже понимает своего ближнего и сострадает ему.

Можно сказать, что насколько стеснен человек жизненными обстоятельствами, настолько предпочтительнее его место перед Богом. Благой Господь милует несчастного, о котором говорит в 50-м псалме пророк Давид: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Вот это-то сокрушенное и смиренное сердце Господь преобразует и утончает, и оно становится очень восприимчивым. Боль, несправедливость или какого-либо рода страдание

приносят человеку пользу. Боль перерождает человека, делает его прекрасным, она «сокрушает» его сердце. Человек, испытывающий страдания, становится мудрым, он познает немощ человеческого естества, он узнает, что в мире кроме него страдают многие, и таким образом сообщается с другими людьми, понимая, что и они испытывают подобное.

С другой стороны, что происходит с родителем, который творит насилие в семье? Какой-нибудь святой, услышав об убийстве, не сокрушался бы столько о жертве, сколько об убийце. Жертва всегда заслуживает сожаления и помощи Божией. И поскольку она зачастую несправедливо обижена, то Господь воздает ей по своей Божественной справедливости, утешая ее своей благодатию. А вот этого зверя, убийцу, кто его пожалеет? Кто воззрит на него? И сам он к кому прибегнет? Если даже и придет ему мысль обратиться к Богу, что он Ему может сказать? Ведь руки его обагрены кровью. Подобен зверю этот человек и заслуживает большего сожаления, чем его жертва,

поскольку и люди его отвращаются, и ко Господу он не имеет дерзновения обратиться. Какое утешение может иметь такой человек?

Но все же даже и для самого отчаянного грешника есть прибежище — Господь.

Да, даже от убийцы, даже от родителя-насильника, даже от таких людей, уподобившихся скотам, Всемилостивый Господь ждет покаяния. Не существует ничего, что могло бы превзойти любовь Божию. Господь безграничной своей любовью обнимает все человечество, и так как все мы являемся Его чадами, то нет такого греха, который бы превзошел Его благодать. Поэтому и мы никогда не должны осуждать человека, мы должны осуждать его грех, действие, поступок.

Знание о безграничной любви Божией является для грешника великим утешением. Ведь даже если и весь мир гнушается им, существует Некто, Кто принимает его покаяние, Кто не испытывает к нему ненависти, Кто не осуждает его, и это есть Сам Господь. Давайте ни в коем случае не терять надежду на изменение

человека, даже если он утратил образ Божий, даже если он стал скотоподобным. Даже в этом случае существует надежда, и для него еще открыта дверь к Богу. Господу возможно спасти каждого человека, только бы он сам предоставил Ему свободу действовать.

И наконец, хочу добавить нечто очень важное, что должны иметь в виду родители: в детях очень глубоко живут добрые или негативные впечатления об их родителях. Нужно приложить все старания, чтобы наши дети видели добрые примеры в своей семье, чтобы они хранили их в своих душах. В будущем, когда они создадут свои семьи, эти добрые примеры будут помогать им в устройстве их личной взрослой жизни и, подобно здоровому иммунитету, будут сохранять их от всего дурного.

Перевел с новогреческого Димитрий Лампадист

Притча о милосердном Отце

В притче о блудном сыне речь идет о любви Бога, Отца нашего, к человеку. Ей больше подошло бы заглавие «Притча о милосердном Отце», потому что тут гораздо большее значение имеет милосердие отца, чем блуд сына.

Один мудрый духовный человек сказал, что если бы когда-нибудь потерялось Евангелие и остался бы только текст этой притчи, то его было бы достаточно, чтобы показать нам, с одной стороны, любовь Бога Отца к человеку, а с другой — возможность человека вернуться к своему Отцу. И не только это, но также и все

величие связи между Богом и человеком и Его отеческого отношения к человеку, который есть чадо Божие.

В этой притче человек может увидеть себя на разных этапах своей жизни. Конечно, потребовалось бы много времени, чтобы рассмотреть эту притчу подробно. В ней сокрыты глубинные смыслы, и каждое слово содержит безмерную глубину. Но думаю, сейчас важнее всего взглянуть на отношение Бога (отца в притче), а уже потом — на блуд сына. Потому что блуд сына нам известен, мы сами совершаем что-то подобное.

Внешне мы, может, и не находимся в таких условиях, но каждый из нас в своем житейском опыте расточал в блуде это богатство Божественной любви — богатство, данное нам Богом при нашем сотворении. Этот блуд может и не быть плотским и внешним, но душевным, духовным и интеллектуальным. В своих гордости, эгоизме, самохвальстве мы растратили богатство своего Божественного происхождения. Конечно, кто обрел путь и вернулся

обратно, те обязательно опять нашли открытыми объятия Отчи. А кто не нашел пути, те всё еще мучаются, пася свиней по всяческим нивам и пастбищам.

Вы видите отношение Бога, Отца нашего, Который не только показывает нам, каков Он, насколько это возможно описать, но и, думаю, являет нам Собою образец того, какими должны быть отец и мать.

Вы видите, что младший сын пошел к отцу своему и сказал:

— Прошу тебя, отец, отдай мне часть имущества, полагающуюся мне.

И тот сразу же разделил имущество и отдал долю своему сыну, не возражая ему. Он не сказал: «Я не дам ее тебе!» — или: «А что ты с ней будешь делать? Ты ее растратишь! Промотаешь! Я дам тебе небольшую часть, а когда умру, возьмешь остальное!» — как говорим мы. Отец ничего не сказал, а проявил благородство, спокойствие и мир, тогда как знал, что сделает потом его сын, пришедший и с великим бесстыдством попросивший отдать ему

полагающуюся часть имущества, как будто оно уже принадлежало ему и отец его удерживал.

Затем он собрал всё и ушел в дальнюю сторону, чтобы не было никакого контакта с отцом и отец не мог его контролировать. Вот это и означают слова *отъиде на страну далече* (Лк. 15, 13). Он не хотел иметь никаких связей с отцом и там растратил свое имущество, живя в блуде, — это драгоценное имущество, которое у него имелось, он растратил в распутстве.

Естественно, когда он потратил всё и начался большой голод, он стал испытывать нужду и пошел к одному из множества своих старых приятелей, жителей той страны, и тот позаботился о нем «как следует». Он не ввел его в дом и не сказал ему: «Заходи, друг! Живи тут у меня! Мы ведь столько времени были вместе! Заходи в дом и живи себе, как все мы тут живем!» Нет! Он послал его пасти свиней на свои поля.

И этот богатый юноша отправился пасти свиней. Отцы говорят: как же жесток враг нашего спасения! Он не жалеет человека, и когда поработит нас нашими страстями, тогда уни-

жает и губит нас, ничуть не считаясь с нашим достоинством.

Когда младший сын пас свиней и был достоин плача, он так голодал, что даже хотел есть вместе со свиньями. Он хотел есть то, что ели свиньи, — рожки, но даже их никто ему не давал. То есть он оказался в еще худшем положении, чем свиньи. Находясь в этом затруднении и мучениях, он пришел в себя, ибо вспомнил дом свой, отца и сказал: «У слуг моего отца в этот момент хлеба в изобилии, а я тут умираю от голода. Встану, пойду к отцу и скажу ему: *Отче! я согрешил против неба и пред тобою. И уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих* (Лк. 15, 18–19).

Почему он сказал так? Потому что знал своего отца, знал, что отец не оттолкнет его, а примет и сделает тем, кем он был раньше. Но поскольку он был хорошо воспитан, то знал, как надо возвращаться к отцу. Он не заявил нагло: «Вот посмотри, я вернулся назад! И не спрашивай меня, что стало с твоим имуществом: это не твое дело — что я делал и где был!

Ушел — вернулся назад, и вот я теперь дома, а ты мой отец. Ты опять должен дать мне, что можешь!»

Ничего подобного. Он знал, как надо обратиться к своему отцу, у него были хорошие воспоминания о доме. И это исключительно важно. Те из вас, кто еще не стал родителем, но станет им, так же, как и те, у кого уже есть дети, должны понимать, что исключительно важно дать детям хорошие и добрые воспоминания и представления о доме, чтобы они знали: что бы они ни делали, что бы с ними ни случилось, в какое бы зло они ни впутались, — их отец и мать примут их.

То же относится и к Церкви и духовным отцам. Человек должен знать: что бы он ни сделал, в какое бы зло ни впутался, даже если бы он миллион зол совершил в одну секунду, Церковь примет его обратно, в какой бы момент он ни вернулся. Церковь, то есть Бог в лице Церкви и ее пастырей, примет его обратно, попечется о нем, о нем позаботятся, его окружают вниманием, ему помогут. У человека должно быть такое представление.

Знаете, сколько детей каждый день сталкивается с множеством проблем? Чрезвычайно многие, но они не смеют рассказать о них своим родителям. Почему? Потому что родитель очень строг, и ребенок боится: «Если я скажу ему, он же приберет меня! Тут начнется такое!» А родитель к тому же и очень чувствителен. «Да если я скажу это отцу или матери, они же умрут! Они наложат на себя руки, они погибнут, слягут, они не вынесут этого!» — и ребенок опять ничего не рассказывает родителям. Однако результат оказывается для него трагичным.

Мы должны давать детям чувство (а не впечатление) того, что, что бы они ни сказали нам, что бы мы ни услышали, мы не пройдем мимо равнодушно и не отнесемся к ним грубо. Дети должны знать, что их отец, мать или их духовный отец и духовные братья готовы услышать и правильно оценить то, что им скажут, и адекватно — не равнодушно и не слишком сурово — станут искать способы их исцеления, избирая самое оптимальное.

То же относится и к супругам: в браке супруги должны быть готовы выслушать друг друга, что бы ни случилось. А знаете, что я слышу от женатых, неженатых или разведенных? «Если ты изменишь мне, я убью тебя! Я разведусь с тобой! Я все переживу, кроме этого!»

Естественно, я не говорю, что муж должен обманывать жену или наоборот. Но увы нам! Это, конечно, для нас удар, это тяжело, это трудно, но если ты относишься так, если в доказательство того, что ты никогда не поступишь так по отношению к своему супругу, ты даешь такой посыл, то как в момент искушения другой найдет в себе смелость и силу сказать тебе об этом? Как супруга решится открыться тебе: «Ты знаешь, у меня случилось искушение. Некто третий подступает ко мне, и я чувствую себя безоружной, чувствую, что начинаю колебаться, теряю над собой контроль, помыслы изменяют мне, силы меня оставляют»? Как она скажет тебе это, если ты предварительно заявил ей: «Если ты сделаешь это, между нами все будет кончено»? ·

Конечно, она тебе ничего не скажет. Однако это очень трагично для супругов, потому что вы должны знать, что, к сожалению, хотим мы этого или не хотим, но все мы люди и подвластны разным искушениям и ни один человек не может сказать: «Знаешь, у меня нет никаких искушений, я не искушаюсь!»

Никогда не говори такого. Будь ты хоть святой Антоний, будь тебе хоть двести лет, никогда не говори: «Я вне опасности!» Только безумный человек, не знающий, что значит духовная борьба, может произнести такие слова. Ты всегда в опасности, кто бы ты ни был, каких бы духовных высот ни достиг, какого бы возраста ни был, ты рискуешь, потому что такова человеческая природа.

Итак, и муж, и жена подвластны разным обстоятельствам, искушениям и провокациям. Между ними должно быть такое чувство уверенности друг в друге, чтобы один мог сказать другому то, что чувствует, что ощущает (что третье лицо его искушает), не боясь, что вторая половина отнесется жестоко и неумолимо

и наймет детектива для слежки или же впадет в депрессию и будет нуждаться в психиатре, чтобы вернуться в норму.

Я и раньше говорил вам, что крайне важно, когда человек говорит нам о своей проблеме, понять его и не недооценить это, но и не преувеличить. Чтобы он знал, что мы понимаем его проблему и можем помочь ему реально, а не лживыми словами и своим безразличием и не заявим: «Не говори мне этого, я слышать об этом не могу!» — или: «Да не думай ты об этом!»

По нашей логике то, что говорит нам другой, может выглядеть смешным и абсурдным, но для него это представляется очень серьезным, и слушающий его — супруг, супруга, отец, мать, учитель, духовный отец — не должен судить об этом по собственным меркам. Это как если ко мне, монашествующему с 18-летнего возраста, придет кто-нибудь и захочет описать мне свои проблемы в супружеской жизни, а я ему скажу:

— Что ты ко мне прицепился? Я монах, я инок, в чем дело? Я не интересуюсь этим!

Или скажу ему:

— Да ладно тебе, ладно, да не думай ты об этом, не думай!

Однажды, когда мы на Святой Горе плыли на кораблике в Новый Скит, с нами был один, кажется, англичанин греческого происхождения. Он слушал другого человека, и стоило тому заговорить о какой-нибудь своей проблеме, он отвечал:

— Forget! Forget! Forget!*

Я был неподалеку, слушал-слушал и сказал себе: да решаются ли так проблемы? На одно — «забудь», на другое — «забудь» и на третье — «забудь»!

Тут вспомнился мне мой духовник, когда я был студентом первого курса в Салониках. Когда я говорил ему: «Я голоден!» — он отвечал мне: «Я ем только кислое молоко по вечерам!»

— Отче, я голоден!

— Голоден?!

* Forget (англ.) — забудь.

— Да!

— А разве ты не обедал?

— Ну, обедал. А ужин?

— Нет! Только кисленького молочка! Кисленького молочка! Я ем только кислое молоко!

Но тебе пятьдесят лет, и если ты попьешь кислого молока, то чувствуешь себя хорошо, а я хочу есть. Так было раз, второй, третий, и он понял, что мы не найдем общего языка. А я сказал себе: «Да, запутался я тут с этими ангелами!» — и пошел к другому духовнику.

Звали второго Геннадием, вспоминаю его. Бывший военный, полковник, он воевал в Корее, изучал медицину, окончил философский и богословский факультеты, был сыном мэра Салоник, а потом стал иеромонахом. Очень хороший человек, исключительный, высокий, с длинной бородой. Я шел к нему, а он, только завидит меня, говорил:

— Милости прошу, золотко мое!

— Благословите, отче!

— Ты ел? Поди перекуси!

У него был знакомый в ресторане напротив, г-н Яни, мы все, кто учился в Салониках, часто ходили туда. Отец Геннадий говорил мне:

— Иди к Яни и поешь, а старец (то есть сам отец Геннадий) заплатит.

Вовремя говорил! Он знал, что я любил поесть и не мог сидеть голодным.

Или предлагал:

— Сходи принеси пирожков, перекусим немного!

Первый духовник был святым, бесплотным, он не ел, не пил, и мы не могли найти общий язык. Я хотел, чтобы он меня понимал, когда я говорю ему по своей мере: «Я голоден!» — а не так, что я хочу есть, а он отвечает: «Попей кислого молока!»

Так и в браке, если жена говорит тебе: «Знаешь, один человек смотрит на меня, и я понимаю, что у него плохие помыслы на мой счет!» — а ты ответишь ей: «Да забудь ты о нем!» — или по-другому: «Ну что тут такого? Ничего страшного!» — тогда ты ее не понимаешь. Прежде всего ты должен понять,

почему твоя жена чувствует себя уязвимой для атак кого-то третьего. Может, ты ее эмоционально не удовлетворяешь? Может, ты недостаточно открыт в своей любви и нежности, и она нашла себе кого-то, отличающегося от тебя, кто сказал ей: «Какое красивое платье, туфли, очки, ногти, зубы, глаза»? И не думайте, будто кто-то верит этим словам, но это искусство.

Однажды в нашем братстве случилось затруднение, и мы пошли к архимандриту Емилиану Симонопетрскому, поскольку наш старец очень уважал его и считал серьезным и мудрым человеком. Он изложил архимандриту нашу проблему. Я тоже был там. Отец Емилиан выслушал и сказал нам следующее:

— Вы действительно в очень трудном положении!

Вместо того чтобы сказать: «Ничего страшного, не бойтесь, всё пройдет!» Я сначала оторопел, у меня словно ком в горле застрял, но потом понял, что он таким образом показал нам, что полностью понимает то, что мы сказали.

Дело, может, и было незначительным, но для нас, волновавшихся, это было очень важно.

Очень важно, чтобы человек знал, что, когда он придет к другому человеку — и это, повторяю, может быть родитель, супруг, супруга, духовник, друг или кто угодно, — он поймет и не посмеется, не оттолкнет, не обидит, не поругает, ничего такого не сделает.

В «Руководстве к духовной жизни»* святой Никодим Святогорец говорит: «Будь очень внимателен, о духовник, когда к тебе приходят люди, исповедуются и рассказывают тебе о своих грехах!» Вы знаете, есть люди, которые рассказывают о своих грехах очень образно и с суровым видом. Ты сначала ужасаешься, но со временем привыкаешь. «Ни малейшего движения не делай из-за того, что

* Эта книга прп. Никодима Святогорца была переведена на русский язык под названием «Руководство к исповеди, или Наставление к духовникам и исповедующимся, с приложением правил св. Иоанна Постника» (6-е изд. М., 1852), но в настоящее время является библиографической редкостью.

удивился или возгнушался тем, о чем услышал или чем озадачился». Представьте себе, что вы пойдете к духовнику и признаетесь: «Отче, я украл!» — а он воскликнет: «Ты украл???» Как вы продолжите говорить дальше? Как?

Надо дать ему почувствовать, что ты готов мирно и спокойно выслушать всё. То есть ни недооценивать, ни преувеличивать.

И вот еще что важно — показать, что ты готов прийти на помощь другому человеку, чтобы он не чувствовал неуверенности: «Сказать ему или нет? Он же все равно не поддержит меня, не поможет. Ну хорошо, он не отругает меня, не оттолкнет, но ведь и не сделает же ничего».

Это важно в первую очередь для мужчин, которые должны внушать своим женам чувство уверенности, как отец детям. Но не говорить глупые вещи вроде: «Не бойся, я тут!» — или: «Положись на меня!» — все это нехорошо. Думаю, человек может внушить чувство защищенности и словами, то есть выразить, объяснить его, но прежде всего это должно делаться поведением и общением.

Вы видите, что в притче отец внушал это чувство своему чаду, мол, мой отец там, он ждет меня, и я знаю, что, когда вернусь к нему, смогу говорить с ним: он не захлопнет дверь передо мной, не вышвырнет меня вон. Но, с другой стороны, и не примет меня, если не скажу ему: «Отче, я согрешил пред небом и пред тобою!» Я тоже должен понять, что совершил ошибку, показать, что осознал ее, что жалею о произошедшем, а не так, чтобы вернуться, ненавидя отца, а завтра взять другую половину имущества и опять уйти туда, откуда пришел.

Именно потому этот блудный сын имел дерзновение пойти к отцу своему, что знал его очень хорошо. Дети должны знать нас. Знать нас и полагаться на нас. И дети, и супруга, и люди вокруг нас, и те, кто трудится с нами, — пусть все знают и будут убеждены, что могут чувствовать себя в безопасности и быть уверенными, во-первых, в Боге, но, во-вторых, и в человеке, который рядом с ними: в своем отце, жене, муже, ребенке и т. п.

Он вернулся к отцу своему. Когда вернулся? Когда попал в трудное положение, когда «набил себе шишек». Порой мы все видим это в своей жизни: к сожалению, нам надо получить по голове, иначе мы не образумимся. Поэтому некоторые говорят: «Оставь его, пусть совершит свои ошибки!» Хорошо, но ведь это опасно: по голове можно получить очень сильно, а можно и без головы остаться! Но если другого способа нет, что делать? Если он по-другому не вразумляется? Как он еще созреет?

Поэтому мы должны быть немного рисковыми — в хорошем смысле слова, и чтобы нас не снедали тревога и терзания за наших детей, даже когда мы видим, что они творят всякое (главным образом в юности, но и потом тоже). Как родители, мы скажем им свое слово, посоветуем, защитим, поможем, но не мешало бы и оставить их, чтобы они немного получили по голове. Иногда человек иначе не вразумляется.

Когда блудный сын проголодался, смирился, унизился, тогда и вспомнил об отце. Несмотря на это, Бог не отвернулся от него.

Многие приходят и говорят:

— Не хочу приходить к Богу сейчас, когда нуждаюсь в Нем.

Или еще говорят:

— Вот все эти люди, которые ходят в церковь, почему они туда ходят? Потому что они уже старые и хотят попасть в рай, сейчас или когда умрут.

Или же — «они сдают предварительные экзамены в рай»:

— Наши бабушки и дедушки готовятся к сдаче вступительных экзаменов в рай.

Или:

— У них что-то стряслось, поэтому они и идут в церковь!

Нет, это не так, но даже если бы и было так и многие пришли в Церковь, потому что у них что-то стряслось в жизни, то это не имеет значения для Отца, важно то, что я — так или иначе — вернулся домой. Я нашел Отчие объятия, нашел отцовские ворота. Может, я и нашел их в терзаниях, заблуждениях, может, даже благодаря случайным событиям.

Однажды в церковь зашел электрик поменять перегоревшую лампочку. Постучал в дверь (тогда это была канцелярия, еще не было часовни). Я исповедовал. Он открыл дверь, вошел и сказал:

— Извините, что тут происходит?

— У нас исповедь.

— Я пришел поменять лампочку!

Взбираясь на лестницу и меняя лампочку, он поглядывал вниз, чтобы понять, что тут делают. Мы немного подождали, он слез и вышел, и я попросил его закрыть дверь. Он закрыл, а потом открыл ее и спросил:

— А можно и мне исповедаться?

Я сказал ему:

— Ты видел, что сделала лампочка?!

Он пришел поменять лампочку и исповедался.

Человек может достигнуть святости благодаря «случайным» событиям. Бог никого не отвергает. Несмотря на то что этот Его блудный сын ушел, изголодался, истерзался, Он принял его. И как хорошо говорит тут

Евангелие: Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою. И уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих (Лк. 15, 18–19).

Тогда не было телефонов, чтобы позвонить или послать СМС: «Папа, я возвращаюсь во столько-то часов!» Отец ничего не знал. *И когда он был еще далеко, увидел его отец и смиротился** (Лк. 15, 20).

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Как же отец увидел его, когда тот был далеко? — и отвечает: — Отец всегда смотрит и всё видит. Отец, как бы далеко ни было его чадо, понимает его. Он понял его, почувствовал его, увидел своего дитя, потому что любил его: он был его отцом, а сын был его чадом. И когда тот был далеко, отец не сказал: “Да пусть только явится, а когда явится, я задам ему как следует. Всё выскажу ему: ах ты, хулиган этакий! Ты всё проел, пропил всё

* В русском переводе: *сжался*. Церковнославянский перевод лучше передает следующую далее мысль владыки Афанасия: *и мил ему бысть*.

имущество и вот являешься? Зайди только в дом, сейчас увидишь, что я с тобой сделаю!»» И не строил ему потом еще несколько дней разные физиономии. Ничего такого не произошло. Он увидел сына, когда не мог его видеть, то есть увидел очами отцовской любви, и смиловился.

Другими словами, отец не пожалел сына (не сказано: «пожалел его»), а «смиловился», что означает, что он был движим всецелой любовью, какую только человек испытывает, *и, побежав, пал ему на шею и целовал его* (Лк. 15, 20). Отец бросился, нашел чадо свое, обнял его, расцеловал и устроил ему весь этот прием, о котором говорится далее.

Таков Небесный Отец, и Он является образцом для земного отца, для супруга, для каждого человека. И если только мы хотим иметь здоровые связи в своей семье, со своими детьми, с коллегами, с каждым человеком, находящимся рядом с нами, — в качестве образца мы должны иметь Небесного Отца.

Эта сцена показывает нам, как поступать, когда мы совершаем ошибки при воспитании

детей. В слове Божиим мы можем видеть, как нам действовать правильно, в чем нуждается человек; он в данный момент может и бунтарствовать, но для всех чрезвычайно важно иметь чувство уверенности, безопасности, любви, чистоты, надежности дома, уверенности в отце, брате, супруге — в том, что они его примут.

Если бы у нас было время, мы остановились бы и на втором сыне, который разгневался и не хотел слушать отца. Кто из этих двух был похож на своего отца? Блудный, хоть он и творил безобразия; тогда как «хорошему» сыну и дела не было до отца. Почему? Старший сын злился:

— Вернулся этот сын твой, проевший имение твое с блудницами, и ты приготовил для него столько всего, а мне — ничего!

Он не сказал: «Вернулся мой брат», но: *этот сын твой* (Лк. 15, 30)! И вы тоже говорите так, когда поругаетесь друг с другом. Разве нет?

Муж говорит своей жене: «Твой сын».

— Это ты его сделала таким!

— Я его сделала таким? Ты сам его сделал таким!

А если в это время подойдет свекровь:

— Иди, посмотри, что сделал *твой сын!*

Один обвиняет другого. Они не говорят «наш ребенок», а «твой сын», «мой сын», «его сын» — и пошло!

Итак, старшему сыну, «хорошему», который никогда не покидал дома и всегда работал, дела не было до отца. Тогда как другой, несмотря на положение, в которое он попал, думал об отце: он был мертв, но ожил, пропал, но нашелся.

Это подает надежду всем нам, мертвым и пропавшим, потому что как бы мертвы мы ни были, у нас есть надежда на жизнь, мы не можем умереть в Церкви, поскольку Христос есть Жизнодавец, Он Сама Жизнь, и мы не можем погибнуть, ибо Он пришел, чтобы отыскать пропавшую овцу, каковой является каждый из нас, ищущих смысла жизни в обманчивых вещах.

Перевела с болгарского Станка Косова

Любить, ничего не требуя

Сегодня «любовь» — исключительно популярное слово. Мы видим, что во имя любви совершаются даже преступления и другие нездоровые поступки, которые прикрываются тем, что они, дескать, делаются из любви. Очень часто любовь проявляется как сильнейшая энергия нашего эгоизма. Поэтому нередко мы наблюдаем следующее явление: человек, который думает, что любит другого, по сути, ненавидит его, не оставляет ему никакой свободы, не дает ему совершенствоваться в его независимости, индивидуальности, а хочет покорить его, перечеркнуть его

индивидуальность ради своей мнимо большой любви.

Самое трагичное здесь то, что мы не понимаем: эта так называемая любовь вовсе не настоящая любовь, а энергия нашего нездорового эгоизма. Поэтому отцы в качестве предпосылки для настоящей любви указывают на смирение, и это означает, что человек ничего не хочет для себя, он ничего не ищет для себя, а единственно для другого. Потому что любовь Христова — это счастье, которое несравнимо ни с чем на свете.

Любовь — это такое состояние, она так богата, велика, бесценна, что нет ничего на свете, с чем можно было бы ее сравнить, сказать, что любовь похожа вот на это. Отцы иногда говорят о Христовой любви в самых дерзновенных словах и самых смелых образах, но даже они недостаточно сильны, чтобы передать реальность Христовой любви.

Однако это только один аспект любви — любовь как счастье, как совершенствование нашей личности. Она есть совершенство,

поскольку Бог, наш Первообраз, есть истинная Любовь. *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Но у любви есть еще и другой аспект — мученичество. Мученичество любви выше всякого другого мученического подвига. Христово мученичество — в Его великой и совершенной любви к людям.

Когда Он, молясь в Гефсиманском саду, сказал: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39), — Он имел в виду не то, чтобы Ему не умереть и не быть распятым на Кресте за нас, ведь Он для этого и пришел в мир. Он пришел в мир, полностью сознавая, что идет для того, чтобы умереть за человека. Суть чаши, содержания этой чаши, о которой Господь молился, да минует она Его, — в том, что мы, те, кого Христос возлюбил до конца, возлюбил абсолютно, Божественно, мы, возлюбленные Божии, распнем Его.

Как мать, чье дитя идет, чтобы убить ее. Если бы ее зарезал враг, ее страдание было бы меньшим, чем когда ее убивает собственное дитя, которого она так любит и ради которого жертвует собой. Если ей скажет хульное слово

какой-нибудь чужой человек, она перенесет это, но если ее дитя произнесет то же самое, это причинит ей неизмеримо большее страдание. Представьте себе, насколько сможете, какая это огромная боль, какое мучение для Бога — быть распятым нами, теми, кого Он безоговорочно любит!

В сущности, эта молитва Господа касалась не Его, а людей. Это о нас Он молился в тот час и за нас проливал кровавый пот, чтобы, если возможно, мы Его не распинали. Пусть это произойдет каким-нибудь другим образом, но только чтобы не мы — человечество, человек — совершили это зло.

Итак, мы с вами увидели мученическое измерение любви. Если мы вникнем в него, то каждый раз сможем исследовать нашу любовь в ее различных проявлениях, даже в наших естественных взаимоотношениях. Например, жена говорит: «Я люблю своего мужа, но с трудом выношу его». Но разве это любовь?! Любовь означает умереть самому, лишь бы жив был он. Любовь означает страдать за других.

Ты возразишь мне: «Отче, но кто может сделать так?» И все же мы должны знать, что требовать любви — признак духовного бессилия, чтобы не сказать: духовной болезни. Будем хотя бы сознавать, что мы бессильные, больные люди и поэтому нуждаемся в любви других. Как бы нам ни был неприятен такой диагноз, но он тоже порождение нашего эгоизма.

Святые не интересовались тем, любят ли их другие. Их интересовало то, любят ли они сами людей. Совершенство человеческой личности, наше совершенство как людей заключается в том, чтобы мы любили, а не были бы любимы другими. Потому что Сам Христос не сказал нам: «Когда вы будете любить других, они тоже будут вас любить»; Он не сказал нам, чтобы мы делали добро, за которое все будут любить нас и отблагодарят хорошими словами; Он не сказал нам, что если мы будем верить в Него, то все будут считать нас хорошими и хвалить. Одним словом, Он не сказал нам, что мы будем жить припеваючи как христиане. Напротив, Он

сказал нам: если будете верить в Меня, вас неизбежно будут гнать*.

Верить в Него значит любить людей, как Он их возлюбил. А они, несмотря на это, будут вас гнать, клеветать на вас, обижать, убивать, истреблять с лица земли. И все это они будут делать, полагая, что тем самым приносят жертву Богу**. Когда они будут убивать вас, то в этот час будут думать, что вы такие страшные злодеи, такие окаянные, что Божия воля такова, что вас нужно истребить из мира сего, — и во имя Божие они захотят вас уничтожить.

Христос сказал нам, что Он будет посылать нас, как овец среди волков***. Один старец со Святой Горы Афон говорил:

— Что это такое? Он не послал нескольких волков среди множества овец — скажем, трех волков среди 500 овец. Ну сколько съедят эти три волка? Ну, съедят они 10–15, 50 овец,

* Ср. Ин. 15, 20.

** См. Ин. 16, 2.

*** См. Мф. 10, 16.

а остальные останутся целы. Но если ты пошлешь пятерых овец посреди 500 волков, то от них не останется и косточки! И вопреки этому Христос сказал нам: *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков* (Мф. 10, 16). Это не значит, что братия, окружающие нас, — волки. Нет! Просто наш путь на свете мученический, и, идя по нему, человек совершенствуется.

Иными словами, христианин не может состояться другим способом. Если мы поймем это, мы, желающие слушать слово Божие и верить во Христа, тогда изменим способ, которым любим, и способ, которым требуем любви. Мы поймем, что должны любить, и не надо ждать, чтобы нас любили. А когда почувствуем, что начинаем претендовать на то, чтобы другой любил нас, чтобы он служил нам, понимал нас, тогда будем знать, что это духовное заболевание, что мы очень больны, очень слабы.

Люди в прошлом не были такими душевно-больными, как мы сегодня. У них не было наших проблем. А что происходит сегодня?

— Он меня не понимает, он не соглашается с моим мнением, он не проявляет понимания!

И пошло-поехало: распадаются семьи, дома, страдают родители, дети, всё рушится. Почему? Потому что «он меня не понимает».

Ну хорошо, он тебя не понимает. А ты не можешь проявить терпение? Перенести это?

— Я его люблю, а он меня не любит!

Но если бы ты его действительно любила, ты бы терпела его.

Мы слабые, и даже любовь у нас слабая. Поэтому для нас очень полезно узнавать истинные движения любви — это по меньшей мере позволит нам дать правильный диагноз нашему душевному миру. Чтобы хотя бы тогда, когда мы совершаем ошибки, понимать это, а не считать, что поступаем правильно.

Входя в пространство Божией любви, святые вместе с тем вступают в великий мученический подвиг — подвиг любви ко всему миру. Часто мы смотрим на лики святых на иконах, слушаем рассказы из их жизни и говорим: «Как

же у них все хорошо и свято!» Читаем о святом апостоле Варнаве, святом Неофите и думаем, что вся их жизнь была такой прекрасной близ Бога! Видим, как и к нам приходят люди и начинают ублажать нас:

— Отче, вы близки к Богу и молитесь день и ночь!

И думают, что наша жизнь — сказочное счастье оттого, что мы монахи... Или когда читают жития святых или мы рассказываем об их подвигах, например о старце Паисии, то они думают, что их жизнь была совершенным счастьем, радостью и покоем. Однако могу сказать вам, что эти святые люди, по крайней мере те, кого я знаю (например, старец Паисий), были далеки от подобных представлений о счастье.

Старец Паисий жил с такой болью в душе, вел такую мученическую жизнь, что никто даже не осмелился бы подумать об этом. Подвиг мученичества этот человек нес повседневно, поскольку имел огромную любовь к людям. Мы не можем понять этого, пока сами не испытаем. События, которые проходят для нас незаметно,

для святых очень серьезны и очень трагичны. Каждое слово, не имеющее для нас большой ценности, для святых имеет.

Поэтому Пресвятая Богородица как человек страдала больше всех людей на свете. Никогда не будет человека, который испытал бы бóльшую скорбь, чем Она. Почему? Ведь и на глазах других матерей умирали их дети. И другие матери пережили это мучение. Не то чтобы смерть их ребенка не была трагичной — конечно, была. Но ни у одного человека нет чувствительности и благородства души Пресвятой Богородицы в такой абсолютной и совершенной степени, чтобы испытать подобную великую боль.

Поэтому мы видим, что как Господь, так и Пресвятая Богородица, а также святые были людьми, переносящими огромную боль. Боль эта обращается на пользу и получает ценность в духовной жизни. Поэтому когда наступает такой час, когда мы даем, но не получаем, жертвуем собой, а наша жертва не бывает понята, терзаемся, рвемся, а нас вопреки этому

отталкивают, презирают, — это очень ценные моменты, дающиеся нам для нашего усовершенствования. Мы освящаемся в этой боли и в этом мученическом подвиге.

Объясняя тайну Креста как начертания, отцы говорят, что вертикаль Креста означает нашу любовь к Богу, а горизонталь — любовь к людям, ближнему. Эти две любви составляют крест. Он есть мученичество, и не просто мученичество, а смерть.

А если он смерть, то мертвец уже не может иметь никаких претензий. Не может ждать ничего, не должен ждать ничего. Поэтому в качестве предпосылки к любви отцы указывали на смирение. Смирение означает умерщвление своего эго, своих желаний, претензий, прав.

Разумеется, тут нужно напомнить, что существует огромная разница между этим умерщвлением и умерщвлением буддийским, индуистским умерщвлением. В восточных системах и философиях оно означает апатию, которая, в сущности, является бездействием, неподвижностью души к чему бы то ни было.

«Умерщвление» же в Православной Церкви означает умерщвление греха, страсти и в то же время воскресение во Христе, оживотворение человека во Христе, обновление Божиего человека, со-образование нас с Христовой жизнью.

Бесстрастие в Православной Церкви означает отвержение страстей, а не бесчувственность. Оно означает отвержение греха, страстей; означает самую великую страсть — страсть любви.

Скажем несколько слов и о телесной любви, о которой человек думает, что когда мужчина влюбляется в женщину, то они должны иметь плотскую связь еще до благословения от Бога, то есть до таинства брака.

— А почему бы нам, если мы любим друг друга, не иметь такой связи? Мы не можем понять, почему же нет.

Потому что речь заходит об эгоизме.

Если их связь проистекает из настоящей, действительной любви, тогда каждый будет уважать другого, будет воспринимать его не только как плоть. Поэтому я и говорю иногда:

ну хоть бы они, вступая в такие связи, чувствовали себя если не как-нибудь еще, то хотя бы сплоченными и счастливыми! Ну, для Церкви это грех. Но если бы семьи и люди чувствовали себя счастливыми, соединяясь между собой, — то хорошо.

Однако странно то, что, когда люди соединяются телесно, они превращают плотское наслаждение в науку. Оно даже уже выходит за рамки науки и становится божеством в современном мире, и чем больше повторяются телесные контакты и люди свободно предаются им, тем больше они изолируются друг от друга и тем больше приближаются к деградации. Как объясняются эта деградация и отчуждение, все эти психологические комплексы и болезни в эпоху, которая не ставит никаких барьеров для свободных плотских связей между людьми?.. Эти связи не на пользу людям, как они часто думают.

Человек должен проникнуть вглубь вещей, понять, где тут разгул стихии и где признак любви. Это понимание начинается в тот момент,

когда мы перестаем требовать чего-то от другого, а начинаем принимать его таким, какой он есть, уважать его, любить, совершенствоваться в отдаче ему того, что у нас есть.

Однако, чтобы человек получил силу отдавать другому, не ожидая ничего, он должен вложить внутрь себя Божию благодать, Христа, Который первым умер за нас, не ожидая от нас ничего. Как говорит святой апостол Павел: еще когда мы были во грехе, Христос умер за нас*. Он умер за нас в тот самый момент, когда мы отреклись от Него и были до крайнего предела полны грехов. Если мы поймем это, особенно молодые семьи, то научимся быть счастливыми.

Зло и разделения начинаются в тот миг, когда мы начинаем хотеть от другого, чтобы он отплатил нам, когда мы начинаем претендовать, ожидать и хотеть воздаяния за свою любовь, за услуги, которые мы ему оказали. Тогда в нас проникает микроб разделения. Если другой человек кроток, смирен и снисходителен, то хо-

* См. Рим. 5, 6.

рошо, всё налаживается. Но если неприметный микроб разделения проникнет и в него, тогда разверзаются огромные пропасти.

Получается так, что когда двое встречаются вроде бы для того, чтобы разобраться, выяснить свои различия, то вместо примирения они делают эту пропасть еще больше. Потому что вместо того, чтобы поправить себя, каждый начинает поправлять другого, предъявлять претензии к нему, и таким образом все становится еще хуже, чем было прежде. Тогда как смиренный человек, который действительно любит, смотрит не на другого, а на себя, на свои ошибки, ничего не требуя взамен.

Перевела с болгарского Станка Косова

Любовь — это отдать
себя другому

Брак — это очень серьезно, он заключается не просто так: он находит основание в Церкви, которая является местом общения между людьми, их реального единодушия, и в ней мы, самое главное, получаем Божие благословение для укрепления своих сил. Таинство Брака, как и любое другое таинство, совершаемое в Церкви, — не какое-нибудь формальное действие, а реальное священнодействие, и слова, которые там произносятся, реальны, существенны, они — сама реальность.

Когда кто-нибудь рукополагается во священника, мы не говорим ему: «Желаем тебе

стать священником! Хотя, может, ты им и не станешь» — нет, он обязательно становится священником. Когда говорим: «Крещается раб Божий», — это значит, что ребенок уже крещен, он христианин. Из его сердца и всего существа убегают демонические энергии, он совлекается ветхого человека, облекается во Христа, его сердце покрывает Божия благодать, и он становится одним целым со Христом.

Также и когда мы вступаем в брак, это означает, что мы принимаем благодать Святого Духа, соединяющую двух человек. То есть люди начинают обладать чем-то, что активизируется: Бог подает им это через Церковь, и оно активируется, чтобы таинство могло действовать, укреплять, покрывать человека и подавать ему силу.

Помню, в Новом Скиту на Святой Горе Афон, где мы жили, нас навестили как-то несколько евреев, человек трое-четверо. И в одном из них чувствовалось что-то особенное. Когда мы стали его расспрашивать, он рассказал о себе, что ему 27 лет и в младенчестве он

был православным христианином. Что же потом произошло? Мать у него была киприоткой, вышла замуж за еврея, и когда родился сын, крестила его, но, когда мальчику исполнилось два года, ушла от мужа, оставив его с ребенком. То есть он фактически не видел матери, но знал, что он сын христианки и крещен, а в остальном был обычным евреем: ходил в синагогу, не верил в Христа и не знал греческого. Однако поскольку был крещен, то имел на себе благодать.

Это — как бы вам сказать? — немного напоминает профессиональные тайны. То есть как обученный полицейский может определить, что такой-то человек не преступник, а другой — лжец и вор, это для него очевидно, так и монахи кое-что понимают, и в случае с тем евреем это было явно. Божия благодать, благодать Святого Духа — нечто такое, что существует и меняет человека, это несомненно и доказано. Люди, связанные с Церковью, имеют на себе что-то — у них иное излучение, в котором нет фальши. Если же человек захочет притвориться церковным, то получится какой-то спектакль:

этого изобразить невозможно, ведь ты сразу же перестаешь быть естественным. Потому что благодать действительно существует, и она — нечто совсем иное, то есть на самом деле существует какая-то реальность, связь, реальное присутствие, что-то такое, что действительно подается человеку.

Священник, совершая таинство, благословляет крестом венцы и самих молодоженов, чтобы показать, что их связь, во-первых, основана на Божией благодати и благословении, а во-вторых, имеет крестный характер. Мы женимся не ради сладострастия или наслаждения. Ну ладно, ты обязательно женишься, найдешь такого человека, который будет тебя привлекать со всех точек зрения, даже телесно, и это неплохо. Ты не можешь жениться на девушке, к которой не испытываешь влечения, в том числе плотского, и это не должно вас шокировать, потому что в браке связь человека охватывает всё.

Это звучит парадоксально и странно, но влечение должно быть. Конечно, если есть только плотское влечение, тогда брак обречен

на провал, потому что ты встал на неверное основание. Он не способен развиваться во времени, выстоять просто потому, что телесное единство там может быть, но нет душевного единства с другим человеком. Если ты душевно не коммуницируешь с другим, тогда остальное ничего не значит. Телесная связь не что-нибудь особенное, и она не помогает людям. Я был бы счастлив, если бы плотское единство помогало людям обрести душевное единство, — люди тогда избавились бы от стольких терзаний, супруги были бы любящими, счастливыми, сплоченными, они вообще не расставались бы, но, к сожалению, очевидно, что дела обстоят иначе.

Брачная связь — это крестная связь, связь, основанная на Божием благословении, которая предполагает, что человек вступает в нее осознанно, с готовностью переступить через себя, превозмочь свое «эго» для того, чтобы общаться с другим человеком. Он должен освятить себя, саму эту связь, другого человека, опустошить себя, предать себя в руки другого

человека, а не овладеть им. Как иногда говорят: «Ты все равно будешь моей!» Но с Божией точки зрения это напоминает войны Артаксеркса, жаждавшего завладеть Грецией!

Стоит только услышать такие слова, мы приходим в ужас. Что значит ты овладеешь мной? Ты что, меня уничтожишь? А Бог не говорит, что собирается овладеть нами. Он даровал нам жизнь, Самого Себя отдал нам в пищу, дал нам Свое Тело и Кровь, чтобы мы их ели и пили, чтобы приняли Его в себя и были живы. Вот это и есть любовь — отдать себя другому, чтобы он был жив тобою. Как Христос сделал это. *Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин. 10, 10). «Я пришел в мир, чтобы отдать вам Себя в пищу и питание, чтобы вы жили, и не просто жили, но имели жизнь с избытком. Чтобы вы изобиловали жизнью».

Это любовь. Это Крест Христов, это крестная связь, бывающая у человека с другим, когда он осознаёт, на какую почву встал, чтобы выстроить эту свою связь. И тогда человек может почувствовать, что его жизнь идет священным

путем: другой человек освящен, тело другого освящено, и их связь не что-то случайное.

В Лимасоле проходила конференция, посвященная биомедицинской этике, и на ней выступал один многоуважаемый преподаватель, который как раз и говорил, что врач должен смотреть на пациента как на нечто священное, в том числе на его тело и состояние. Нельзя подходить к больному и срывать с него простыню, когда он лежит под ней голенький, а вокруг пятьдесят студентов или практикантов. Врач должен научиться уважать людей, и когда надо кого-то осмотреть, то обнажать только ту часть его тела, которую надо осмотреть, а не раздевать его целиком, чтобы человек сидел в чем мать родила. Ну стесняется он! А врачу понравилось бы, если бы с ним сделали то же самое? Давайте положим его на кровать и посмотрим, понравится ли ему, если мы созовем сюда человек пять-шесть соседей? То есть даже если ты врач, тебе надо иметь чувство сакральности человека.

Расскажу вам кое-что из практики погребений. Когда умирает священник (да и простой

христианин тоже, но мы говорим сейчас о священниках), то переодевать и готовить его тело к погребению должны только священники, никому больше делать этого не позволено. То же самое и в случае с монахами. В «Евхологии»* написано, что непозволительно смотреть на обнаженное тело монаха**.

Когда надо его переодеть, нужно делать это со всем почтением, по описанному в последовании способу, а не обнажать его целиком.

* *Евхологий* — сборник молитв, предназначенный для священников.

** «Егда кто от монахов ко Господу отъидет, понеже не подобает омыватися телу его, ниже видетися отнюд нагу, на сие учиненный монах губою отирает мощи его теплою водою, творя прежде губою крест на челе скончавшагося, на персех, на руках, и на ногах, и на коленях, вящше же ничтоже. Потом же приносит чистую ризу, и облачит его, отъемшейся первее ветсей, никакоже наготу его видеви; и по внегда облещи его, возлагает на него кукуль. Аще великаго образа есть, обложив шлемом свыше главы, и свесив и даже до брады, якоже не видетися лицу мощей его» (Последование исходное монахов).

Не потому, чтобы голое тело было плохим, нет, оно не плохо, Бог создал нас такими, но наши страсти злы. Тело не зло и у нас нет одних телесных членов, которые были бы греховными, а других — священных. Все члены человека святы, весь человек крещается, мы принимаем Христово Тело и Кровь, и весь человек освящается. Господь умер на Кресте за весь мир, чтобы явить Свое полное смирение, что за нас Он претерпел всё и не постыдился висеть голым на Кресте.

Даже если ты врач, даже если перед тобой лежит труп, мертвец, ты не можешь относиться к телу другого неблагоговейно.

Точно так же, когда умирает священник, его одевают в священнические облачения, и мы, монахи, тоже храним одежды, в которых давали обет Христу, свою схиму, в знак того, что останемся верны Христовой любви до смерти. И храним их для смертного часа. Готовимся, наши погребальные одежды уже готовы.

А вы помните, дети, что наши бабушки их тоже хранили? Вы еще застали таких бабушек?

Что они хранили? Свое свадебное платье. Не белое, а то, которое носили на второй день, ведь свадьба тогда продолжалась по многу дней. Тогда всё не заканчивалось тем, что молодожены получают конвертик с деньгами, а на другой день они начинают мучиться, потому что родители садятся считать деньги и смотрят, сколько дал этот, а сколько тот.

Недавно у нас был один развод, и причиной, по которой дело дошло до него, явилось то, что на другой день после свадьбы, когда стали считать деньги, одна сторона сказала:

— Наши знакомые дали больше денег!

А другая сторона ответила:

— Нет, наши знакомые больше!

Так началась распря, и за одну неделю брак распался.

Раньше люди хранили свою свадебную одежду, которую носили на второй день свадьбы, они лежали в ней в гробу и вместе с ней брали с собой брачные венцы. То есть то, чем их увенчивали, они брали с собой, чтобы показать верность, сакральность, серьезное отношение,

которое было у них к браку: он был абсолютно посвящен для них.

Вспоминаю сейчас и будто вижу перед собой бабушку. Она, когда уже стала старенькой, открыла большой комод (она не открывала его просто так, но осеяла крестом, прежде чем открыть). Там она хранила все свои ценности, и от них комод благоухал. И вот она вытащила платье, синее такое платье, и говорит:

— Вот это платье, в которое вы оденете меня, когда умру.

Она его берегла. Еще раз надела его, чтобы посмотреть, в пору ли оно, не надо ли где подогнать, чтобы в последний час люди не мучились с этим, позвала и портниху, чтобы та тоже его посмотрела. Она хотела, чтобы все было готово, венцы — всё. Какое это хорошее отношение, дети, как же это человечно!

Когда все строится на Божием благословении, тогда у человека здоровый настрой и по отношению к тому, что он делает и что говорит другому. Думаю, вот это правильное отношение к таинству Брака и есть самое лучшее, что

может человек сделать для того, чтобы его брак был крепким. Беседы с родителями тоже полезны, так же как и с психологами, то есть с теми людьми, которые научат нас коммуницировать между собой. К сожалению, теперь это для нас необходимо, и как же трагично, что мы уже вынуждены обращаться к специалистам, чтобы научиться разговаривать с собственной женой, с мужем, чтобы мы знали, что нам сказать и как ответить, когда вернемся домой. И мы платим по 500 лир за шестимесячный course*, так это теперь у нас называется.

Вспоминаю одну бабушку, которая пришла в храм и спрашивает:

— Батюшка здесь?

Ей отвечают:

— Нет. Его нет!

А она говорит:

— Апувай** приду в другой раз!

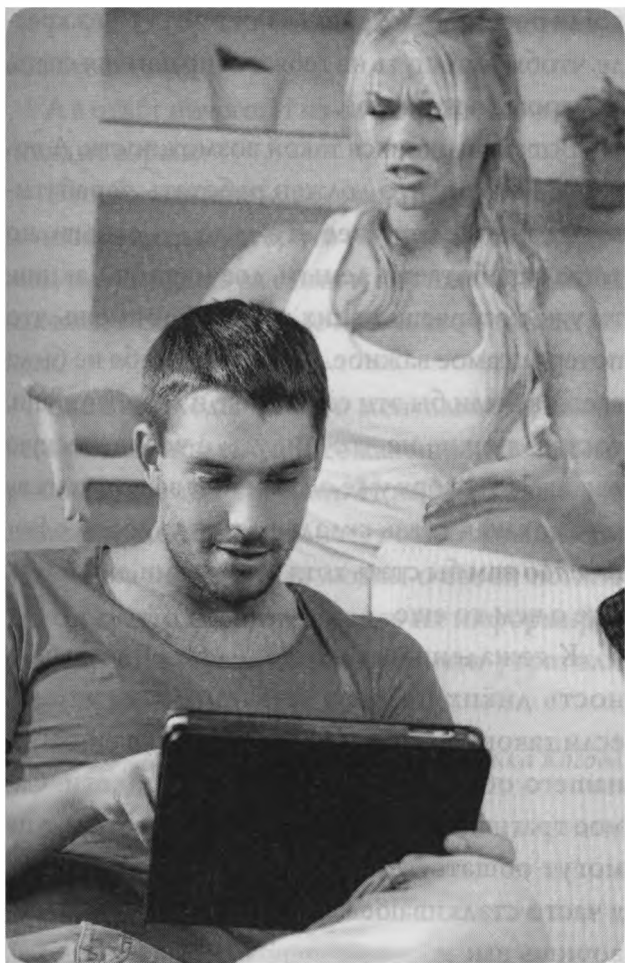
Это было так смешно.

* *Course* (англ.) — курс.

** *Апувай* (англ.) — в любом случае.

Итак, шестимесячный курс, чтобы научиться коммуницировать. Это современный человек. Он может общаться по интернету, через электронную почту, может пойти, куда хочет, узнать всё, что захочет, а вот говорить со своей женой, с детьми не может. Да научись ты сначала разговаривать с женой, а потом уже говори с интернетом! Научись, сын мой, прежде беседовать со своей супругой, с детьми, научись человеческому общению — этому наипростейшему делу. И потом уже общайся с другими. Это тоже не запрещается. Но вот что жаль — мы не понимаем, что потеряли человека. В суматохе нашей жизни мы потеряли человека, утратили самые простые человеческие навыки.

Конечно, если родитель уходит утром, а возвращается ночью, когда ребенок уже спит, он потерял ребенка. Когда же ты увидишь своего ребенка, когда ощутишь это детское присутствие, когда будешь наблюдать, как он растет с момента своего рождения, если утром выходишь в семь и возвращаешься в восемь вечера,

когда ребенок уже спит? Или ждет тебя в кресле, чтобы взглянуть на тебя и отправиться спать. И утром то же самое.

Вот ты и лишился такой возможности. А почему? Потому что должен работать, зарабатывать деньги. Хорошее это дело — деньги, но когда заработаешь деньги, две машины, акции, ты уже потеряешь своих детей. И поймешь, что потерял самое важное. Лучше бы у тебя не было всего, а были бы эти серьезные и важные вещи, составляющие не что-нибудь, а человеческую жизнь. Не говоря уже о духовных вещах, то есть о том, какая связь складывается у людей с Богом. Но нам бы стать хотя бы людьми, не говоря уже о чем-то еще.

К сожалению, дикость — уже не особенность диких племен, живущих в джунглях, если таковые еще остались. Она уже симптом нашего общества. И это трагично, дети. Самое трагичное — видеть супругов, которые не могут общаться между собой. К сожалению, я часто сталкиваюсь с этими проблемами. Говоришь им:

— Да ладно вам, дети, это же так просто — общаться!

А в ответ ничего. И из-за любой мелочи происходит взрыв.

Это болезненное состояние, где не видно концов, то есть того, что надо исцелить. Стоишь, наблюдаешь за ними и не знаешь, куда бы наложить бинт, что залечить и что вообще делать.

Все это плоды нашего менталитета, мы за него расплачиваемся. К сожалению, мы так научились, нас так научили. И на Церковь тоже ложится вина, она тоже несет ответственность, поскольку не говорила людям о своей истине как следует, а ограничивалась их информированием. Мы виноваты, потому что утратили свою суть.

Перевела с болгарского Станка Косова

Никогда не уязвляйте
другого человека

Я самый неподходящий человек для того, чтобы говорить вам обо всем этом: я монах, никогда не был женат, с двадцати двух лет не был на свадьбе — так что представьте себе, насколько я не гожусь для того, чтобы говорить вам о таких вещах, ибо не имею никакой связи с ними. Я вышел из Святой Горы Афон и говорю вам то, что говорят отцы, бывшие подвижниками, люди, не имевшие отношения ко всему этому.

Когда читаешь отцов, то находишь этот баланс, это ведение вещей. Но почему же они об этом знали? Потому что правильно жили

в Церкви, а тогда уже не нужна никакая философия, чтобы сказать человеку, как ему коммуницировать с другими.

Это и есть то, чему мы учимся в монашестве. Не думайте, будто монашество отличается в этом отношении. В монастыре мы тоже учимся коммуницировать с другим, причем с помощью послушания, смирения, с помощью того, чтобы сказать ему: «прости!», понять, что это ты ошибаешься, а не другой. Может, ты и имеешь на что-нибудь право, внешне имеешь право. Я много раз говорил об этом старцу, а он нам отвечал:

— Если бы я был судьей, то сказал бы тебе: «Ты имеешь право». Но ты не имеешь права, даже если у тебя есть на это право! Потому что ты не смотришь на вещи по-духовному.

Что ж, другой тебя оскорбил, оклеветал, а ты прими это по-духовному, не отвечай злом на зло. Этим ты не поможешь ему. Значит, надо брать ответственность на себя, и один великий святой Церкви говорит: «Возьми ошибку на себя, скажи: “Здесь ошибаюсь я!”» Не важно,

что по закону другой неправ. Это я ошибаюсь, и я беру на себя ошибку и ответственность. Я учусь работать внутри себя, поэтому могу общаться с другими, я учусь преодолевать себя и делать все то, чему стараются научиться в монастыре.

Знаете, как это трудно? Научиться общаться с другим, стоять по десять часов на бдении и чтобы другой рядом с тобой сплевывал, храпел или дурно пах. Ты этого не хочешь терпеть и говоришь: «Меня это раздражает!» Но это ровным счетом ничего не значит, ты будешь стоять там. И в браке тоже нелегко, там это так же трудно, как в монашестве.

В одном из монастырей на Святой Горе было много монахов, получивших спортивное образование. В известное время немало молодых людей из спортивной академии в Афинах — какие-то боксеры, атлеты — стали монахами: и они выглядели как гиганты. И был в этом монастыре один монах, который, бедненький, был маленьким, а его ставили посередине между боксерами, и во время

бдения они смотрели на него сверху вниз. Он говорил:

— Я не могу, мне страшно видеть над собой этих существ, которые выше меня в полтора раза!

Но он должен был стоять там, чтобы научиться преодолевать себя, ломать себя, чтобы принять другого человека, а не просто сказать: «Знаешь, я терплю тебя!» Это неприемлемо. Не «я терплю тебя», а «я люблю тебя»! Вот как. Христос не сказал нам: «терпи врага своего», но «возлюби врага своего»*! Надо умереть за врага своего, говорит Христос, надо любить его как самого себя. А если надо любить врага как самого себя, то насколько же больше свою супругу, ближнего, соседа, коллегу, брата?

То, что кажется таким простым, о чем мы так легко говорим, это и есть самый большой подвиг для человека — превозмочь себя. Но чтобы это сделать, чтобы не побояться, но еще

* См. Мф. 5, 44.

и ощутить при этом некий уют, нужно сначала преодолеть смерть, чтобы не испытывать перед ней страха. А чтобы достигнуть этого, человек должен вкусить бессмертия, ощутить, что существует нечто по ту сторону этих вещей, вкусить Божию любовь, которая тебя освобождает. Она дает тебе ощущение бессмертия, с которым ты побеждаешь смерть и уже не боишься ничего: ни клеветы, ни обиды, ни даже если тебя убьют, ничего. Ты проходишь через всё в совершенном мире, безо всяких затруднений и именно потому, что у тебя есть реальная свобода, которая рождается от правильного взгляда на вещи, от правильной связи с Богом и более всего — от присутствия и благословения Божия.

Многие сегодня спрашивают: «Разве это плохо — иметь с кем-нибудь отношения?» Ну конечно же, дети, когда вы надумаете жениться, то — как бы тут выразиться? — вам ведь не вручат какой-то черный ящик, из которого внезапно выскочит девушка, и ее не пришлют вам по почте, то есть воля Божия не откры-

вается, как в сказке. Ты обязательно познакомишься с другим человеком, с какой-нибудь девушкой, пойдешь погулять с ней, вы побеседуете, покушаете, посидите, поговорите по телефону. Сейчас ведь по телефону говорят целыми часами. И просто беда, если надо позвонить из дома, в котором есть молодежь, — тебе конец. Родителям впору провести еще одну телефонную линию, потому что телефон постоянно занят.

А поскольку линия только одна, то это иногда бывает комично. То есть представьте себе, если убрать звук и посмотреть на свое лицо в зеркале, что мы делаем, когда разговариваем по телефону... Иногда я наблюдаю за людьми в машинах, когда они говорят по телефону, а сейчас, поскольку они боятся, что полиция их поймает, это выглядит еще смешнее. Люди говорят в микрофон, который прикрепляют куда-то, и смотришь на человека, а он идет себе и улыбается, размахивает руками, хмурит брови или изображает полное блаженство. И если бы не это устройство, то можно было бы подумать,

что с ним что-то не так и его надо показать психиатру.

Или смотришь: кто-нибудь рулит с непонятной улыбкой на лице. То есть мы уже научились говорить через эти вещи и выражаемся через них. Смотришь, как он говорит по телефону и даже выражает свою любовь к нему: поглаживает или вдруг начинает его бить. А сколько мобильных телефонов было запущено в воздух?

Да, это так. Все это сделало нас безличными существами. Мы стали проводами, общаемся через провода. Всё по проводам.

Я хочу сказать, что мы действительно можем и должны знакомиться с другим человеком. Слушайте, нам надо преодолевать эти нездоровые страхи. Церковь учит нас правильно смотреть на человека рядом с собой. В монашестве мы тоже учимся смотреть на другого человека красиво и свято. Святой апостол Павел говорит, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского*, а это значит, что ты перешагива-

* См. Гал. 3, 28.

ешь через пол и не смотришь на другого как на мужчину или женщину. Церковь настаивает на личности, на имени человека: Костя, Мария, Елена, Георгий.

Например, идет кто-нибудь в поликлинику, а врач говорит: «Пускай зайдет желчь», «Пускай зайдет печень», «Пускай зайдет слепой». Да разве у них нет имени? Я что — желчь, если страдаю желчью?

Не знаю, слышали ли вы, дети, но врачи спрашивают так: «А это кто у нас?» — «Это желчь», «Это камни». Хорошо, но ведь это же Костя, у которого проблема с желчью. Он человек, у которого такая-то болезнь. Он же не желчь, не легкие, не сердце.

Другой человек — это не только представитель мужского или женского пола, он личность, человек. И когда мы научимся иметь это священное чувство, тогда ты действительно можешь выйти с какой-нибудь девушкой: она тебя не съест, и ты ее тоже не съешь. Ради Бога, неужели мы тут же съедем друг друга, если выйдем на улицу? Погулять, перекусить

где-нибудь, поговорить. Разве уже нет вероятности, что два человека просто поговорят и не будет никакого лукавства, чего-то плотского и опасного?

Да, но как человек может быть уверен в этом, если его с малых лет учат смотреть на другого определенным образом? Все эти вещи, которые рекламируют... К сожалению, самая большая пагуба исходит от тех бесстыдных вещей, которые показывают по телевизору. Но ведь это скотские вещи, такие скотские...

Страшно, как повреждается душа человека, когда он смотрит такое. Думаю, кто смотрит такие порочные журналы и фильмы, тому потом нужен огромный труд, чтобы преодолеть это и посмотреть на другого невинным взором. В то время как ум чистого человека даже не устремляется туда и вполне комфортно общается с другим.

Наша цель — научиться преодолевать подобные трудности и иметь комфортные, красивые отношения. Ведь не пол главным образом характеризует нас. В Церкви эти моменты

отменяются, но не в смысле, что мы делаемся каким-то нейтральным полом, нет! А в том смысле, что мы уже реально общаемся как люди, а эти моменты обретают сакральный характер и достоинство. Поэтому мы спокойно можем узнать другого человека, уважая его, любя, а уважая другого человека, уважаем себя, присутствие Бога, не говоря всякой лжи и не давая ложных обещаний.

Вы видите, что обручение совершается пред Богом, перед многими свидетелями, и ты говоришь: «Я хочу, чтобы мы шли с этой девушкой по жизни и она стала моей женой». Это очень серьезно — сказать: «Я люблю этого человека», — и получить Божие благословение. Ты признаёшь это перед всеми людьми, пред Богом и даже в качестве гарантии надеваешь кольцо, свидетельствующее о том, что ты действительно поступаешь серьезно.

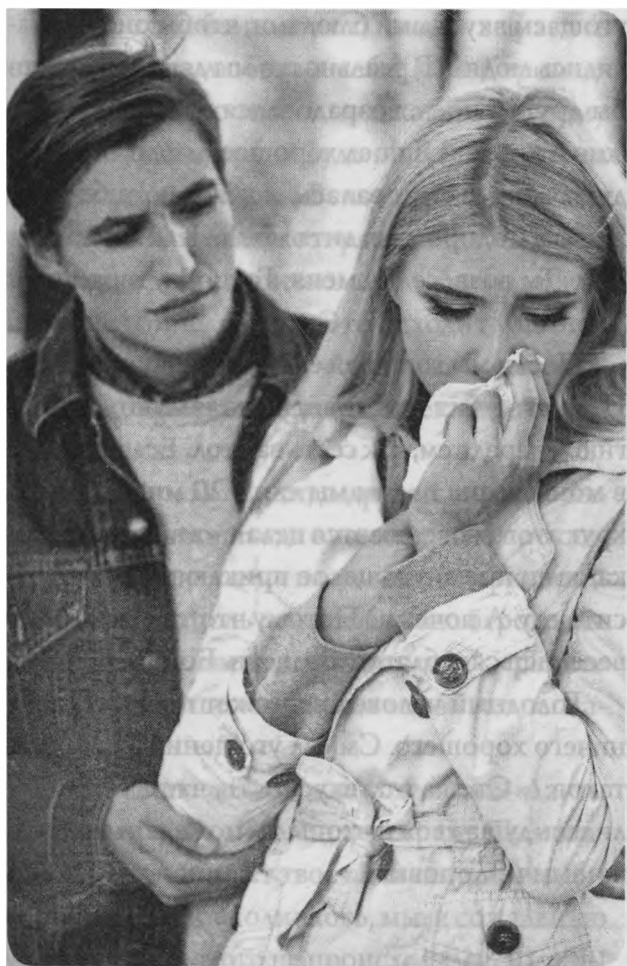
Это очень важно и серьезно — подумать, что ты скажешь другому человеку, какое обещание ему дашь. «Я действительно люблю тебя и хочу, чтобы мы поженились, чтобы мы

вместе прожили всю жизнь!» Этому предшествует зрелость, а более всего осознание того, что эти наши слова исключительно важны для другого человека. Для тебя они, может, и незначительны, но для другого — да. И ты не имеешь никакого права играть его чувствами.

Знайте, что кто предал других, тот заплатит за это. Это непросто, если другой будет роптать из-за нас, плакать из-за нас, потому что наступит такой час, когда мы за это заплатим. И это ничего, что заплатим: мы должны заплатить, и мы будем уязвлены, чтобы научиться не уязвлять других. Когда в нашей жизни возникают разные неприятности и люди нас ранят, давайте вспомним, что и мы когда-то ранили других.

Очень неприятно, если другой плачет из-за нас, если мы станем причиной того, что он начнет роптать, что он уязвится, пусть и не выразит этого вслух. Но великое благословение будет нам, если другой помолится о нас.

Посмотрите, дети, когда мы идем на свадьбу и ждем, чтобы нам подали угощение, почему мы это делаем? Почему? На своих торжествах мы

угощаем вкусными блюдами, чтобы они понравились людям. В реальности мы делаем это, чтобы другой поел, возрадовался и сказал: «Будь жив и здоров! Я поел хорошее блюдо, вкусное, душа моя возрадовалась, и я желаю тебе быть живым и здоровым, дитя мое!» Как в молитве: Ибо Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим*.

Поели мы хорошей еды — благодарим Бога. Церковь учит нас совершать целую «литургию» перед тем, как сесть за стол. Если пойдете в монастырь, то там мы едим 20 минут, но вокруг этого совершается целая «литургия», мы кадим и поем; это целое приключение — вкушать еду. А почему? Потому что ты насытился, веселишься и благословляешь Бога.

Голодный человек не может пожелать тебе ничего хорошего. Смысл угощения на свадьбе таков: «Съешь эту вкусность, чтобы возвеселилась душа твоя и чтобы ты пожелал мне быть живым и здоровым!»

* Ср. Пс. 91, 5.

И я несу тебе подарок, чтобы выразить мою огромную любовь к тебе. Какое громадное значение это имеет — сказать другому от всей своей души: «Будь жив и здоров, да благословит тебя Бог»! вспомните, дети, у нас у всех есть знакомые, которым, когда мы о них вспоминаем, мы в душе желаем: «Да будет жив и здоров этот человек!» Это исходит у нас изнутри, и мы чувствуем, что из нас идет сила, которая покрывает этого человека, где бы он ни находился.

Более того, дети, когда другой человек бывает уязвлен нами, тогда он может и не проклинать нас, не роптать на нас, если он церковный человек, но его боль ложится на нас огромным бременем. Это очень тяжелое дело — ранить другого. Наступит час, когда мы за это заплатим.

Ты скажешь: «Но я ведь покаяться!» Да, ты покаяться, но другой же получил рану. Ты покаяться, и Бог принимает твоё покаяние, но, чтобы твоё покаяние восполнилось, мы, к сожалению (молюсь, чтобы этого не происходило), должны

за это заплатить. Обычно эти вещи возвращаются обратно, как при абортах. Мать или тот, кто убивает ребенка, говорит: «Да, я сделала один аборт, но потом исповедалась!» Хорошо, ты исповедалась, покаялась, плакала, но всегда остается одно «но» — человек, который ушел на тот свет. Кто может заменить его? Кто заплатит за эту рану?

Мы должны быть очень серьезны. Никогда не уязвляйте другого человека. Лучше не говори другому, что не любишь его, пережди, оставь его томиться в ожидании. Не говори ему этого. Пусть лучше не знает этого, даже если будет спрашивать тебя тысячу раз, чем услышит от тебя такое болезненное слово.

Поэтому нам надо всегда иметь это чувство ответственности и быть последовательными в отношении к другому, к Богу и себе. Это то, что Церковь и устанавливает с помощью таинства Брака, и наше присутствие там об этом именно и говорит — как важно иметь правильное отношение к другому человеку. Церковь не делает этого тайно, но в храме, перед всеми: пе-

НИКОГДА НЕ УЯЗВЛЯЙТЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА

ред священником, перед родителями молодых, перед Богом, и ты даже ручаешься в этом, ведь кольцо — гарантия и залог того, что ты действительно будешь серьезно относиться к этой связи!

Перевела с болгарского Станка Косова

Любовь и рассудительность

Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира.

Иак. 1, 27

Святой апостол Иаков, может быть, единственный автор книг Нового Завета, который использует термин *θρησκεία* (букв.: религия, вера, благочестие). Этот термин необычен и для Писания, и для отцов Церкви, так как большинство из них использует слово «Церковь». Но здесь этот термин используется в своем истинном содержании, для обозначения нашей связи с Богом через Церковь и в Церкви.

Чистое и непорочное благочестие (*θρησκεία*) пред Богом и Отцом состоит в том,

чтобы посещать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя от влияния мира, — потому что это результат правильной связи с Богом. То есть тот человек, который прилагает усилия для того, чтобы иметь здоровую связь с Богом и проводить духовную жизнь, который молится, бодрствует, постится, исповедуется, ведет всецелую духовную борьбу, тот не может быть жестокосердным и безразличным к скорбям других людей и не дает осквернить себя похотям и соблазнам мира сего.

Когда в Писании говорится о мире сем, то, естественно, имеются в виду не те люди, которые рядом с нами — они наши братья, за которых Христос умер, а светский дух, плотское мудрование, мудрование греха, порока, все то, что противится Божью закону, — вот это и есть мир. Мы должны любить людей и даже умирать за них, как и Христос умер за людей.

Те добрые дела, о которых мы говорим: посетить больного человека, сироту, вдову, скорбящего, — и вообще все добрые дела не являются самоцелью, и мы совершаем их не

потому, что они наша цель, нет, они средство, приводящее нас к Богу, и результат нашей связи с Богом. Другими словами, невозможно любить Бога, духовно подвизаться и не любить брата своего.

К сожалению, часто — я это говорю в первую очередь о себе и уже потом о других — среди нас, набожных, как говорит святой апостол Иаков, можно увидеть исключительно много необъяснимых поступков. Наш старец на Святой Горе говаривал:

— Этот человек когда-нибудь читал Евангелие или хотя бы слышал о нем?

И «этот человек» может быть клириком или мирянином, и такое происходит среди людей, которые ходят в церковь. Мы пытаемся вести то, что называется духовной жизнью, жить по нормам Церкви: быть на вечерне, литургии, молиться, исповедаться, соблюдать посты, праздники — всё. Иногда даже бываем чрезмерно ревностными, смотрим, можно ли сегодня вкушать елей или нет, и если у нас будет пирожок с маслинами, несем его в лабора-

торию, чтобы проверить, нет ли в нем следов растительного масла, проводим анализы, чтобы не оказалось, что в нем было растительное масло и мы оскоромились. И в то же время демонстрируем поведение, полностью зависящее от наших идолов, пороков, бесчувственности.

Вспоминаю, как однажды один человек искал работу, и я сказал ему:

— Ну ладно, пойдя вот к этому человеку, он хороший работодатель, христианин, церковный человек, он ходит в храм, устройся к нему на работу!

Позвонил тому по телефону, и оказалось, что он тоже ищет хорошего работника. Я сказал ему:

— Знаешь, есть тут один церковный человек ...

— О, здорово! Пришли его, я хочу работать с церковным человеком, совестливым, честным, добрым и т. д.

— Хорошо!

Итак, работник — церковный человек, и работодатель тоже церковный человек — куда

лучше! Но через неделю работник, бедняга, приходит ко мне и говорит:

— Пошли меня к какому-нибудь атеисту! Я не выдержу там! Я больше не могу! Он меня с ума сведет! Он меня живьем съест!

Занозист и труден он как работодатель! Скуп, десять лир жалко дать человеку, не разрешает включить кондиционер, обогреватель тоже нельзя трогать.

— Но мне холодно!

— Он много электричества наматает!

А платит он очень мало: зарплата слишком низкая.

Жестокий работодатель, тяжелый человек. И иногда спрашиваешь себя: как могут совмещаться усердие в церковных делах и подобный результат — вот это жестокосердие?

Или наоборот: ты церковный человек, кто-то тебя рекомендует как работника, другой принимает тебя, потому что ты христианин, а ты, невзирая на всё, стараешься провести его вокруг пальца, использовать, нагреть руки на

его доброте и доброжелательности. Бывает и такое, и очень часто.

Помню, когда я был на Святой Горе, однажды приехали к нам с какого-то телеканала. Там запрещено брать телеинтервью, но иногда это делается тайком, как вам известно. И вот какой-то журналист пришел с камерой и взял интервью у самого плохого монаха на Афоне; он, несчастный, совсем сбился с пути, то есть все самое плохое, что вы только можете себе представить, самая безобразная картина, какую только можно увидеть. Как будто специально его искали.

Узнав, что они взяли интервью у этого несчастного брата нашего, мы говорили себе: «Пресвятая Богородица! Что же он наговорил, кем представился им?» и т. п.

Они его спросили:

— Отче, а здесь, на Святом Афоне, есть святые?

Он ответил:

— Есть!

— Ты можешь назвать нам какого-нибудь святого человека?

— Старец Паисий.

Мы узнали об этом, когда увидели фильм, и удивились. И подумали: да неужто он это сказал? Обычно люди такого типа не признавали старца Паисия.

И вот его спросили:

— Хорошо, а почему он святой?

— Ну, видите ли, его называют святым. Я не знаю, святой ли он, соблюдает ли посты, совершает ли бдения, молится ли по четкам и кладет ли поклоны, я о таких вещах не знаю, может, он и делает все это. Но одно я знаю точно. Я, как видите, плохой монах и признаюсь в этом: я пью, напиваюсь допьяна, вдрызг, вообще никогда не пощусь, не хожу на службы...

Целыми днями несчастный ходил в Карее от одного кафе к другому, каждую ночь полиция подбирала его.

— ... другие отцы меня презирают, не хотят, чтобы я жил у них, ни в грош меня не ставят и счастливы были бы избавиться от моего присутствия. Но каждый год, поскольку я не знаю иного способа заработать себе на хлеб, Паисий

звал меня к себе, чтобы я наколол ему дров. И хотя были другие желающие, хорошие монахи, он звал меня: «Приходи, отче, напилим дров на этот год». И вот я иду к нему, а он меня спрашивает: «Сколько ты хочешь, отче?» — «Хочу где-то тысяч десять драхм». — «Я дам тебе пятнадцать тысяч! Ты хороший человек и бедный, я дам тебе пятнадцать тысяч!»

Другие готовы уморить меня работой, заставляют и пилить дрова, и носить их, и складывать в поленницу, чего только не выдумают! А он то и дело спрашивал меня: «Отче, ты не устал? Посиди маленько, отдохни!» И пока я колол дрова, носил их, складывал, он весь день мне помогал, словно был моим работником и слугой. Платил мне лишнее и заботился обо мне. Он не умел готовить, но заботился, чтобы были консервы, вино, чтобы я хорошо поел, все время поил меня всякими напитками и говорил: «Отдохни немного, давай я угощу тебя чем-нибудь, давай перекусим!» Мало того, когда приходил какой-нибудь посетитель, он расхваливал меня и говорил: «Посмотрите,

какой хороший монах, возьмите у него благословение!» И я думаю, что этот человек святой, потому что поступает так.

И мы говорили себе: «Смотри-ка, самый плохой монах на Святой Горе произнес самую хорошую проповедь».

Итак, в чем проявляется наша связь с Богом? Не в формальностях, то есть если мы соблюдаем форму, значит, мы в полном порядке. Форма должна вести нас к сущности. Иметь милосердное сердце, быть милостивым, смиренным, снисходительным, кротким, общаться с братом своим — это плод, не так ли? А остальное — листья: поститься без елєя, совершать бдения, исповедоваться, читать, подавать милостыню, соблюдать праздники. Все это полезно, хорошо и необходимо, но это листья дерева, то есть у тебя есть дерево, у него хорошие листья, но плод дерева — стать богоподобным и совершенным, как совершен Отец Небесный, стать милостивым, как милостив Отец наш Небесный. Вот плод всех дел, которые ты совершаешь.

Следовательно, отсюда виден плод твоего духовного труда. Если ты тяжелый и занозистый человек, если с тобой нельзя найти общий язык, если ты желчный, привередливый, если ты трудный работодатель или трудный работник, то все это означает, что что-то в твоей духовной жизни неладно. Ты не можешь быть придирчивым человеком, когда живешь духовно, не можешь изливать свою желчь на другого человека, не можешь топтать его потому одному, что он твой сотрудник.

Очевидно, тут нужно еще трудиться духовно, чтобы человек смог принести духовные плоды. В то же время часто, действительно, видишь церковных людей, которые — поскольку они духовные люди — преисполнены духовных плодов, и окружающие их реально без всяких слов и проповедей обращаются и любят Бога.

Французская пословица гласит: «Если хочешь понять, святой ли ты, спроси об этом у своего работника». Твой работник скажет тебе, святой ли ты, потому что он каждый день рядом с тобой, видит все твои особенности,

мелкие недостатки и изъяны. Других, кто смотрит на тебя на расстоянии, ты с легкостью можешь ввести в заблуждение приятной улыбкой или взять себя в руки, когда нужно, чтобы не выдать себя и о тебе не сказали ничего плохого. Но тот, кто каждый день рядом с тобой и видит все детали твоей жизни, сразу поймет, так ли все это.

На меня произвело впечатление вот что. На днях пришел один мужчина, сын священника. Сейчас ему сорок лет, а отец его уже пожилой, он служит в нашей епархии. И вот сын начал говорить и заплакал — от благоговения, от трепета, который он испытывал перед своим отцом-священником. Он сказал мне:

— Владыка, мой отец святой человек. Мы каждый день видим это. Нас столько детей, мы были очень бедные, а он честный человек, никогда никого не обвинит, никого не осудит, мы никогда не видели за ним ни одного плохого поступка. Наш дом всегда был открыт для всех; мы голодали, но за столом всегда сидели люди, кто только ни захочет, все приходили

к нам. Он никогда не закрывал дверь дома, никогда никому не сказал: «Не могу, оставь меня в покое!» — и не был равнодушным. Он всегда был открытым для людей, во всех их трудностях и скорбях.

На сердце сына это воздействовало так положительно и сильно, что он сказал: «Вот, мой отец — святой человек!» — ибо видел плод его духовной жизни. И как часто мы видим людей, у которых остались светлые воспоминания о родителях, которые чтут и уважают своих родителей, помнят их добрые дела и говорят: «Посмотри, каким хорошим человеком была мама (был отец)», — потому что видели плод их духовной жизни. А плод этот — милосердие, любовь.

Помогать вдовам и сиротам в их скорбях — как это важно, не правда ли? Знаете, действительно, когда человек переживает трудности, для него очень важно, чтобы мы его утешили. И здесь я должен сказать, что, к счастью, сегодня мы образованны и ведем себя гуманно, и если у нашего знакомого случится скорбь, мы идем, чтобы

сказать ему слово утешения, поддержать его, на похороны, например, в случае еще каких-нибудь проблем. На Кипре общество до сих пор еще верующее, более социальное, так сказать.

Я хочу отметить две вещи. Важно пойти к сироте, вдове в их скорби, но важно не только, чтобы мы пошли, но и то, что мы скажем там, куда идем, и сколько времени пробудем, чтобы не довести другого до такого состояния, что он будет молиться: «Христе мой, просвети его, чтобы он ушел! Я больше не выдержу!» Духовный человек прежде всего рассудителен и знает, что другой скорбит, что он болен. А у больного много нужд, ты не можешь усесться рядом и целый час читать ему проповедь: ему ведь нужно отдохнуть, позаботиться о себе, сделать всё, чего требует болезнь. Представьте себе, что кто-нибудь пойдет и будет сидеть целыми часами возле больного — какое же это выйдет мучение для него! Мы должны быть исключительно чуткими в этом отношении.

И вот мы идем к нему — и что говорим? Иногда мы, благочестивые, совершаем тут

огромные ошибки. Тогда как другой страдает, не слышит нас и не понимает, что мы ему толкуем, мы начинаем произносить проповеди, которые часто не что иное, как хула против Бога. И начинаем в таком духе:

— Значит, так Богу угодно было! Бог забрал его, потому что он был хороший! Бог забрал его, потому что его надо было забрать сейчас! Ибо сейчас он был готов, а потом не был бы!

Все это вызывает страшные вопросы у людей. Не дай вам Бог пережить смерть близких, но кто прошел через это, те знают, сколько вопросов возникает тогда у человека. Он потерял своего ребенка, а ты идешь и говоришь ему:

— Ну что поделать: так Богу угодно!

И что же скажет этот человек?

— Почему же этот Бог такой злой, что забрал у меня ребенка? А почему Он не забрал ребенка у тебя?

Не так ли?

Или:

— Он сейчас был готов.

Но другой скажет тебе:

— Тогда выходит, что лучше никогда не быть готовым! Не будем же готовиться к этому, и Бог не заберет нас; пусть мы будем оставаться нераскаянными, зато будем жить долгие годы! Если мы подготовимся сейчас, Он заберет нас. Так кто же такой глупый, чтобы готовиться сейчас? А поскольку мы не хотим умирать, то будем оставаться неготовыми, будем жить долгие годы, а в конце жизни подготовимся.

Или когда мы идем и говорим скорбящему человеку пару слов утешения, а затем начинаем рассказывать о своих детях:

— Ну, мой сын тоже был болен, но вот выздоровел и сейчас женился, и у него, слава Богу, все хорошо!

Кому мы говорим это? Тому, кто потерял ребенка и страдает!

Или вот другому человеку, который болен, у которого, может, смертельная болезнь, мы говорим:

— Дай нам, Боже, здоровья! — и тому подобное, в то время как другой лежит на

одре болезни и его жизнь, может, висит на волоске.

Нужна великая рассудительность, когда мы идем к сиротам, вдовам и нашим больным братьям, у которых какие-то проблемы, скорбь.

Христианин отличается рассудительностью, и рассудительность считается самой великой из всех добродетелей. Она даже больше любви, поскольку безрассудная любовь может причинить зло, да и не просто может, а делает это.

Апостол говорит, что самая большая добродетель — это любовь*, а отцы говорят, что самая большая добродетель — рассудительность**. Почему? Они не противоречат друг другу: любовь — самая совершенная из добродетелей и благодатных даров, тогда как рассудительность — это способ, каким ты используешь ее. Иными словами, ты можешь иметь любовь, но не иметь рассудительности, и по

* См. 1 Кор. 13, 13; Кол. 3, 14.

** См., напр.: *Исаак Сирий*, прп. Слова подвижнические. Слово 9. М., 2006. С. 70–71.

любви идешь и посещаешь другого, но у тебя нет рассудительности, и ты по любви опять же сидишь долгими часами и говоришь ему все, что не приносит ему пользы.

Как говорил приснопамятный старец Паисий, если у одного есть лодка, вмещающая двенадцать человек (на Святой Горе мы только на лодках и передвигаемся), и другой попросит отвезти его в Дафни, а он из любви посадит в свою лодку не двенадцать, а четырнадцать человек, все в результате утонут. Намерение его было добрым, исходящим из любви: «Отцы, заходите в лодку все, кто хочет!» Великая любовь, но без рассудительности, ибо результат ее будет таков, что она утопит всех.

Авва Исаак Сирин говорит: «Утопающему в реке не подавай руки, а подай ему свой жезл»*, — чтобы показать рассудительность. Почему? Потому что если ты подашь ему руку, он утащит тебя и утопит вместе с собой, если не сможешь вытащить его из реки. Но если ты

* Там же. Слово 89. С. 649.

подашь ему свой жезл и вытащишь, то ты спас его, если же нет, то он хотя бы умрет один.

А что это значит? Часто люди — миряне и духовники, — может, из любви идут помочь кому-то, а в итоге вместо того, чтобы помочь ему, сами себе вредят. Сколько раз нам доводилось видеть такие усилия, вроде из любви, спасти другого, а в конце концов потонули оба, потому что не имели рассудительности. Часто происходило такое, о чем еще не пришло время, да и не подобает говорить и что в конечном счете не принесло плода. У них были хорошие побуждения, но по ходу дела сил не хватило, и результат стал трагическим для обоих. И много духовных кораблекрушений происходило таким образом, поскольку намерение было хорошим, но силы не были адекватны. Это первое.

Чтобы мы призирали сирот и вдов в их скорбях — то есть *плакать с плачущими*, как говорит Писание (Рим. 12, 15). Это очень важно, но вот один авва говорит: «Действительно важно плакать с плачущими, но важнее радоваться

с радующимися». Это труднее. Когда у другого какая-нибудь трагедия дома, какая-нибудь трудность — мы же все люди: сердце наше проникается состраданием, мы идем и говорим ему доброе слово, сидим там. В конце концов, у нас все в порядке, мы в безопасности. Ну, идем мы туда и говорим, можем даже подумать: «К счастью, это зло не случилось со мной!» Но если наш сосед получит 200 000 лир, не скажем ли мы себе: «Эх, вот если бы их получил я! Это было бы гораздо лучше! Или хотя бы половину, если не все»? Могу ли я сказать: «Браво, слава Богу! Как хорошо!» — и пойти к другому человеку порадоваться вместе с ним тому, что у него произошел большой успех в работе, в финансовых вопросах, в семье и в чем бы то ни было еще? Это трудно. Нужно быть весьма совершенным человеком, чтобы радоваться радости другого. Это нечто более высокое, поскольку пересиливает даже нашу природу. Если в скорбях человек сострадателен к близким — все мы люди и один страдает другому, — то в радости всё несколько труднее.

Например, у нас есть дети, и сосед нашел очень хорошую девушку для своего сына или жениха для дочери, — радуемся ли мы так сильно, будто женим собственных детей? Говорим ли: «Прекрасно! Какой хороший ребенок у этого человека, какую хорошую невесту (жениха) он нашел! Какая замечательная пара, как они счастливы»? Или говорим: «Мы-то еще не нашли» или: «Мы нашли такого, из-за которого у нас проблемы»? Трудно. Радоваться с радующимся трудно.

В другом месте «Патерика» написано, что один посетитель проходил мимо келлий подвижников Нитрийской пустыни, и его спросили:

— Куда ты идешь, отче?

— Да иду к авве Пимену.

— А-а-а, иди, он действительно святой и важный человек, он больше всех нас.

И пришел он к нему и сказал:

— Знаешь, прежде чем прийти сюда, я был у такого-то и такого-то аввы и сказал, что иду к тебе, и они мне сказали много хороших слов

о тебе: что ты великий человек и больше всех отцов в пустыне! А еще сказали, чтобы я передал тебе от них всяческое уважение и поклоны.

Он ему ответил:

— Когда слышишь, что кто-нибудь хвалит брата своего, знай, что у хвалящего больше добродетелей, чем у того, кого хвалят, потому что кто превозносит другого и (как бы) говорит: «Этот человек достойный, он лучше меня, он добрее и важнее меня, и ты очень хорошо делаешь, что идешь посмотреть на него, как бы презираешь нас и идешь к нему!» — кто говорит так, у того добродетели больше, чем у того, который в конечном счете принимает похвалы*.

Великое дело — иметь то духовное благородство, которое превозмогает законы природы, то есть когда ты приходишь до того, чтобы радоваться радости другого, хвалить брата,

* См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 8. М., 1999. С. 365–366.

выделять его, отдавать ему преимущество, первое место и радоваться, что он идет вперед, а ты остаешься сзади. Радоваться, что он преуспевает, а себя самого не видеть.

Кто способен на это? Тот, кто совершен, кто умертвил себя, свои страсти, волю и устремления и ищет только славы Божией и связи с Богом, откуда он черпает благодать, и этого ему достаточно. Ему достаточно быть близ Бога. Такой человек на опыте понял, что благодать и благословение действительно приходят к тому, кто смиряется.

К тому, кто смиряется, приходит благодать. Бог *смирным дает благодать* (Иак. 4, 6). В этой благодати, в этой связи с другим смиренный человек как магнитом притягивает Господа в свое сердце.

Вернусь еще немного к тому, что говорит апостол: *призирайте сирот и вдов в их скорбях*. Нужно быть внимательными к этому, потому что мы до некоторой степени пренебрегаем этим, то есть не до некоторой, а часто даже в пастырских делах Церкви видна небрежность, и у

нас нет такого ощущения, что мы как Церковь являемся одним телом.

Мы говорим, что нужно навещать больных и немощных. В нашей митрополии есть организованные группы, которые ходят по больницам и домам престарелых, на приходах также есть группы, которые посещают людей, имеющих проблемы. И видно, что мало людей идет в эти группы.

Ну хорошо, у нас работа, у каждого есть работа. Часто говорят:

— Я завален работой!

— Хорошо, но неужели ты так занят, что не можешь читать?

— Нет, не до такой степени.

— И телевизор совсем не смотришь?

— Нет, телевизор мы смотрим.

— И на улицу не выходишь?

— Нет, гуляем немного.

То есть время у тебя есть, всё не так, как ты говоришь.

Нужен маленький подвиг. В миру мы не спасемся ни своими бдениями, ни постами, ни

молитвами — как бы мы этого ни хотели, но нам, наверно, не позволяют наша среда, наши силы и намерение предаться этим вещам. А что же спасает нас в миру? Милостыня, которая состоит не только в том, чтобы отдать свои деньги другому человеку, это тоже важно, но она еще и заключается в моем присутствии, моем добром слове, моей диаконии* в деле Церкви, не правда ли? Не только в том, чтобы я отдал 10 лир — и всё, на этом я исполнил свой долг. Особенно когда у меня много денег, это ничего не значит, потому что я отдаю их из своего излишка. Где труд, там и награда, где трудности и лишения, там подвиг и нужен.

Поэтому нам нужно быть внимательными. Посмотреть в своем квартале, есть ли люди, живущие в нужде, старые, одинокие, которых остальные презирают. Как важно поделиться с ближним чем-то своим тихо, бесшумно, красиво, как прилично христианам. И как предосу-

* Имеется в виду раннехристианский смысл слова «диакония» — служение нуждам людей.

дительно иметь перед своим домом или в квартале нуждающихся людей и даже не подумать о них. Они между тем испытывают нужду, они изолированы, они нуждаются в тарелке горячей еды, в компании, в добром слове, в том, чтобы мы иногда брали их с собой, когда идем куда-нибудь.

Знаете, в этом мы действительно сильно отстаем, и иногда видишь людей нецерковных, которые превосходят нас в этих делах. Мы, день и ночь читающие Евангелие, часто не можем сравниться с ними. Есть люди, служащие для нас примером и образцом, хоть они и не имеют никакой связи с Церковью, и это неудивительно, ведь чувства эти диктует сама природа. Человеческая природа учит меня состраданию, я не жду, чтобы Евангелие приказало мне, что нужно посетить человека в скорби.

Хорошо, а кто не читал Евангелия, они что, не знают, что существует сострадание? Пусть это будут даже каннибалы, но один будет страдать другому, он поможет ему и укрепит. Следовательно, не нужно, чтобы об этом

говорили Апостол или Евангелие, об этом говорит нам сама природа. Евангелие учит нас более высоким вещам и плоду всего этого.

Это факт, что без Евангелия человек останавливается на добрых делах, он не приближается к плоду, которым является стяжание Святого Духа. Но что же сказать, если у нас иногда и листьев нет, не говоря уже о плоде, а иногда нет и самого дерева? Выставляя кучу предлогов, мы бросаем свое дерево, и оно засыхает среди наших грехов и жестокосердия. Очень больно видеть, когда церковные люди с жестокосердием относятся к другим, страдающим или к испытывающим нужду, не важно какую — духовную или материальную.

Затем святой апостол Павел говорит: *хранить себя неоскверненным от мира*. Здесь требуется большое внимание, потому что мы не можем находиться одновременно в двух местах — *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24), невозможно жить и светской, и духовной жизнью, так не получится: ты одно полюбишь, а другое возненавидишь, нужно выбирать.

Часто, особенно в отношениях между супругами, когда они не одного духа, нужна икономия*, снисхождение. Обычно жена бывает церковным человеком, а муж не такой уж церковный — у него свой образ жизни, и дело у них доходит до конфликтов. Например, он хочет посетить какие-то заведения, а не сидеть дома, и уходит туда. Или хочет сделать что-нибудь по дому, а жена не соглашается, потому что это нарушит ее духовную жизнь и т. д. Здесь нужно, чтобы тот, кто сознательно является членом Церкви, имел силу и великую рассудительность следовать своей половине так искусно и с таким вниманием, чтобы и себе не навредить, и другому человеку помочь войти в Церковь.

Помню такой случай. Одна женщина действительно была очень благочестивой, ее муж

* Икономия (οἰκοποτία греч. — искусство управления домом, домоуправление, домостроительство; οἶκος — дом, νόμος — закон) — принцип решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства (икономия имеет определенные границы).

тоже был хорошим человеком, но внутренне сопротивлялся ей и был очень грубым: ругался, говорил срамные вещи, кричал, поднимал скандалы. Мать водила детей на бдения, беседы, литургии, а муж сидел дома. Потом он говорил:

— Давай пойдем куда-нибудь!

А она:

— Да куда мы сейчас пойдем?

То есть она не соглашалась с ним, и дело постоянно доходило до ссор.

Однажды, когда старец Паисий был в монастыре Суроти, они оба пришли к нему. Он действительно увидел в жене благое духовное рвение, но и безрассудность, а в муже — хорошее намерение, но и сопротивление своей безрассудной жене, которая своим поведением — естественно, сама того не понимая, — унижала его как супруга. Старец сказал ей следующее:

— Слушай, ты хочешь завоевать своего мужа и чтобы ваш брак сохранился?

— Да, конечно!

— И то, что я тебе скажу, ты сделаешь, верно?

— Хорошо!

— Послушай, ты сделаешь себе стрижку, скажешь своему мужу: «Мы с тобой женаты уже пятнадцать лет. Я билась как могла, чтобы привести тебя в Церковь, но не сумела. А теперь я уже зареклась звать тебя, хватит! Прекращаю любые попытки. С сегодняшнего дня я буду с тобой. Отрежу волосы, пойду покрашу ногти, глаза», — что там еще можно покрасить? И скажешь ему: «Вечером мы с тобой идем в кино! Завтра — в ресторан», — послезавтра еще куда-то. Куда он тебе ни скажет, иди с ним. И еще ты не будешь поститься. Пятница так пятница, ешь все что угодно, что он тебе скажет. Мало того, ты сама должна будешь этого хотеть!

Она пошла и передала ему, что сказал ей старец:

— Всё, хватит, ты не обращаешься в веру, к старцу Паисию мы ходили, а ты все равно не изменился! Хватит, теперь я буду как ты!

Пошла и сделала все, как сказал ей старец: покрасилась и стала похожей на привидение.

Когда она предстала перед мужем, он остолбенел, увидев ее. Она ему говорит:

— Ну, пойдем! Куда мы с тобой идем сегодня вечером?

Вышли они, на другой день опять, на третий тоже, в пятницу вечером он ее спрашивает:

— Что у нас сегодня на ужин?

— Шашлык!

— Ты что, с ума сошла? Сегодня же пятница!

— Ну и что, что пятница? Пятнадцать лет я соблюдала пятницы, а ты не изменился, теперь всё, больше нет пятниц!

— Пойдем домой, тебе утром идти в церковь.

— Не пойду я в церковь, мы будем здесь до утра!

Через пару месяцев он дошел до отчаяния. Тогда сам пошел к духовникам и сказал:

— Спасите ее! Что с ней?

Потом сам стал ее умолять:

— Прошу тебя, попустишь, приди в себя, смой эту косметику, вернись в свое прежнее состояние ...

Я не говорю вам, чтобы вы совершали такие вещи, разумеется, рискованные, но иногда, когда они делаются сознательно, Бог видит произволение человека.

В «Патерике» мы читаем исключительно хорошие истории. Вот жили два подвижника, и один из них сказал:

— Авва, я уйду из монастыря. Пойду в город, не могу больше выдержать эту аскетическую борьбу. Сниму рясу, найду в городе какую-нибудь женщину и буду жить с ней и т. д.

Авва ему отвечал:

— Отче, что ты говоришь?

— Не могу, хватит!

— Хорошо, тогда и я пойду с тобой.

Ради любви к брату тот, кто долгие годы не выходил из монастыря, шел за ним до самых дверей женщины. И повествуется, что, видя труд аввы, Бог отнял у немощного брата брань, он в последний момент пришел в себя и сказал себе: «Что же я делаю?» Ради любви того старца брат этот был спасен.

Если можете, прочитайте, у кого есть «Синаксарь»*, житие преподобного Авраамия, его память 29 октября. Это потрясающая история о том, как преподобный спас одну девушку, свою племянницу, которая подвизалась с ним в пустыне, но проходивший теми краями человек соблазнил ее и увез к себе, а потом она стала блудницей.

Сорок лет он не выходил из пустыни и вареной пищи не ел, а тут снял рясу, сбрил бороду, искупался, взял кошель с деньгами и отправился в публичный дом. Вошел он туда и сказал:

— Я хочу спать с этой девушкой!

— Но ты уже пожилой человек, ты старик!

— Какая разница! Разве у меня нет денег?

Я плачу и хочу вот эту девушку!

* «Синаксарь» — жития святых; в Греческой Церкви так называется сборник поучений, читаемых на утрени после 6-й песни канона. Следующий далее рассказ можно прочитать в «Житиях святых» в переложении свт. Димитрия Ростовского, месяц октябрь, 29-й день.

И когда она подошла и увидела его, то отвернулась, но он стал притворяться и говорить ей все те безумные слова, которые произносят в таких местах, и когда она хотела его обнять, то почувствовала благоухание святости и пришла в себя: она вспомнила своего старого дядю в пустыне. И дальше повествуется так: она смутилась, а старец ее спросил:

— Что с тобой?

— Ничего, я просто вспомнила о чем-то.

Он тут же забрал ее оттуда, вернул в пустыню, и впоследствии она спаслась.

Как много святых шли в притоны сатаны и выводили оттуда людей. Разумеется, они были сильными, не как мы, была у них и рассудительность.

Я хочу сказать, что когда рассудительность и любовь идут вместе, они творят чудеса, а когда любовь безрассудна, она опасна. Поэтому нужно быть людьми осторожными, чтобы мир сей не повредил нам, но надо, чтобы нам сопутствовала и рассудительность, чтобы эта любовь не превращалась — самое главное, в семье,

БРАК — АД ИЛИ РАЙ?

с детьми — в препятствие для благочестия. Рассудительность должна сопутствовать нам, чтобы наша связь с Богом назидала других людей, а не губила их, и делала крепче ту связь, которая у них имеется с нашим Отцом Небесным — Богом.

Перевела с болгарского Станка Косова

Три искушения в браке

Бог сотворил человека и поселил его в раю, где он существовал естественно, будучи в здравых взаимоотношениях со своей женой Евой. Их целью было не рождение детей, а познание совершенства, постижение совершенной Божией любви, что и является главной целью брака. Поэтому каждое таинство Церкви, включая брак, совершается для прощения грехов и стяжания вечной жизни. Поэтому брак есть таинство, харизма, которую Бог благословляет и подает нам в Церкви. Поэтому Церковь благословляет брак и считает семью таким местом, куда человек

направляется, чтобы раскрылось его предназначение.

В конечном счете целью брака является преодоление его самого — преодолеть брак, а не превращать его в идол, смотреть на него как на средство, призванное привести тебя к Богу. Любовь в браке не отменяется, потому что Божия любовь не отменяет любви к людям и нашей любви друг к другу, не отменяет ни супружеской любви, ни любви к детям, а напротив, делает человеческую любовь крепче, сильнее, чище, здоровее, делает ее поистине совершенной.

Сегодня мы будем говорить о некоторых более практических вопросах, касающихся проблем, с которыми человек сталкивается в браке. Мы знаем, что страстей, с которыми мы призваны бороться, — основных, тех, что борют человека и из которых рождаются остальные страсти, — три: славолубие, то есть эгоизм, сребролюбие и сластолюбие. Почему мы так считаем?

Из учения отцов Церкви и из их опыта, а главное — из святой жизни Христа, описан-

ной в Евангелии, с очевидностью явствует, что диавол воевал против Христа с помощью этих трех искушений. Первое — это искушение эгоизма, славолубие, самомнение и гордость: *если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз*, — говорит он Ему (Лк. 4, 9). Второй помысел — помысел сластолюбия, когда диавол предлагает Христу превратить камни в хлеб. И третье искушение — сребролюбием, когда искуситель предлагает Ему богатства всего мира. Разумеется, Христос отверг все эти три искушения и таким образом победил диавола. Эти же три искушения возникают и перед каждым человеком — эгоизм, из которого рождаются все прочие страсти, а также сребролюбие и сластолюбие.

С другой стороны, у нас имеются и три харизмы, три высшие добродетели Святого Духа, а именно вера, надежда и любовь — они идут вместе. Вера — это основа, на которой зиждутся надежда и любовь, так же как и эгоизм есть основа, из которой рождаются сребролюбие и сластолюбие. Семейный человек, стремящийся к совершенству во Христе, должен будет

бороться — как и всякий подвизающийся христианин, будь то монах или мирянин, — с этими тремя большими и главными страстями.

Первая страсть, как мы сказали, это эгоизм. Как же он проявляется на деле? Что он означает? Само слово дает нам ответ — «эгоизм», то есть состояние, когда все вращается вокруг нашего «эго»: «Только я, и никто другой! Я так думаю, я так считаю, я так хочу, мне так нравится, я хочу, чтобы было так!» Все это, естественным образом проистекающее из эгоистической настроенности человека, не позволяет эгоистичному человеку полюбить сильно, не дает *возлюбить*. Причина в том, что он не может превозмочь себя, он замкнут в своем индивидуализме. Эгоистичный человек не может ни возлюбить, ни смириться. Как же он смирится, когда он эгоист? Он даже не может признать своих ошибок, потому что всегда и во всем оправдывает себя.

Эгоист не может общаться, он не способен на это, потому что для того, чтобы общаться с другим человеком, надо выйти за пределы са-

мого себя, надо услышать другого. Но чтобы услышать другого — и услышать в точности то, что он сказал, — прежде всего надо, чтобы замолчал ты сам, чтобы у тебя не было своих мыслей, помыслов, чтобы у тебя не было предвзвешенных суждений, чтобы ты заранее не был предвзвешен к чему-то, чтобы ты мог затем с легкостью поставить себя на место другого человека.

Недавно я услышал одну американскую поговорку, которая гласит: «Если хочешь понять другого, пройди пару верст в его ботинках, и ты поймешь его». То есть, чтобы понять человека, надо спуститься туда, где находится он. Или подняться, если он стоит высоко. Надо понять другого человека, увидеть, как он рос, даже разница полов имеет значение. Мужчина и женщина — не одно и то же: одна психология у него и другая у нее, одна биология у него и другая у нее. Возраст также играет роль. Одно дело — человек в двадцать лет, и другое — в пятьдесят. Человек, который рос в одной среде, отличается от выросшего в другой. Даже место, откуда мы приходим, имеет значение: в каком

городе, в каком селе, при каких обстоятельствах вырос человек.

Чтобы можно было общаться с другим, надо его понять, поставить себя на его место, стать одним целым с ним. Доказательство тому — Христос. Христос мог спасти нас, будучи на небе. Он мог спасти нас, прислав сюда Евангелие или еще каким-нибудь иным способом. Для Христа нет ничего трудного. Он, однако, этого не сделал. Он абсолютно, полностью стал Человеком, подобным нам, чтобы — именно после того, как мы оказались бессильны, — смочь спасти нас. Чтобы мы могли соединиться с Ним и чтобы показать нам истинный способ общения. Он стал Человеком ради нас.

Чтобы общаться со своей женой, муж должен понять, как мыслит жена, — если он этого не сделает, ему никогда не удастся общаться с ней и он всегда будет думать о жене по-своему. Также и жена: если ей не удастся понять, чего хочет мужчина, чего он ждет от нее, как он хочет, чтобы она относилась к нему, — ей

никогда не удастся общаться с ним. То же самое относится и к детям, и к нашим родителям.

Эгоизм — один из самых существенных факторов, разрушающих брак, и это мы каждый день видим вокруг себя. Эгоизм разрывает всякую связь человека и с Богом, и с самим собой, и с людьми вокруг, а тем более со спутником или спутницей по жизни и с детьми.

Как бороться с эгоизмом? Смирением. В монашеской жизни смирение прививается через послушание, а в браке — через отсечение собственной воли. С этого начинается человек — отсечь свою волю. Идешь сделать что-то — жертвуешь тем, чего хочешь сам, делаешь то, что говорит тебе другой человек. Садись, чтобы его послушать, уделяешь ему время, чтобы он выговорился, и даже если это кажется тебе смешным и незначительным, его нельзя считать смешным — ты должен смотреть на это всерьез, поскольку для другого это серьезно.

Если ты не научишься смиренно принимать аргументы и реалии другого человека, тогда ты, конечно, прервешь всякую возможность

коммуникации с ним. Отсечение воли — и в самом малом, скажем, выполнить какую-нибудь работу по дому, исполнить свои обязанности, поступиться своим удобством, преодолеть все эти «я так думаю», «я хочу, чтобы было так».

Вчера мне задали вопрос: что происходит с воспитанием ребенка, когда один из родителей говорит одно, а другой другое. Ну что происходит? У нас налицо два родителя-эгоиста, которые в конце концов испортят своего ребенка, потому что никто из них не смиряется и не признает: «У моего мужа тоже есть право воспитывать ребенка!», «У моей жены тоже есть право воспитывать ребенка. Не я один знаю, как и что надо». Например, мать сказала что-то по поводу ребенка. Супруг не должен сразу же опровергать это и любой ценой требовать, чтобы жена согласилась с ним.

Как мы уже сказали, отец держится определенным образом, а у матери иные поведение и место в детской психике. Когда ты не соглашаешься с другим человеком и думаешь, что только ты знаешь все и только ты один можешь

высказываться по поводу воспитания ребенка, тогда ты, несомненно, унижаешь своего партнера, который или замолчит, или (если это муж) возьмет газету и буркнет: «Воспитывай его сама! Если хочешь, чтобы я его искупал, позови меня!» А может, супруги станут кричать, ругаться и т. д., и в доме начнется хаос...

Вслед за эгоизмом мы сталкиваемся со сребролюбием. Услышав это слово, мы думаем, что речь идет о любви к деньгам. Однако сребролюбие — не только это.

Почему же сребролюбие — грех? Ведь у всех у нас имеются деньги — и у вас есть деньги, и у меня есть деньги, и у Церкви есть деньги, и у монастырей есть деньги, и у Христа были деньги. Проблема не в деньгах. Деньги сами по себе не что-то плохое. Плохо сребролюбие. Что же оно собой представляет?

Напоминаю вам, какая добродетель является второй, — надежда. Первой является вера, и в связи с ней мы сказали, что эгоист не может уверовать, потому что он верит лишь в себя. Верит в себя — только он один, и никто другой!

Эгоист, в сущности, является неверующим. Он нераскаян, замкнут в себе самом, эгоизм не позволяет ему сделать ничего.

У сребролюбца же нет надежды на Бога, которая является второй добродетелью после веры. Потому что он надеется на свои деньги. «Я должен чувствовать карман полным». Есть старые люди, лет эдак под сто, у которых полно денег в банке и которые дрожат над ними, потому что берегут их «на старость». Сами стоят на пороге смерти в буквальном смысле слова, а хранят в банке тысячи лир. Для сребролюбца немислимо потерять их, потому что у него нет надежды на Бога, он надеется на деньги — в этом суть греха.

И не только на деньги, но и на свои знания: «Я полагаюсь на свои знания, я представляю собой нечто, у меня есть власть, есть положение, есть образование, финансовое благополучие». Грех — надеяться не на Бога, а на свои силы, на свое состояние, на свое знание, на свои способности, на свою красоту и все прочее, потому что это похищает сердце твое у Бога

и прилепляет его к чему-то иному. Ты надеешься, что ты так красив или так красива, что тебе и нужды нет взглянуть на кого-нибудь вокруг. Уйма молодых людей желает видеть тебя своей женой, но ты всех отвергаешь, потому что думаешь, что придет сказочный принц и попросит твоей руки. Вы много таких сказок читали, помните?

Как это мешает в браке? Мешает, потому что каждый замыкается на своих делах. Вы видите сегодня, что в каждой второй семье супруги тратят деньги по отдельности и каждый месяц они садятся вместе и подводят итоги. Я советую им нанять бухгалтера, чтобы разобраться во всем этом и не ругаться, кто из них потратил больше... Один оплачивает счет за воду, другой за электричество, за бензин, они всё подсчитывают и так платят. Мало людей переступают через это и устраивают так, чтобы в семье распоряжались деньгами все и при этом не испытывали боязни перед другим человеком.

Идут покупать дом и боятся:

— Полдома запиши на меня!

Чтобы завтра они, паче чаяния, не развелись и другой не забрал весь дом себе. Как будто проблема в этом и заключается — кому достанется дом, когда они разведутся...

Этот менталитет — «мои вещи», «мое время», «пойду со своими друзьями», «у меня тоже есть друг», «у меня свои планы», — именно это «мое» и есть то, что привязывает меня к разным вещам. В монашестве это преодолевается через нестяжание: тебе не позволено иметь абсолютно ничего, даже десять лир.

Как это преодолевается в браке? Через общую собственность. Все, что у нас есть дома, — это наше, общее. Апостол говорит, что мы не имеем власти даже над своим собственным телом* — даже я сам не принадлежу себе. В одном тексте святого Иоанна Златоуста есть такие слова: «Что ты говоришь постоянно о моем и твоём, когда мое тело принадлежит не мне, а тебе и твое тело принадлежит не тебе,

* См. 1 Кор. 7, 4.

а мне?»* Один принадлежит другому; нет «моего» и «твоего».

Вы видите, что общая собственность была отличительной чертой ранней христианской Церкви, потому что у людей тогда была надежда на Бога и они не надеялись на нечто другое. У нас нет надежды на Бога, мы надеемся на свои силы: «Я должен сделать всё, я должен всюду успеть, я должен добиться всего, я должен это сделать». Часто слышишь: «Как я могу со всем справиться? Сколько мне еще разрываться? Всё должен я!»

Наш старец-игумен рассказывал нам об одной женщине из его села, которая говорила: «У меня еще столько дел не сделано, и я еще не обошла село!»

Как исчезает упование на Бога? Когда мы думаем, что всё должны сделать мы, всё придумать, организовать, чтобы всё было безупречно,

* Иоанн Златоуст, *свт.* Беседы на Первое послание к Коринфянам. Беседа 19. § 1 (Творения. Т. 10. Кн. 1. С. 177–178).

а внутри нас гложет помысел, что всё зависит от нас.

Успокойся, предоставь это Богу! Сделай, что можешь, и имей упование на Бога!

Вырвись из этого, освободись от этой подозрительности, которая возникает из-за отсутствия надежды. Ты начинаешь строить свой брак и вместо того, чтобы строить его в надежде на успех, начинаешь обдумывать вероятности неудачи. Однако это уже ошибка, это уже неудача. Ты кладешь начало, но не учишься тому, что в браке у тебя нет своего: нет ни своего пространства, ни своего времени, и ты сам тоже принадлежишь не себе, а другому человеку.

Это проявляется даже в отношении к ребенку. Мать говорит: «Мой сын!» «Твой» сын, «твоя» дочь, а не «наш ребенок». В особенности если ее сын женится, тогда начинается! Невестка слышит это: «Мой сын!» — и звереет. Ее муж тоже говорит: «Моя мама!» Невестка это слышит, и начинается война. Потому что это «ее» муж, то есть даже она не преодолела

чувство собственности: «Да это мой муж, а значит, не твой сын! Поэтому она не твоя мать!»

И следует еще уйма подобных обидных слов.

Итак, эта приверженность к «моему», «твоему» и чьему бы то ни было — поистине большое искушение в браке, это разрушительный фактор, и преодолевается это через общую собственность, через общее пользование вещами с превозмоганием нашей привязанности к тому, что мы считаем своим, — месту, времени, мнению. Я знаю супругов, которые ругаются из-за футбольной команды. Да. Ругаются из-за политической партии, из-за уймы других вещей, и один не соглашается с другим. Всё это — проявления сребролюбия, этой всеобъемлющей страсти, которая отсекает надежду. Кто отсекает свою надежду на Бога, того охватывает стресс, тот изнуряет себя, переутомляется.

Далее следует сластолюбие. Разумеется, в монашестве с ним борются путем девства и целомудрия, полного воздержания в отношении плоти. В браке с ним тоже надо бороть-

ся — семейный человек не может быть сластолюбивым, потому что сластолюбие разрушает брак. Почему? Потому что сластолюбивый человек смотрит на другого как на объект, а не как на личность. Да, имеется благословение на известную плотскую связь с другим человеком, имеется у нее и определенная цель — рождение детей, но не одно оно. То есть эта связь имеет Божие благословение и благословение Церкви, данное в таинстве Брака.

Но сластолюбие не может быть целью брака. Почему? Потому что не всегда этот сластолюбивый порыв может быть удовлетворен в той степени, в какой кто-то рисует его в своем воображении. У другого человека не всегда может быть соответствующее расположение: он может заболеть, устать, у него может быть другое настроение в данный момент. В браке имеются разные периоды — период беременности или отсутствия одного из супругов, период, когда человек болеет или переживает душевный перелом, да и возраст тоже сказывается. Это все так, не правда ли? Человек взрослеет,

и многое меняется. И если супруг или супруга не научится преодолевать свое сластолюбие, уважать другого человека и смотреть на него как на личность, как на образ Божий, как на Божественный сосуд, как на храм Святого Духа, тогда он будет унижать своего спутника и брачная связь распадется.

Наше предание свидетельствует, насколько это почиталось раньше. Мы видим, как люди были внимательны к тому, чтобы приступить к таинству Брака чистыми и непорочными, у них была, так сказать, известная философия чистоты до брака. Их связь носила священный характер. Сегодня люди опустили до того, что смотрят фильмы с развратными, самыми порочными сценами, копируют их и унижают и себя, и человека, находящегося рядом. Это упраздняет священную связь, которую Бог благословил в браке, уничтожает и основу, на которой должно развиваться истинное общение между двумя людьми.

Те из вас, кто состоит в браке и имеет опыт, знают, что в этом союзе человек, в сущности, стремится сохранить себя как личность и не

может согласиться на то, чтобы превратиться в объект, не выносит этого. Связь должна быть следствием любви между двумя людьми. Связь не самоцель. Блуд потому и является грехом, что в нем нет личностной связи с другим, другой здесь — просто объект для утоления страсти, и больше ничего. Это не что иное, как унижение образа Божия, потому что хотя другой человек делает это и получает вознаграждение, хотя он и делает это, потому что хочет, но он не перестает быть образом Божиим. И ты не должен оскорблять и унижать образ Божий, даже если другой этого не понимает.

Я сказал одним образованным молодым людям, которые, к сожалению, ходили по всяким ночным притонам, где есть танцующие девушки и еще невесть что творится:

— Ну как ты терпишь это — ходить смотреть на этих девочек, как они танцуют голые, обходят столы? Разве тебе не жалко их? Неужели ты такое животное, что даже не чувствуешь жалости к этому человеку, которого видишь перед собой?

Эта девушка может быть какой угодно, — это не важно, какая она. Каков тут ты? Неужели ты не смотришь на нее как на икону Божию, как на человека, чья жизнь превратилась в ад, коль он дошел до того, что вытворяет такие вещи, работая в этом кабаре? Неужели ты не задумываешься хотя бы на миг: что с ней происходит, в каком состоянии душа человека, который дошел до такого?

Отцы Церкви видели подобных людей и рыдали, понимая, в каком затруднении те находятся. Имеется множество примеров того, как подвижники и преподобные шли в притоны, чтобы вывести этих девушек оттуда, потому что не могли смотреть на то, как икона Божия превращается в отребье в руках дьявола.

Есть потрясающие рассказы. Так, святой Иоанн Колов пошел в одно такое место и заплакал, чтобы его впустили, сел на ложе блудницы и заплакал, а она его спросила:

— Почему ты плачешь, авва?

Он ей ответил:

— Что плохого сделал тебе Христос, дитя мое, что ты пришла сюда? В чем ты обвиняешь Христа, что пришла сюда? Вижу сатану в твоём лице. Лицо твоё — Божий образ, а ты превратилась в орудие сатаны*.

Итак, если ты доходишь до того, что не видишь в другом образ Божий, а смотришь на него как на предмет вожеления, тогда ты потерпел поражение. Браки разрушаются именно из-за этого. Почему? Потому что мы вступаем в брак, наученные воспринимать другого не как личность, а как представителя противоположного пола: «мужчина», «женщина», «красивый мужчина», «красивая женщина», и масса всего прочего. Но сколько лет этот мужчина и эта женщина будут вместе? Ну, пусть лет десять–пятнадцать, а потом? Хорошей станет соседка или коллега. Потому

* Древний патерик. Гл. 13 (17). М., 1899. С. 251–252; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Иоанне Колове, 37. М., 1999. С. 216–217.

что целью твоего брака изначально было наслаждение, сластолюбие. Сейчас ты уже привык к лицу супруги, для тебя в нем уже нет той прелести и красоты, какими оно обладало раньше. Если так, тогда ты уже пал. Ты не научился воспринимать другого человека как личность, и поэтому многие люди в браке в данный момент доходят до того, что ссорятся, выгоняют и ненавидят друг друга.

Из того опыта, который у меня есть как у духовного наставника, я говорю вам, что видел супружеские пары, а в особенности жен, которые буквально ненавидят своих мужей, потому что считают их насильниками, животными. Конечно, жены тоже виноваты, так как вначале позволили смотреть на себя таким образом. Надо было сначала поставить его на место и научить относиться к тебе правильно. Но когда человек молод, его отношение ко всему поверхностно и ему нелегко поступать зрело. Однако нельзя всю жизнь оставаться сосудом и вещью другого человека, наступит момент, когда твое «я» восстанет и оттолкнет другого.

Так возникают многие проблемы в отношениях между людьми. В то время как, напротив, если человек целомудрен и смотрит на свою супругу, на спутницу, как на икону Божию, как на сороботницу Божию, как на храм Святого Духа, тогда он понимает, что и эта супружеская, сексуальная связь — благословение, и она — радость, пристань, которую Бог дал, чтобы у него была известная утеха в трудные минуты на семейном пути. Но если ты останешься в пристани и превратишь сексуальную связь в идол, тогда ты погубишь свой брак.

Встречаются люди, которые кладут доброе начало и до глубокой старости по-настоящему влюблены друг в друга в правильном смысле. Уважают друг друга. И один никогда не издевался над другим ни с какой точки зрения — ни с душевной, ни с телесной, потому что кто издевается телесно, тот издевается и душевно над человеком, который таким образом ломается и отвращается от тебя. Человек — это не только тело, но и душа. Очень тяжело смотреть на супругов, которые испытывают полное

отвращение друг к другу, потому что они шли по ошибочному пути. Один хотел таких вещей, которые несуразны, потому что его единственной целью является сластолюбие, а другой по праву или без права его отверг, потому что «он не спрашивает меня, жива ли я, не умерла ли, удобно ли мне, не обижаюсь ли я! Единственное, что его интересует, это секс. Ничего другого. Поэтому я не хочу его. Я его не принимаю, я не могу больше быть вещью для этого человека!».

Это доказывает, что человек не может ограничить свою связь и любовь сластолюбием. Поэтому он должен научиться целомудрию и воздержанию даже в браке. Разумеется, есть периоды, когда люди должны воздерживаться: когда жена беременна, она не может иметь супружеских отношений, когда кто-нибудь болен или у него имеются другие причины, по которым он не может иметь интимную связь. И тут Церковь нас воспитывает: есть период поста, воздержания, когда существует запрет на все это, период, предшествующий браку, цель кото-

рого — принимать другого как личность, а не как плоть. И все это учит тебя жить и воспринимать другого человека целомудренно.

Когда мы начинаем свой путь с целомудрия и воздержания, мы продвигаемся вперед, поскольку наша связь с другим человеком правильная. Тогда любовь Божия поддерживает нашу жизнь, и наши отношения и дела получают священный характер.

Перевела с болгарского Станка Косова

О повиновении в браке

Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие.

1 Пет. 3, 1–2

В Писании часто говорится, что жены должны повиноваться своим мужьям. При сотворении человека Бог создал жену в качестве помощницы мужу, а потом, после падения, жена стала покоряться мужу, потому что первой нарушила заповедь Божию и увлекла за собой Адама. Бог подчиняет жену мужу, и муж уже имеет власть над ней*. В Новом Завете тоже есть известная формула учения о том, что жены должны повиноваться своим мужьям. А мы говорим, что между полами

* См. Быт. 3, 16.

существует равенство. Как же это согласуется со словами святого апостола Петра?

Во-первых, в Священном Писании святой апостол Павел говорит, что *нет ни мужеского пола, ни женского* (Гал. 3, 28). Нет разницы ни между мужчиной и женщиной, ни между варваром и эллином, ни между рабом и свободным, но все мы одинаковы пред Христом. А значит, мы будем исходить из этой основы.

Есть человек, то есть мужчина и женщина. Бог сотворил человека, создал Адама, а потом Еву. У них была общая цель — связь с Богом, и Ева содействовала их общему приведению к Небесному Отцу, Богу. Из Ветхого Завета, где женщина действительно стояла ниже мужчины, мы, поскольку закон Моисеев был переходным этапом, переходим в период Нового Завета, период благодати, где больше нет разницы между мужчиной и женщиной: мы все одинаковы пред Богом, и у нас есть общая цель — спасение и связь с Богом.

Святой апостол Петр называет и причину, по которой надо повиноваться мужьям: не

потому, что жены более слабые или какие-то не такие, а чтобы мужья через поведение своих жен приобретаемы были без увещания, только видя *ваше чистое, богобоязненное житие*, то есть чтобы ты без особой проповеди приобретала своего мужа. Когда жена отдает мужу то, в чем он нуждается как муж, и муж отдает жене то, в чем она нуждается как жена, тогда они взаимно приобретают друг друга, не властвуя над своей половинкой.

Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах (1 Пет. 3, 7). Апостол говорит это мужьям, потому что они, видимо, были недотепами, не понимали, что значит жить с женой, и апостол подчеркивает здесь, какое это великое искусство — жить с женой.

Смейтесь, сколько хотите, мне это не мешает! У кого есть возражения, я готов их выслушать!

Оказывайте честь женскому полу. Видите, что говорит святой апостол Петр? Оказывайте

честь — вот что важно, поскольку он не сказал мужьям чего-то еще, например чтобы они покупали супругам платья или водили по салонам красоты, а именно это.

Посмотрите, равенство, конечно же, существует, и именно Христос внес это равенство между полами и покончил с незавидным положением женщины, которая в Римской империи считалась вещью и принижалась даже греческой философией. Евангелие приходит и возвышает женщину, и нет больше ни мужского, ни женского пола. Все мы делаемся одинаковыми пред Богом, но без того, чтобы исчезало своеобразие полов: мужчина остается мужчиной, а женщина — женщиной, каждый сохраняет своеобразие своего пола и свою психосоматическую индивидуальность.

Потому что, как ни крути, мужчина думает, живет и действует по-своему, у него одна психология и один эмоциональный мир, а у женщины они другие. Ни женщина не может стать мужчиной, ни мужчина женщиной. Не получится этого. Их душевность не может быть изменена.

И Церкви хорошо было бы хоть иногда быть построже в некоторых вопросах, касающихся прежде всего женщин. Именно для того, чтобы удержать женщину в положенных ей рамках, чтобы она функционировала как женщина во всех ипостасях своего существования, а также чтобы психосоматическое единение между мужчиной и женщиной происходило в должных границах и на должных уровнях.

Серьезные травмы в браке возникают из-за того, что мужчина не может понять, как думает женщина. С этим у нас самая большая проблема, потому что мужчины мыслят грубо. Ум у них здесь не работает — мы такие, такими мы созданы, и не Бог тому виной, просто мы грубые.

Мужчина не может даже представить, с какой нежностью должен относиться к супруге, заботиться о ней. И в действительности проблемы в семьях начинаются именно с этого. Муж не знает, как себя вести с женой. Когда хочет завоевать ее, он делается мягким, как коврик, готов, чтобы она топтала его, делается сладким, как мед, и говорит только сладкие

слова. Но это продолжается, самое большое, до свадьбы. А когда влюбленные поженятся, этому приходит конец, и все любезности отбрасываются как ненужный хлам!

Муж говорит:

— Ну что мы теперь станем обсуждать такие вещи? Мы же с тобой столько раз об этом говорили! Давай будем серьезными! Мы же с тобой уже давно стали взрослыми, нарожали детей, я работаю целыми днями, возвращаюсь домой разбитый, неужели у меня появится желание хвалить тебя за вымытый пол, приготовленный торт или новую прическу?

Он не говорит ей ничего такого. Ну ладно, не говорит так не говорит, но только после этого пусть ждет последствий. Он заплатит за свое молчание! Причем дорого. Начнется роптание из-за одного, из-за другого, и даже по мелочам жена будет упрекать мужа:

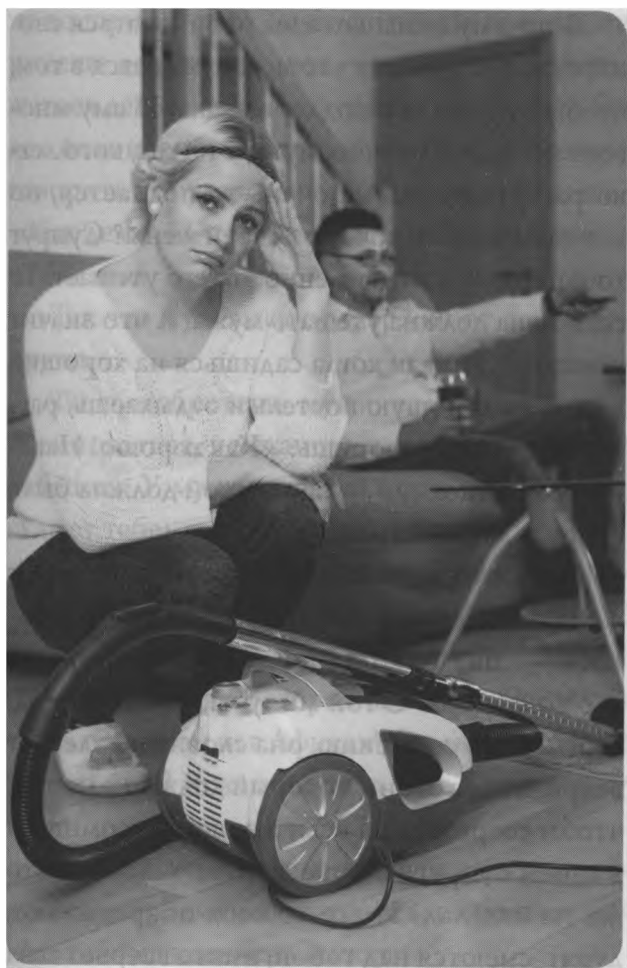
— Ты меня не понимаешь! Я кто тебе: рабыня, слуга? Меня никто не понимает!

И все это будет повторяться без конца, как кассета, которую заело на одном месте.

Ну скажи ты жене пару добрых слов, похвали ее, окажи честь, как говорит святой апостол Петр.

Просто диву даешься апостолам, отцам и подвижникам Церкви: какое знание человека у них было! Ну ладно, святой апостол Петр был женат, может, у него имелся опыт, но ведь святой апостол Павел женат не был. Или подвижники, которые десятилетиями, может, вообще не видели женщин, а в своих творениях с такой ясностью и точностью писали об этих вещах.

Итак, надо сказать себе: «Ну что, дитя мое, ты не знаешь, как вести себя с женой? А тебе не приходит на ум, что надо бы сказать ей одобрительные слова, чтобы все было хорошо? Что надо быть нежным, оказывать жене честь, то есть хвалить ее, обращаться с ней ласково, замечать, что она для тебя делает?» Например, заметить, что варенье, которое она приготовила, отличное, и никогда не хвалить при ней свою маму, сестру, секретаршу, если они у тебя есть, или же соседку. Это все очень важно. Мы шутим, конечно, но это именно так.

А почему жены должны повиноваться своим мужьям? Потому что муж нуждается в том, чтобы супруга его поддерживала. И ему многого не надо. Конечно, муж не из тех, кого легко растрогать, он не очень-то поддается, но все-таки чего он хочет от своей жены? Супруг хочет поддержки, и именно это его утешает. То есть жена должна утешать мужа. А что значит утешать? Это как когда садишься на хороший диван, на хорошую постель и отдыхаешь, расслабляешься и говоришь: «Как хорошо! Наконец-то я отдохну», — вот такой должна быть супруга для своего мужа.

Когда муж приходит домой и говорит жене: «Знаешь, я сегодня сделал то-то и то-то!» — она никогда не должна подвергать это сомнению. С той минуты, как жена подвергнет это сомнению, она словно выплеснет ведро воды в огонь, который должна разжечь, чтобы согреться. И если женщина усомнится в своем супруге и отреагирует так: «Ну что же ты наделал? И все-то тебя обкрадывают, дуруют, смеются над тобой, никто всерьез тебя

не воспринимает! Ты безвольный, слабый, не умеешь делать покупок, не умеешь распоряжаться деньгами!» — то у нее с мужем все будет покончено. Он сникнет и ничего больше говорить не будет. Вернется домой, спросишь: «Как дела?» Ответит: «Хорошо», — и ничего больше.

Так что муж ждет поддержки от своей супруги.

Ты приобретешь мужа, если будешь ему повиноваться, не становясь, конечно же, ему рабыней. У мужа имеется честолюбие. Если скажет тебе:

— Давай свожу тебя на прогулку по Афинам!

А ты ответишь:

— Пресвятая Богородице! Да мы же позавчера только были в Афинах! Сколько мы будем туда ездить? Я же говорила тебе, что не хочу туда!

Если откажешь ему и не покоришься, а начнешь все это ему выговаривать, он больше никуда тебя не поведет. Скажет:

— Ну и сиди тогда взаперти! — или: — Делай что хочешь!

Но ты, если он предложит тебе что-нибудь, ответь: «Хорошо, с удовольствием!» Например, он говорит: «Мне захотелось поесть того-то!» А ты ответь: «С удовольствием приготавливаю тебе это!» Или даже просто молча приготовь. И тогда, поскольку у мужчины имеется честолюбие, ты с легкостью сможешь делать с мужем всё, что захочешь. Это как если бы у тебя был слон, ты привязываешь его за веревочку и ведешь, куда хочешь.

Надо знать, как вести себя с другим человеком. Муж должен знать, как вести себя с женой, так же как и жена с мужем. В этом великое искусство супружества. Кто ему научился, кто нашел себя, кто отринул свой эгоизм и научился вести себя с другим человеком, тот многое приобрел и красиво проживет свою супружескую жизнь. Он будет утешаться духовно и, по словам святого апостола Петра, не будет иметь преткновения в молитвах, то есть благодать Божия будет

обитать в его сердце, и ему нетрудно будет молиться.

Часто женщины приходят к нам и говорят:

— Мне очень тяжело из-за того, что муж не ходит в церковь! — или: — Он неверующий! — или: — Он ругается со мной. Что ему сказать, чтобы пришел в церковь?

Что ему сказать? Да ничего не надо ему говорить, ты сама своим поведением покажи ему, что церковь тебе помогает, что в церкви ты сделалась хорошей супругой, что утешаешь его, уважаешь, чтешь, ценишь, признаешь, вдохновляешь. Ты должна окрылять своего мужа. Когда он маленький, он ждет, что мать будет окрылять его, а сразу после нее ждет этого от жены. Так функционирует психология мужчины. Если сделаешь это, то не надо будет читать ему проповедей. Он постепенно сам придет, полюбит церковь и воцерковится.

Я видел много случаев, когда муж не ходил в церковь, но говорил:

— Моя жена ходит в церковь, исповедуется и стала очень хорошей матерью, хозяйкой. Она такая замечательная!

И видишь, что он этому радуется и хвастает перед другими. А когда ходишь в церковь, но остаешься язвительной, капризной, злобной, гневной, никто с тобой поговорить не может, ты никому не оказываешь снисхождения, ни во что не ставишь мужа, тогда он же не сумасшедший, чтобы прийти в церковь! Не придет он. И скажет тебе:

— А что ты поняла из того, что стала ходить в церковь? Ты же стала еще хуже, чем была!

Сколько таких случаев было! Или же бывают женщины среднего возраста, которые во имя Церкви совершают трагические ошибки. Муж говорит ей:

— Поедем на экскурсию!

А она отвечает:

— Сначала спрошу у своего духовника!

Ну не заслуживает ли она того, чтобы духовник задал ей трепку, образно говоря, Бога ради? Разве можно такое говорить своему мужу?

Или он говорит:

— У тебя есть деньги в банке, дай мне три тысячи лир!

А ты говоришь:

— Подожди, спрошу у духовника, тогда скажу!

Так нельзя. Ты не можешь так разговаривать с ним. Ответь ему нормально и, если есть (серьезная) причина, посоветуйся с духовником. Но изволь правильно относиться к своему мужу.

Или он просит оказать ему какую-нибудь услугу — сделай это, утешь его, не ищи религиозных поводов, чтобы сделать так, как хочешь ты, тогда как Церковь ничему подобному не учит. Знаете, люди часто создают огромные проблемы в браке, прикрываясь Церковью. Даже в супружеских отношениях жена часто, не желая почему-либо иметь связь с мужем, выдвигает тысячи причин:

— Нет, сейчас праздник! Я буду причащаться! Я пощусь! Я буду месить просфоры! Я буду проходить мимо храма!

Тысячи причин. Ну разве это не естественно, если муж вознегодует и отвернется от Церкви? Церковь не говорит ничего подобного, ты все это выдумала. Со своей точки зрения, может, ты и права, но по правилам супружеской жизни ты не имеешь права так поступать.

То же самое касается мужа. Ты не можешь пренебрегать супругой под предлогом благочестия. Ты не можешь не уделять жене внимания из-за того, что, скажем, занимаешься церковью, духовными делами. То есть прийти домой и сказать супруге:

— Знаешь, мы дома не будем разговаривать, чтобы не празднословить!

Вы знаете, что такое «празднословить»? Не говорить лишних слов и сидеть молча. Если бы ты был подвижник, монах — хорошо, поступай так. Но ты у себя дома, и если сделаешь это, потеряешь жену.

Или муж говорит:

— Я не хвалю свою жену, чтобы она не возгордилась!

Ну не хвали ее, тогда сосед ее похвалит, и у тебя будут проблемы. А ты не догадываешься, что ее надо ободрять? Если не похвалишь супругу, как ты ее приобретешь? И как ты вообще мог сказать, что ее охватит гордыня?

Такие поступки свидетельствуют о духовной неуравновешенности, создают огромные проблемы, и это вообще не в духе Христа и Церкви.

Когда мы говорим, чтобы жена покорялась мужу, это должно происходить так, как Христос покорился Своему Отцу: Он покорился не из-за того, что Отец выше Сына, а из любви. Чтобы приобрести другого, я из любви покоряюсь ему.

Когда хочу приобрести кого-нибудь и он мне говорит: «Ты не дашь мне ручку?» — я отвечаю: «Конечно, возьми! Я тебе целых две дам!»

Потому что хочу стяжать его любовь, а не потому что я его раб. Или он спрашивает меня: «Ты не окажешь мне одну услугу?» Одно дело — ответить: «Ну хорошо, окажу, но

БРАК — АД ИЛИ РАЙ?

только сначала подумаю», — и совсем другое дело — сказать: «С радостью! С удовольствием!» Это и есть то повиновение, о котором говорит апостол.

Перевела с болгарского Станка Косова

Не может быть брака с условиями

Святитель Иоанн Златоуст учит, что надо взвешивать свои слова и не ругать всё время детей. А святой Иоанн Лествичник, обращаясь к духовному пастырю, говорит: «Не порицай так часто других, чтобы не привыкнуть к порицанию и не дойти потом до презрения». Когда ты постоянно диктуешь другому: «Сделай одно, сделай другое! Не делай того, не делай этого!» — то в какой-то момент это начинает переходить всякие границы, и он перестает обращать на тебя внимание. «Да пусть говорит себе сколько хочет!» — вот как он на это реагирует. Поэтому

надо помнить, что у душевного мира человека есть границы.

Заповедь не убий распространяется также и на наш душевный мир. В супружеской жизни к возникновению проблем приводит не только произнесение горьких и тяжелых слов, нанесение обиды другому, но и отсутствие добрых слов, которые надо сказать. Нельзя просто говорить: «Да я же ее не обижаю! Я ее не унижаю! Не оскорбляю ее! Не бью!» Да, может, ты и не бьешь свою жену, не ругаешь ее, не обижаешь, не говоришь плохих слов, но, с другой стороны, и доброго слова она от тебя тоже не слышит. Ты ее не похвалишь, чтобы она чуточку порадовалась.

Это похоже на то, что у тебя есть растение, о котором ты говоришь: «Да не вырывал я его с корнем!» Да, конечно, но только ты его однажды не полил. Оставил на Божию милость. Сколько выдержит. А оно высохло и превратилось в кактус. Существует и такая возможность. Если не поливать дерево, цветок, то они становятся похожими на кактус,

то есть колючими, и потом попробуй прикоснись к ним!

К сожалению, так происходит и в супружеской жизни. Если ты не заботаешься о своей супруге, не даешь ей того, в чем она нуждается, тогда эти свежие листочки, эти замечательные плоды и цветы превратятся в шипы, потому что как кактус переносит засуху, так и она вынуждена будет стать кактусом, чтобы ей можно было тебя выдержать.

Ты, может, и хороший человек, но только не передаешь ей жизни. А это очень важно и велико — научиться передавать другому человеку кислород. И это важно не только в семейной жизни. Вспоминаю одного великого святого, который говорил так:

— Когда такой-то человек заходит в мою келью, он как рукой снимает с меня усталость.

Я спросил его:

— А почему он, геронда, снимает с тебя усталость?

— Потому что, когда придет сюда, обязательно скажет доброе слово: посмотри, мол,

как тут хорошо! А другой придет и говорит: «Ой, как приду в эту Катунакию, здесь ведь одни скалы. Как вы тут только выдерживаете?» И мало того что тут действительно сплошные скалы, сущее мучение, так еще и он приходит, чтобы сказать тебе это и навеять тоску! А первый приходит и говорит: «Как же хорошо в этой Катунакии! Климат сухой, кругом одни скалы, ничего не видать, разве каких-нибудь перепелок или змей, но как же тут хорошо!» И ты вздохнешь и скажешь себе: «Слава Богу! Какое счастье, что мы здесь, в Катунакии, а не где-нибудь еще!»

Помню, как один такой недовольный монах однажды посетил старца Ефрема. Пришел из Карей, где много растительности, воды и т. д., а в Катунакии ведь экономишь воду до последней капельки. Когда моешь руки, то под умывальник поставлено ведро, чтобы собирать воду, а использовать потом ее для полива или чего-нибудь еще.

И этот монах, который в Карее мог купаться в воде, пришел и говорит:

— Как вы тут выдерживаете без воды?

— А здесь жизнь такая.

Вместо того чтобы сказать: «У нас в Карее от влажности просто задыхаешься. А у вас здесь, к счастью, ровно столько воды, сколько вам нужно...»

Это как пойти в дом, где родители потеряли ребенка, и с депрессивным выражением лица, худшим, чем у родителей, начать плакать и рыдать:

— Какое же горе с вами стряслось! Какой удар! Никому этого не пожелаешь!

И мало того, так можно еще и начать распространяться:

— Ой, какое же счастье, что сыночек звонит мне! Он в Англии, с ним всё нормально. Сдает сейчас экзамены, через месяц женится, а потом вернется сюда, вот мы и готовимся!

А человек потерял ребенка и плачет по нему. Это верх бесчувствия! Как говорится в одной поговорке, в доме повешенного о веревке не говорят.

Вспоминаю свою бабушку. Когда дедушка умер, ей надо было пойти в дом старшей дво-

юродной сестры дедушки, Феогносии, которая его очень любила. И бабушку предупредили:

— Если придешь сюда, то знай, что у Феогносии проблемы с сердцем, смотри не проговорись, что твой муж умер, а то услышит и тут же отдаст Богу душу.

— Да нет же, чтобы я сказала такое! — ответила моя бабушка.

Вошла в дом, а Феогносия ее и спрашивает:

— А почему ты в черном, Панайота?

— Да так, умерла одна моя дальняя родственница.

— Да... А что делает Никос?

— С ним всё хорошо.

Вскоре моя милая бабушка заговорила о чем-то, однако вспомнила о дедушке и сказала:

— Да, а вот мой блаженно почивший супруг...

Бедная Феогносия услышала это и через несколько минут была уже в больнице.

Нам надо быть чуткими, надо научиться быть осторожными, чтобы не убить человека

и то хорошее, что в нем есть. Он приходит и ждет, чтобы ты сказал ему что-то, или сам тебе хочет что-то сказать и надеется, что ты ему улыбнешься. И если не ответишь ему как надо, то убьешь в нем этот настрой. Поэтому нам надо быть внимательными, чуткими и, когда к нам подойдет другой, применять это искусство и не говорить самим, а слушать собеседника.

Когда другой человек приходит, чтобы мы его выслушали, то надо понять, чего он хочет от нас и чего ждет. Искусство состоит в том, чтобы научиться улавливать чувства другого, а это начинается с того, чтобы научиться его выслушивать. Когда он к тебе приходит, приглуши свой ум, чтобы внутри у тебя не гремела твоя кассета, приостанови свои мысли и откройся для него, чтобы принять то, что у него внутри. Как говорит святой апостол Павел, *радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими* (Рим. 12, 15). Тогда ты действительно передаешь жизненную силу другому: ты сам жив и его оживляешь.

Человек, достигший этого, куда его ни поставь, будет как бальзам, как приятный аромат. Ведь ароматная вещь благоухает, куда ее ни помести, и ты говоришь, например: «Как прекрасно пахнет этот цветок!» Он приятен. Так и этот человек создает вокруг себя приятную атмосферу. Таков человек, научившийся ценить другого, оживлять его своими хорошими словами, добрым отношением, мягким присутствием, вежливым обхождением. Особенно это важно в супружеской жизни и с детьми, в этих двух основных пространствах, в которых мы все призваны играть значительную роль.

Святой Никодим Святогорец замечательно описывает, как духовник должен во время исповеди создавать такую атмосферу, чтобы помочь другому оживиться, раскрыть свое сердце, а не смотреть на часы то и дело или иронизировать над исповедующимся. Это важно, какую атмосферу ты создашь для другого, и поэтому нам надо научиться этому искусству.

Его секрет в том, чтобы научиться избавляться от своей мелочности. Смирение

освобождает человека, а это значит, что ты выходишь из своих предрассудков, восприятий, мнений, позиций, из «но это же мои принципы!». Этого не должно в вас оставаться.

Завтра, когда вы вступите в брак, не вдавайтесь в соблазн навязывать супругу свои принципы, идеалы и предрассудки. Брак, в основе которого лежит любовь, не может иметь границ. Любой предрассудок и принцип — это граница, а в любви невозможно иметь границ. Любовь без-границна. Любовь, у которой есть границы, — это не любовь. Потому что когда любовь доходит до границ, чем становится? Ненавистью? Тогда что это за любовь?

Любовь не знает границ. Она никогда не кончается, не изменяется, не преобразуется. Святой апостол Павел говорит, что любовь не мыслит зла, не ищет своего, любовь никогда не может измениться*. Как Бог неизменен в Своей любви ко всем без исключения.

* См. 1 Кор. 13, 5.

В браке человеком движет эта любовь, которая основывается на превозмогании своего эгоизма и индивидуализма. Ведь даже наши принципы могут быть выражением эгоизма. К примеру, кто-нибудь говорит:

— Я унаследовал такие принципы, по которым жена должна меня уважать. Не говорить обо мне плохого. Не обманывать.

Да, у тебя хорошие принципы, но только любовь выше этого. У тебя не может быть любви до каких-то границ, на заранее заданных условиях, ты не можешь любить при каких-то условиях.

Помню, как один человек пришел с намерением стать монахом и говорит:

— Я хочу стать монахом, но только чтобы я один раз в год звонил домой, раз в год ездил проведать своих...

Старец сказал ему:

— Послушай, дитя мое, монашества на каких-то условиях не бывает.

Как не может быть и брака на условиях. Не совершайте этой ошибки, когда соберетесь

жениться. Не делайте этих трагикомических ляпов, ставя условия в браке:

— Ну что, мы поженимся?

— Да!

— А сколько детей родим? Трех, двух с половиной или двух?

Но как вы можете говорить такие слова, дети, и заключать подобные соглашения еще до того, как поженитесь? Или где вы будете жить, кто будет хранить деньги, будет ли у каждого свой счет, будет ли у вашей жены мобильный телефон...

Нет, не так! Любовь не имеет границ, брак невозможно заключать по предварительным договоренностям. Ты сначала загляни в себя: «А люблю ли я этого человека, любит ли он меня? Готов ли я умереть за него?» — и тогда мы с тобой пойдем вперед, а потом уже будем смотреть на остальное. В противном случае мы потом говорим:

— А-а-а! Ну я же говорил тебе, что, когда поженимся, у нас будет трое детей, а ты мне родила только двоих!

Ну не может она родить третьего, дитя мое! Что же теперь, убить ее за это? Она не может родить третьего. Неужели из-за этого надо разрывать брак?

Или он говорит:

— Я женился потому, что хочу иметь детей! А поскольку ты не можешь мне родить, то я с тобой разведусь!

Слышим мы такие вещи в митрополии. И говоришь ему:

— Дитя мое, ты проиграл еще до того, как женился! Ну разве ты женишься на машине по производству детей? Вот, твоя жена не может родить, так неужели это значит, что ты ее больше не любишь? Тогда купи себе машину! Есть такие инкубаторные машины, в которых вылупляются цыплята из яиц. Вместо того чтобы наседка сидела на них, как было в прошлом, теперь в эту машину закладывают яйца, а она выдает цыплят. Ну, когда-нибудь, может, и с людьми будут делать такое...

А что в этом странного, если уже бывают дети из пробирки? Тогда женись себе на

БРАК — АД ИЛИ РАЙ?

пробирке, и пусть рождает тебе детей сколько хочешь! Зачем кормить жену, которая еще и будет пилить тебя день и ночь?

Всё это несерьезно. Мы должны исходить из других предпосылок. Будем любить свою супругу независимо от того, рождает она детей или нет. И если не рождает, это вовсе не значит, что мы перестанем ее любить...

Перевела с болгарского Станка Косова

Брак — ад или рай?

Наконец будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры.

1 Пет. 3, 8

Жена должна научиться искусству быть дружелюбной к своему мужу, чтобы он смотрел на нее и радовался. Девушкам и женщинам нужно следить за собой, потому что на деле происходит так, что в супружеской жизни один чутко ощущает, что испытывает другой, а у женщин более отчетливо, чем у мужчин, написано на лице, что у них в душе.

Например, она печальна и угрюма, и ты спрашиваешь ее:

- С тобой что-то не так?
- Нет, всё хорошо.

— У тебя неприятности?

— Да нет же, у меня всё в порядке!

— Ты устала?

— Нет, у меня всё нормально!

Но по тебе же видно! Ты же выдаешь наружу то, что у тебя внутри.

Так функционирует мужская психология, и поэтому желательно, чтобы жена улыбалась и была дружелюбной, а не хмурой и депрессивной, потому что, видя ее такой, муж начинает нервничать. Его охватывает такое чувство, что он должен что-нибудь сделать, и он становится подобным льву, запертому в клетке.

Жена должна научиться доставлять ему эту радость. А не так, что муж возвращается с работы, входит в дверь, а жена с порога начинает вываливать ему свои проблемы. Это ошибка!

Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином. Вы — дети ее, если делаете добро и не смущаетесь ни от какого страха (1 Пет. 3, 6).

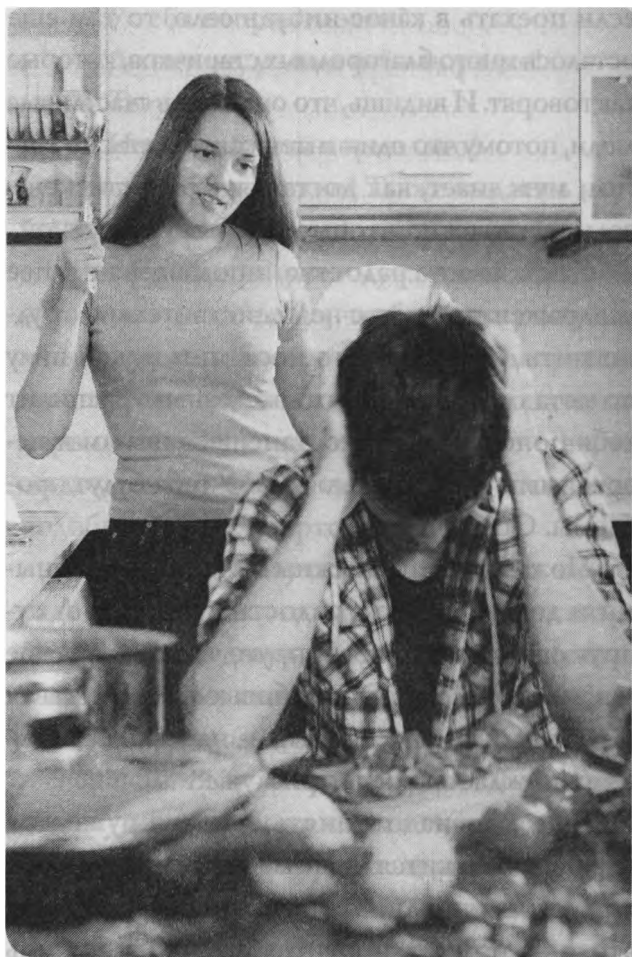
Так было и на Кипре до недавнего времени, правда ведь? Муж говорил: «Это моя госпожа», — а жена: «Это мой господин!» И сейчас

если поехать в какое-нибудь село, то там еще осталось много благородных старичков, которые так говорят. И видишь, что они очень счастливые люди, потому что один знает, как общаться с другим; муж знает, как доставлять радость жене, ведь очень важно, чтобы жена была радостной.

Когда она не радостна, а подавлена и у нее раздраженный вид, с ней действительно трудно жить. Она как будто носит под полой пилу по металлу, и будь ты хоть железным, распилит тебя пополам! Ты не останешься целым и невредимым — это исключено! У тебя будут проблемы. Обязательно.

Поэтому жены должны быть дружелюбными и доставлять эту радость супругам. А супруг оказывает своей супруге честь, одаряя ее похвалой, нежностью, любовью, теплом, давая ей ощущение надежности — наделяя ее всем, в чем нуждается жена при муже.

Еще нам надо понять, что супружеская жизнь не держится на интимных отношениях, они составляют лишь малую ее часть. Если муж этого не поймет, появится еще одна болезнь

в браке. Им обоим надо понять это до брака. Поэтому Церковь решительно не принимает добрачных связей, чтобы муж и жена могли научиться уважать друг друга как личности, а не видеть в другом просто представителя противоположного пола.

Добрачные связи разрушают брак. Недавно я читал, что даже в западных странах (цивилизованных, как принято говорить), где имеется полная свобода по этим вопросам, люди открыли, что сохранить себя чистыми и непорочными до брака — главная предпосылка успешности семейной жизни, потому что тогда брак действительно обретает смысл, сакральность и создаются условия для полного взаимного уважения. Именно тогда брак становится настоящим таинством. В противном случае всё бывает затоптано до брака, и он превращается в обычное повторение чего-то, что они уже проделывали сотни раз, и поэтому не видят существенного смысла в браке.

Сам Бог говорит, что, когда человек вступает в брак, он должен оставить своего отца

и мать, прилепиться к жене своей, и оба они будут одной плотью*. Ты, разумеется, считаешь своих родителей, но это почитание продолжается до брака, а потом в твою жизнь входит другое лицо, уже являющееся твоей женой. И ты оставляешь своих отца и мать, что, конечно же, не означает, что ты становишься к ним безразличным, просто тебе всегда надо иметь в виду, что ты должен прилепиться к своей жене.

И Писание это говорит главным образом мужу. То есть муж более всего должен оставить отца и мать, потому что если он возьмет их с собой, то потерпит поражение. Брак его не будет успешным. Тогда как родители невесты, что бы там ни было, всё же иногда помогают, смотрят за детьми и т. д. Но не думаю, чтобы две хозяйки смогли ужиться в одном доме, потому что в таком случае одной из них пришлось бы стать великой святой!

Мы оказываем честь всем: как своим родителям, так и родителям супруги, которые тоже

* См. Быт. 2, 24; Еф. 5, 31.

доводятся нам родителями. Но только факт тот, что эта честь должна включать изрядную долю рассудительности, потому что связь между супругами не должна расшатываться из-за вмешательства родителей. Что бы ни было, но связь в браке должна сохраняться в неприкосновенности ценой любых жертв, и только если для нее не будет риска, тогда мы можем обратить внимание и на своих родителей.

Когда налицо здоровая связь между супругами, когда муж и жена любят друг друга и тесно между собой связаны, тогда не бывает проблем с их родителями, то есть когда муж любит и уважает родителей жены, поскольку любит ее, а она любит его, поскольку знает, уверена и имеет подтверждения, что муж любит ее больше всего другого. Она начнет ворчать, только когда заподозрит, что муж поддается влиянию своей матери или, как бы это сказать, тайком отдал часть своего сердца матери и она еще имеет над ним власть. Тогда жена найдет тысячу поводов, чтобы упрекнуть в чем-нибудь свекровь.

И если ты часто навещаешь свою мать (а ты, по сути, ходишь к ней раз в год), то жена скажет тебе: «Да ты только вчера был там!» — или: «Твоя мать звонила по телефону и спросила: “А где мой сын?”»

Когда супруга полностью уверена, что муж целиком принадлежит ей, всей душой и телом, тогда, думаю, проблем не возникает. Проблемы появляются с того момента, когда супруги перестают быть связанными между собой неразрывно, то есть они уже не так сильно соединены и где-то произошла «течь» или «пробоина». А когда супружеская жизнь здоровая, когда супруги соединены и любят друг друга, тогда не бывает таких трудностей. Они появляются потому, что нет единства, которое для супружеской связи является обязательным.

Святой апостол очень высоко ценит брак и брачную связь. Глядя на свою жену, ты учишься смотреть на нее как на человека, с которым вы будете сонаследниками Царства Божия. Когда наша молитва встречает препятствия? Когда нас угрызает совесть. Когда совесть говорит

нам, что то, что мы сделали, нехорошо, и у нас есть что-то против нашего брата, тогда мы не можем молиться, потому что не имеем дерзновения к Богу. Дерзновение имеет человек, чья совесть ясно свидетельствует ему, что он сделал все что мог. Поэтому очень важно смотреть на другого человека как на сонаследника Царства Божия, а на брак — как на общий подвиг, мы именно потому и живем вместе, чтобы вместе подвизаться и вместе войти в Царство Божие.

Мы женимся не для того, чтобы жить припеваючи, завести детей, дом, нет, главный смысл — вместе войти в Царство Божие, а это значит, что я готов в любой момент заплатить какую угодно цену, принести любую жертву и перенести какую угодно трудность в браке. Поэтому нельзя расставаться с супругом при первом же появившемся затруднении или даже если затруднение продолжается — брак надо сохранять.

Скажешь: «Да сейчас ведь браки расторгают!» Да, расторгают. Но взаимная связь строится и крепится на совместном шествовании супругов к Царству Небесному. А это значит,

что один должен поддерживать другого, и оба они будут вместе продвигаться вперед к Царству Божию.

Очень важно, чтобы супруги научились вместе молиться. Поэтому не избегайте общей молитвы! Хотя бы две минуты, но встаньте оба пред Богом и помолитесь вдвоем. И увидите, что те, кто будут вместе молиться каждый день, никогда не почувствуют проблем. Почему? Потому что наступит час молитвы, который все проблемы рассеет.

Сегодня, например, мы поссорились. Но вечером тем не менее мы пойдем, чтобы молиться вместе. Что поделаешь? Один из своего угла, другой из своего, но мы придем, чтобы вместе предстать пред Богом. Мы сделаем подобное тому, о чем упоминается в «Патерике». Там рассказывается, что один авва пришел к другому и сказал:

— Геронда, мой собрат сильно огорчил меня, и я не могу его простить. Не могу!

— Ну хорошо! Тогда иди сюда, давай помолимся! — ответил старец и стал молиться: —

Отче наш, Иже еси на небесех. Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и не прощай нам долгов наших, как и мы не прощаем должникам нашим.

Первый авва стал возражать:

— Нет, отче, это ошибка! Мы говорим: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»!

— Но ты ведь его не прощаешь! Как же Бог простит тебя? Итак, «очень молим Тя, Христе: не прощай нам грехов наших, как и мы, соответственно, не прощаем грехов другого...»

Когда пойдешь помолиться Богу, ты там смиришься. Помолишься вместе с супругой, и наступит первое умягчение, рана затянется и образуется мост.

Это еще благотворнее действует в случае с детьми. Очень спасительно, чтобы дети видели своих родителей молящимися вместе. Я знаю много семей, в которых молятся все вместе. Что тут скажешь? Верю, что в этих детях запечатлеваются самые хорошие образы, когда они видят

своего отца и мать опускающимися на колени, чтобы помолиться. Думаете, эта картина когда-нибудь изгладится из их памяти? Никогда. И ребенок так начнет ценить своих родителей, так сильно их полюбит и будет почитать, что эта картина будет его самым мощным оружием, даже когда родитель не сможет дать ему никакого совета.

Доказано, что дом, в котором люди молятся, очень сплочен. Особенно если мы научимся, как водится в Церкви, вечером, перед тем как помолиться и лечь спать, просить прощения друг у друга, то есть говорить: «Прости, я сделал ошибку!» — и после этого отправиться ко сну. Ну, этот дом уже и не дом, а просто небо, это действительно всё самое лучшее, что может быть, рай! Когда же начинается раздор, дом превращается в ад, и это страшно.

И не думайте, будто дети не понимают этого: у них колоссальная интуиция. Вспомните себя, когда вы были детьми, или, если у вас есть дети, понаблюдайте за ними. А я вижу трех-четырёхлетних детей, как они сопровождают

родителей на исповедь. И дети эти понимают, когда мать и отец между собой не ладят. Внешне родители, может, ничего и не демонстрируют, не спорят в присутствии ребенка, но он все равно чувствует, что у них проблема. Поэтому ответственность на родителей ложится огромная. Мы-то с вами уже большие, даже если и поругаемся, у нас может не возникнуть психологических проблем, но дети очень чувствительны, и они получают из-за этого серьезные травмы.

Поэтому очень важно, чтобы родители научились молиться вместе. Дети, которые рождаются в таких духовных состояниях, то есть после молитв супругов, имеют все предпосылки для полной гармонии своего духовного мира. В Ветхом Завете упоминается замечательный эпизод в случае с Товией и его невестой. Когда они поженились и вечером отправились в свою комнату, то, прежде чем делать что бы то ни было, встали на колени и помолились Богу так: «Боже мой! Благослови эту нашу связь и единение и дай нам благословенное дитя, благословен

плод, и сохрани нас во все дни наши, чтобы мы были благоугодны пред Тобою»*.

Понимаете, какие дети рождаются при этих предпосылках и какой будет эта семья? А когда дети рождаются при самых плохих предпосылках: в грехах, страстях, сластолюбии и копировании срамных дел, то вы понимаете, что из этого получится.

И это говорю не я один вместе с Церковью, но и психология. Сегодня есть целая наука пси-

* Дословно: *Когда они остались в комнате вдвоем, Товия встал с постели и сказал: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловал нас. И начал Товия говорить: благословен Ты, Боже отцов наших, и благословенно имя Твое святое и славное во веки! Да благословляют Тебя небеса и все творения Твои! Ты сотворил Адама и дал ему помощницу Еву, подпорою — жену его. От них произошел род человеческий. Ты сказал: нехорошо быть человеку одному, сотворим помощника, подобного ему. И ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине как жену: благоволи же помиловать меня, и дай мне состариться с нею! И она сказала с ним: аминь. И оба спокойно спали в эту ночь (Тов. 8, 4–9).*

хология эмбриона, учащая о том, как важен момент, когда женщина зачинает в утробе ребенка, который несет в себе с этого момента генетический код.

Старец Порфирий всегда говорил об этом, это записано в его «Словах». Он советовал супругам иметь очень гармоничные отношения перед тем, как зачинать своих детей, потому что тогда ты содействуешь приходу человека в мир. Осознаёшь ли ты, что становишься соратником Бога, содействующим тому, чтобы на этот свет появился человек? Ведь ты родишь не какого-нибудь зверя, не какую-нибудь мебель, а целого человека, ради которого Сам Бог стал Человеком.

А этот священный акт супружеской жизни превратился в разврат, на нем делают рекламу и видео, которое продают. Самый священный акт сотворения человека превратился в отвратительное зрелище, которое может совершаться где попало...

Перевела с болгарского Станка Косова

Кораблекрушение в гавани

Брак — это, конечно же, великое путешествие. Человек ставит перед собой Бога, берет другого человека себе в спутники, любит его, соединяется с ним, и они живут вместе всю жизнь.

В этом путешествии им встречается много всего: большие радости, большие скорби, периоды мира, а также периоды смятения и запутанности. К сожалению, в нашей стране в последние годы наблюдается серьезная проблема — распад семьи: каждый третий брак у нас распадается, а это значит, что мы переживаем кризис. Нам, как духовникам, прихо-

дится рассматривать эти случаи, по меньшей мере большинство из них.

Заранее оговоримся, что, конечно, ни один брак не распадается по злому умыслу супругов: они неплохие люди, зла не хотят ни семье, ни ребенку, не хотят проходить через боль расставания, но, к сожалению, часто оказываются перед дилеммой выбора одного из двух зол. И меньшим злом оказывается развод.

Глядя на истории этих людей с их семьями и анализируя их, прихожу к убеждению, что наибольшую опасность скрывает не открытое море, а пристань. Почему? Потому что когда ты в открытом море, ты бодрствуешь, все время что-то делаешь, бдишь и прилагаешь усилия. Когда трудно, ты всегда бодрствуешь. А когдаходишь в пристань и видишь, что все в порядке, ты начинаешь принимать все как должное, и тогда может начаться кораблекрушение, а ты этого и не почувствуешь.

Отцы Церкви боялись пристаней. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Бойся утонуть в пристани». Потому что утопания в пристани

неожиданны и резки и спастись бывает трудно, поскольку все спят и никто не понимает, что в любой момент может произойти кораблекрушение. Приведу простой пример.

Сколько семей начинали жить прекрасно, первые десять лет так старались, чтобы завести детей, вырастить их, поставить на ноги, построить хороший дом, купить хорошую машину. И вот завели они детей, построили дом, но как только вошли в него и сказали: «Слава Богу, мы наконец в своем доме!» — тут же началось распадение брака. И спрашиваешь себя: «Так стараться, приложить столько труда — чтобы в итоге сейчас все распалось? Почему так бывает?»

Потому что в браке человеку угрожает колоссальный враг (как и в духовной жизни), который называется небрежением, нерадением, забвением. Человек забывает, что в браке у него все равно что появился цветок в горшочке, и надо постоянно заботиться о нем, поливать. И если будешь поливать его чрезмерно, он сгниет, а если мало, засохнет, поэтому надо быть внимательным: давать ему все необходимое,

полезное, сбалансированное, здоровое, чтобы он мог оставаться свежим и цвести.

В нашей стране семьи и отношения между любящими реально бичует то, что они забывают, что даже в пристани во что бы то ни стало надо оставаться бдительными и приносить себя в жертву ради другого: муж должен постоянно жертвовать собой ради супруги, а она — ради него, необходимо давать другому то, в чем он реально нуждается. А если мы в пристани начнем заниматься чем-нибудь другим, даже детьми, они невольно будут содействовать распадению связи между родителями.

Это так, потому что когда супруг (это минус для мужчин, и да простят они меня) испытывает большую радость от появления детей, он начинает в какой-то момент отдавать им всю свою любовь, заботу и нежность, забывая, что эти дети произошли от матери, и прежде всего на нее ему надо обращать внимание, а уже потом на детей.

Однако, разумеется, ни одна мать не признает этого. Если ей сказать, что проблема кроется в этом, она не согласится:

— Нет, что вы, я люблю детей, они для меня важнее всего!

Так чувствует ее материнское сердце. Но наряду с материнским чувством не перестает существовать и женская природа, ищущая своего, ждущая от супруга заботы, нежности, понимания, привязанности, любви, которой она вдохновлялась бы, чтобы идти вперед в правильном направлении, неся великий подвиг ухода за детьми и прочие заботы по дому.

Часто, когда к нам приходят люди с трудностями, им кажется, что их трудность возникла вдруг, как гром среди ясного неба. И спрашиваешь мужчину:

— Почему это произошло?

А он отвечает:

— Но как это возможно? Я же честный человек! Работаю целыми днями, все деньги несую домой. У них ведь есть все, что нужно, я ничем их не обидел. Работаю на двух работах, даже на трех, чтобы покрыть нужды семьи, у меня нет никаких связей на стороне!

И вдруг он чувствует, что семья распадается, а он и понятия не имеет почему. Мы действительно много раз наблюдали, что это случается, как я сказал, как гром среди ясного неба, как если бы человек спал и вдруг проснулся и увидел, что огонь охватил уже весь дом. Но такое не происходит за ночь. А он этого не понял и не заметил, что зло началось намного раньше.

Распадение связи между людьми, болезнь и микроб вошли в нее намного раньше, они постепенно возрастали, а человек видит только результат. Он этого не почувствовал, потому что именно в пристани, там, где, как он думал, все в порядке, к сожалению, и действовало много микробов. Но это не заставило его встрепенуться, подумать: «А может, что-нибудь не так в наших супружеских отношениях?» — ведь он считал, что того, что он делает, достаточно, чтобы сохранить эту связь живой.

Итак, пристань представляет опасность для отношений между супругами и для отношений между родителями и детьми. Мы часто видим матерей и отцов, которые внезапно

обнаруживают, что у их детей имеются серьезные проблемы (не важно какие: психические, психологические, социальные, личные) или что они совершили крупные ошибки, и родители начинают сокрушаться:

— Ну как же так? Он же был таким хорошим! Почему мой ребенок принимает наркотики?

Почему он делает это, делает то? Да потому, что, сидя в пристани, родитель думал, что все в порядке, все замечательно и ничего особого не происходит. У него не было благой тревоги о том, чем живет его ребенок. А хуже всего, что он убеждал себя: «Я делаю все лучшее для детей, я хороший родитель, не отказываю им ни в чем. Значит, у нас не начнется то, что творится в других семьях». И мы часто слышим:

— Я этого не ожидал! Чтобы мой ребенок сделал такое?! Чтобы это произошло со мной? Да никогда в жизни!

А это наша ошибка, что мы такого не ждали никогда в жизни. Потому что, к сожалению, пристань убаюкала нас. Мы легли и уснули

в своих заблуждениях, будто все у нас хорошо: «Я все делаю отлично и даю им все, что нужно, значит, все будет благополучно». И ни разу-то я не встревожился, не засомневался в себе и своих делах. Не спросил себя: «Ну ладно, а другие дети, с которыми творится все это, разве они хуже моих?» Нет. Мы уверены, что с нами ничего плохого не случится.

Надо иметь благое беспокойство, как говорил старец Паисий. Он всегда говорил об этом — не о стрессовом и нездоровом беспокойстве, а о благом, тихом, хладнокровном, полном упования на Бога, но и благого сомнения в своих возможностях тоже. О беспокойстве не как комплексе неполноценности, а таком, о котором говорили святые. Мы люди. Наши дела запечатаны человеческим несовершенством. Думаем, что делаем добро, но добро ли это? И настолько ли оно добро, насколько нужно? Так ли все на самом деле, как мы думаем и как хотим? Этого мы не знаем.

Если у нас имеется благое беспокойство, мы всегда готовы выслушать другого, исследовать,

посмотреть, действительно ли все так, как мы полагаем. Это факт, что человек не относится к тому, что делает, с благим беспокойством, — если только у него нет психологических проблем или стресса. А это признак эгоизма, потому что он думает, что контролирует все, что у него все в порядке, что он делает все в лучшем виде и поэтому не нуждается в том, чтобы у кого-нибудь спрашивать или самому исследовать то, что он делает, чтобы посмотреть, что на самом деле выходит.

В духовной жизни это, однако, губительно, и отцы называют это началом прелести, когда ты считаешь, что все хорошо и не надо проверять того, что ты делаешь. А как смотрел на это святой апостол Павел? Он был величайшим апостолом, призванным к христианству не через проповедь другого апостола, а Самим Христом, ведь Сам Христос являлся ему и получал. Несмотря на это, он говорил так:

Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но

через откровение Иисуса Христа. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, — я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать (Гал. 1, 11–18). Чтобы рассказать ему все, что я видел, дабы не совершить какую-нибудь ошибку. Чтобы мой путь и борьба не оказались напрасными.

Богоносный апостол, имевший уверение от Самого Христа в своих миссии, проповеди и пути, не удовольствовался этим, а пошел искать святого апостола Петра, чтобы спросить:

«А хорошо ли я поступаю? Это ли я должен делать?»

Думаю, это сказано для всех нас, чтобы мы заимели благое беспокойство о своих семьях, своих домах и не пребывали самодостаточными в таких серьезных вопросах. Так кого же нам спросить? Не соседа, конечно же: не надо спрашивать у себя в квартале, хорошие ли мы люди. Да и что могут сказать нам соседи?

— Да, вы хорошие люди!

А если они не скажут нам этого, мы и здороваться с ними перестанем. Если же кто-нибудь скажет о нас правду, мы возмутимся:

— Ну как же ему не стыдно говорить обо мне такое! Да он мне просто завидует!

Так кого же нам спросить? А спросим свою супругу, детей. Французская поговорка гласит: «Если хочешь узнать, святой ли ты, спроси у своего слуги». Он единственный, кто скажет тебе, святой ли ты. Или спросите свою помощницу по дому. Спросите у нее:

— Скажи мне, дорогая сестра, я святой человек?

Чтобы она высказала о тебе всё... Так кого же нам спросить в своей семье? Только не надо спрашивать так:

— А скажи мне, возлюбленная супруга, хорош ли я как супруг?

Хотя ладно, можно и так, почему бы нет? Но только думаю, что в браке надо научиться великому искусству слышать послание, которое шлет нам другой. Ребенок может не говорить нам в лоб о своих проблемах, но будет слать нам тысячу посланий в час — не СМС, а своим поведением, выходками, молчанием и бунтом против нас.

То же самое и с женой. У нее может не хватить дерзновения и смелости заявить мужу в лицо, мол, «у меня против тебя такая-то жалоба». Но мы должны быть готовы выслушать ее, чтобы она сказала нам все, что хочет, своим поведением или выражением лица.

Нам надо научиться этому великому искусству — понимать другого, слышать его. А кто слышит другого? Тот, кто молчит. Кто перестает говорить, перестает выкладывать свои аргу-

менты и т. д., то есть кто сам замолкает, чтобы говорил другой. К сожалению, у нас имеется эта огромная проблема. Мы не учимся слушать других людей, потому что не нуждаемся в том, чтобы их слышать.

Знаете, как часто ко мне приходят молодые люди с большими проблемами, связанными с наркотиками? Родители приводят их. И родитель знает, что у его ребенка проблема, поскольку сам его привел. Но начинает диктовать нам и утверждать, что никакой у него проблемы нет:

— Да ничего у него нет! Просто принял немного наркотиков! Да и принимал он их не потому, чтобы у него была проблема, а просто так, в шутку, для прикола.

Попробуй убеди теперь этого человека, что у его ребенка есть проблема! Как же ребенок скажет ему, что у него проблема, когда тот живет в делирии своего эгоцентризма и никогда не готов выслушать другого? А как он выслушает своего ребенка, жену, если постоянно пребывает в этом делирии и твердит себе

противоположное, чтобы не прервать своего блаженного самоупоения в пристани, которую сам себе создал?

Наши пристани зачастую оказываются воображаемыми. Мы сами создали их и думаем, будто это пристань. То есть вокруг нас ревет буря, а нам и дела нет: мы пребываем в глубоком сне и понятия не имеем о том, что происходит в реальности. И наша воображаемая пристань превращается в самую грозную опасность, где все может пойти ко дну, а нам и горя мало. Но когда мы просыпаемся, оказывается уже поздно, и тут мы впадем в две крайности, что хуже всего: или в жестокость и бесчеловечность, или в отчаяние и безнадежность.

Спокойствие, хладнокровие и уравновешенность среднего пути, характерного для смиренного человека, исчезают, потому что, как говорил старец Паисий, начинаются бесконечные вопросы «почему»:

— Почему это произошло? Почему он сделал это? Почему предал меня? Почему меня? Почему меня не понимают?

И так человек вступает в порочный круг бесчисленных вопросов, не имеющих ни ответа, ни конца и существующих только для того, чтобы мучить его.

Помня об этой огромной ответственности, которую мы все несем как родители, как семья, мы всегда должны быть начеку и никогда не успокаиваться тем, что якобы все в порядке. Да, мы будем радоваться, наслаждаться минутами мира, счастья, вкушать все блага, которые предлагают нам наша семья, дети и брак, не будем позволять тревожности функционировать нездоровым образом и доводить нас до болезни. Но в то же время мы всегда должны смотреть, хорошо ли поступаем, все ли идет как надо, такой ли я, каким должен быть, даю ли другим то, чего они хотят? Слышу ли, какие послания шлют мне семья, жена (муж), дети? Слышу ли себя самого? Поступая так, мы будем духовно бодрствовать и сможем в любой момент встретить любое затруднение.

Одна из самых больших проблем в семье — то, что мы боимся открыть другому, что нас

волнует. Например, приходит женщина и говорит вам:

— Знаете, один человек на работе (в автобусе, подъезде) делает мне нескромные предложения (или еще что-то) и не дает проходу. Я в трудном положении, я в искушении, вижу, что сил не хватает, и уже начинаю колебаться, поэтому боюсь.

Весьма вероятно, что вы посоветуете ей:

— Скажи об этом своему мужу!

— Да как я ему об этом скажу? Он же убьет или меня, или его!

А почему? Потому что не может об этом слышать.

Другой пример. Приходит к нам ребенок и признаётся, что принимает наркотики, и мы ему говорим:

— Скажи об этом родителям!

— Да как я им об этом скажу? Мама же этого не выдержит! Наложит на себя руки! Или меня убьет.

С нами часто происходила эта ситуация. Я несколько раз поддавался соблазну рассказать об этом родителям подростков. Был еще

неопытным и совершил много ошибок подобного рода. Предложил парню:

— Ну ладно, если ты не осмеливаешься, хочешь, я им скажу?

— Да, отче! Скажи им ты!

Я сказал. Но, Господи, помилуй, что тут началось!

— Да полно тебе, дочь, остановись! — пытался я образумить мать. — Успокойся! Будь хладнокровней!

Куда там... она своему сыну даже надгробное слово уже произнесла:

— Он всё, умер, умер!

— Да не умер он, дочь! Запасись терпением, хладнокровием.

И смотришь на них: один совсем впал в бессилие и рвет на себе волосы, а другой готов убить своего ребенка!

Как можно, создав семью, сохранить ее таким образом? А как реагировать, если ты все годы витал в сладостном упоении тем, что ты хороший отец, хороший супруг, что все в порядке и твой кораблик покоится в пристани?

К сожалению, пристань зачастую бывает очень опасной, и именно в ней происходят самые лютые кораблекрушения. Давайте же всегда иметь благое беспокойство — не о других, чтобы шпионить за ними, а о себе самих, чтобы испытывать себя, сомневаться в себе и таким образом быть готовыми спокойно, уравновешенно и хладнокровно, полагаясь на Божию любовь, встретить всё в семейной жизни. Молю Бога, да благословит Он вас, да благословит ваши семьи, детей, всех людей и да покроет вас от всякого зла!

Перевела с болгарского Станка Косова

Об авторе

Митрополит Афанасий (Николау) — епископ Кипрской Православной Церкви. Он родился 8 февраля 1959 года в Лимасоле, втором по величине городе Кипра, в семье преуспевающего предпринимателя. В крещении мальчика назвали Андреем. Он жил благополучнее, чем большинство его сверстников, с детства мог ни в чем себе не отказывать и наслаждаться материальными благами. Но у Андрея были совсем другие интересы. С юных лет его жизненной средой стала православная церковь.

В возрасте четырнадцати лет Андрей уходит из родительского дома и поступает в школу при Священной Митрополии кипрского района Пафос. В 1976 году его рукоположил во диакона митрополит Пафоса Хризостом, который в настоящее время возглавляет Кипрскую Православную Церковь.

В том же году отец Андрей продолжил учебу на богословском факультете Университета имени Аристотеля в Салониках. Обстановка в городе святого великомученика Димитрия приятно удивила юношу: «Помню, как в 1976 году я поехал учиться в Грецию и был необыкновенно поражен, когда, в первое же воскресенье придя в храм, увидел там молодых людей. Впервые я видел молодых людей в церкви». Учеба в Салониках позволила юноше регулярно посещать расположенную неподалеку Святую Гору Афон. Он лично познакомился со святогорскими старцами: «Эти люди открыли нам, что человек действительно может стать истинным чадом, сыном Божиим. Своей святой жизнью они показали нам, что все, о чем говорит Спаситель в Евангелии, все, что Он обещал нам, все, что мы читаем в житиях святых, может стать реальностью, может происходить и в наши дни».

В 1980 году отец Андрей удалился на Святую Гору Афон, где вступил в число братии Нового Скита, духовником которого был известный старец Иосиф (впоследствии прозванный Ватопед-

ским). В 1982 году отец Андрей был пострижен в великую схиму с именем Афанасий и рукоположен во пресвитера.

С 1987 года братство старца Иосифа приняло на себя труды по возобновлению монашеской жизни в афонской Ватопедской обители. Старец Иосиф продолжил оставаться духовником братии, а отец Афанасий был помощником игумена и членом собора старцев. Их трудами монастырь стал самым большим по численности на Афоне, начал вести огромную общественную, благотворительную и миссионерскую работу.

Способности и управленческий талант отца Афанасия не остались незамеченными. Он был избран протоэпистатом (управляющим) Святой Горы на период с 1991 по 1992 год. Значение этого события трудно переоценить. Эту ответственную должность на Афоне принято доверять пожилым монахам, которые обладают высоким авторитетом и большим опытом монашеской жизни. Отец Афанасий стал самым молодым протоэпистатом за всю тысячелетнюю историю афонского монашества.

В 1991 году Святую Гору посетил Архиепископ Кипра Хризостом I. Он предложил отцу Афанасию вернуться на Кипр, чтобы помочь возрождению одного из древних монастырей. Отца Афанасия очень опечалило это предложение, так как он не хотел покидать Афон, но, получив одобрение старца Порфирия Кавсокаливита и благословение своего духовного отца, он решил оказать послушание.

4 ноября 1993 года отец Афанасий был избран игуменом монастыря Божией Матерью Махера. Несмотря на многочисленные попечения, значительную часть своего времени он уделял общению с народом: выступал с открытыми беседами, принимал исповедавшихся, помогал людям советом и материально.

11 февраля 1999 года он был единогласно избран духовенством и мирянами митрополитом Лимасольским. 14 февраля 1999 года состоялась его архиерейская хиротония с возведением в сан митрополита.

С 1993 года четыре раза в месяц митрополит Афанасий выступает с открытыми беседами

ОБ АВТОРЕ

в храмах Лимасольской митрополии и Кипрском университете. Аудиозаписи открытых бесед с митрополитом очень популярны в Греции и на Кипре. В православном мире митрополита Афанасия называют Новым Златоустом.

Содержание

Счастье — не главная цель брака	3
Брак — это крестовоскресный путь.	15
Гармония — главное в семейной жизни.	29
Мы не учили детей самому важному.	44
Воспитание детей по святому Паисию Святогорцу.	54
Разрушение семьи.	85
Притча о милосердном Отце.	99
Любить, ничего не требуя	124
Любовь — это отдать себя другому	140

СОДЕРЖАНИЕ

Никогда не уязвляйте другого человека .	156
Любовь и рассудительность	172
Три искушения в браке	207
О повиновении в браке	232
Не может быть брака с условиями	249
Брак — ад или рай?	263
Кораблекрушение в гавани	278
Об авторе	297

Духовно-просветительское издание
Митрополит Лимасольский
Афанасий

Брак ад или рай?

Перевод с болгарского и новогреческого

С. Косовой, Д. Лампадиста

Редактор • *Е. А. Волкова*

Оформление • *иеромонах Матфей (Самохин)*

Обложка • *С. В. Червонный*

Верстка • *Н. Л. Харитонова*

Корректор • *Н. Н. Родионова*

Технолог • *М. Ю. Мыскин*

В оформлении использованы материалы фотобанка Лори

Подписано в печать 04.09.2018 г.

Формат 70x100/32. Объем 9,5 п.л. Тираж 10 000 экз.

Печать офсет. Бумага офсетная. Заказ № 8704.

Адрес издательства Сретенского монастыря:

107031 г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Отпечатано с готовых файлов

издательства Сретенского монастыря

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Интернет-магазин: www.sretenie.com

Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-82-10; 621-86-40

Магазин «Сретение» (495) 623-80-46

Люди в наше время далеки от правильного, христианского понимания смысла брака. Это становится причиной того, что из освященного Богом гармоничного союза мужчины и женщины брак часто превращается в некое подобие ада на земле. Митрополит Лимасольский Афанасий (Николау) в своих беседах помогает понять, как не допустить такого плачевного исхода и создать полноценную семью.

Книга адресована тем, кто только задумывается о вступлении в брак, и тем, кто уже встретил свою вторую половину и хочет, чтобы в доме воцарились любовь и взаимопонимание.

